

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(33)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
ПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
ГЕОПОЛИТИКА
ТЕМА НОМЕРА
ЭКОНОМИКА
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
POLITICS
FOREIGN AFFAIRS
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION
GEOPOLITICS
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
ECONOMICS
ROUND TABLE
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета –

Вагиф Гусейнов, директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора –

Юрий Поройков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Михаил Делягин, д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации
Владимир Егоров, д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН

Андрей Кокошин, академик РАН, первый заместитель к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям

Сергей Кортунов, д. полит. н., зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ

Николай Михайлов, д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Алексей Пушкин, к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

Владимир Рыжков, к.и.н., политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»

Леонид Слуцкий, д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам

Андрей Федоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, к. соц. н.
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов 5

ПОЛИТИКА

Валерий Буянов. «Русский мир» как глобальный проект 7

Александр Ципко. Игры застенчивых либералов. *Комментарии к докладу*
«Демократия: развитие российской модели» 23

«500 слов»

Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России 31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Андрей Суздальцев. Российско-грузинский кризис (январь–август 2008 г.) 37

Георгий Мирский. Исламизм – третья ступень ракеты деколонизации? 52

Евгений Канаев. Предупреждение угрозы терроризма в Южно-Китайском море:
перспективы российского участия 70

Эльдар Касаев. Иракский ТЭК – «островок нестабильности»
для российских инвестиций 81

Елена Комлева. Энергия Арктики: партнерство России, Германии и Европы 90

В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Александр Дугин. Экономическая безопасность постсоветского пространства 104

ГЕОПОЛИТИКА

Расим Агаев (Азербайджан). Евразийский дискурс российской геополитики 111

Владимир Дергачев (Украина). Геополитическая трансформация Крыма 118

ТЕМА НОМЕРА: Национальная идея

Павел Гуревич. Об изнанке феномена 137

ЭКОНОМИКА

Максим Братерский. Политическая деятельность международных компаний 149

Владимир Паньков. Россия и ВТО 162

ДЕБЮТ

Аскар Валитов. Экспорт демократии: помощь или угроза? 170

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Изъяны и ресурсы социального управления 179

ПУБЛИКАЦИИ

Религия в нашей жизни

Геннадий Бочаров. Человек перед Богом. *Беседа с митрополитом Крутицким*
и Коломенским Ювеналием 193

Расим Агаев (Азербайджан). Миссия в Тебризе.
Глава из книги «Мир-Али Кашкай» 200

Тайны истории

Владимир Рошупкин. Удар по Нью-Йорку 211

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Будущее как сюрприз.
О книге Роберта Нисбета «Прогресс: история идеи» 219

Петр Цветов. Общее и частное в мировой практике федерализма.
О книге Джорджа Андерсона «Федерализм: введение».
Изд. Оксфордского университета 223

Рецензии

Вагиф Гусейнов. *О книге Владимира Ахмедова*
«Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока
(вторая половина XX – начало XXI вв.)» 228

Тезисы статей на английском 231

Об авторах 242

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov	5
----------------------	---

POLITICS

Valery Buyanov. «The Russian world» as a global project	7
Alexander Tsipko. Bashful liberals' games. <i>Comments on the «Democracy: Developing the Russian Model» Report</i>	23

«500 words»

<i>Foreign correspondents speak about their life and work in Russia</i>	31
---	----

FOREIGN AFFAIRS

Andrey Suzdaltsev. The Russian-Georgian crisis (January–August 2008)	37
Georgy Mirsky. Islamism: the third stage of the decolonization missile?	52
Yevgeny Kanayev. The prevention of terror threat in the South Chinese sea: prospects of the Russian participation	70
Eldar Kasayev. The Iraqi fuel & energy complex (FEC) as a small 'Instability Island' for the Russian investments	81
Elena Komleva. The arctic energy: partnership of Russia, Germany and the Europe ..	90

IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Alexander Dougin. The economic security in the post-Soviet space	104
--	-----

GEOPOLITICS

Rasim Agayev (Azerbaijan). The Eurasian discourse of the Russian geopolitics	111
Vladimir Dergachev (Ukraine). Geopolitical transformation of the Crimea	118

THE ISSUE MAIN TOPIC: National idea

Pavel Gurevich. The phenomenon's seamy side	137
---	-----

ECONOMICS

Maxim Bratersky. The political activities of the international companies	149
Vladimir Pan'kov. Russia and WTO	162

DEBUT

Askar Valitov. Export of democracy: the help or the threat?	170
---	-----

ROUND TABLE

Defects and resources of social management	179
--	-----

PUBLICATIONS

Religion in our life

A human being before God. Gennady Bocharov converses with Metropolitan Yuvenaly of Krutitsy and Kolomna	193
Rasim Agayev (Azerbaijan). Mission in Tabriz	200

Secrets of history

Vladimir Roschupkin. Impact across New York	211
---	-----

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The future as the surprise. <i>On the book Progress: The History of the Idea by Robert Nisbet. M., 2008</i>	219
Peter Tsvetov. The general and particular in the world practicing federalism. <i>On the book Federalism: An Introduction by George Anderson. Oxford University Press, 2008, 96 pp.</i>	223

Reviews

Vagif Guseynov. <i>On the book The Socio-Political Processes in the Mid-East Arab countries (the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries) by Vladimir Akhmedov.</i>	228
--	-----

SUMMARY	231
---------------	-----

OUR AUTHORS	246
-------------------	-----

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Читатель этого номера будет, несомненно, знать о войне в Южной Осетии больше, чем знаем мы о ней сегодня. Сейчас же, когда я пишу эти заметки, все внимание сосредоточилось на проблеме быстрейшего вывода российских войск с территории Грузии, а в более широком контексте – на реализации подписанного всеми сторонами договора.

Военный конфликт завязал еще один непростой узел мировой политики, а мир реально перестает быть однополярным, считают многие политологи. И с этим нельзя не согласиться. Но такой вывод требует и более основательного осмысления возникшей ситуации, не преувеличивая, но и не преуменьшая ее сложности. Пока же, при динамично развивающейся обстановке, явно недостаточно объективной информации.

В номере публикуется статья *Андрея Суздальцева «Российско-грузинский кризис (январь–август 2008 г.)*, дающая, на мой взгляд, достаточно полное представление о том, как складывались отношения между нашими странами в предшествующие конфликту месяцы и как развивался кризис, приведший к военному столкновению.

Я же остановлюсь лишь на некоторых вопросах, возникших при первичном анализе ситуации.

1. Война, несомненно, стала катализатором процессов, уже давно латентно протекавших в мировой политике – усиления конфронтационного потенциала между Россией и Западом, тактики постепенного выдавливания России с постсоветского пространства. Можно предположить, что вследствие этой войны на Кавказе данные тенденции приобретут дополнительный импульс.

2. Очевидно, что США явно не ожидали столь быстрой реакции России и полного провала военной операции Саакашвили, своего «стратегического» союзника. И даже при таком исходе команда Буша пытается – и не без успеха – выставить Россию агрессором. Но среди большинства стран Западной Европы призывы Вашингтона к полной изоляции России не нашли понимания, они получили безоговорочную поддержку разве только со стороны Польши и прибалтийских стран. На этом фоне никак нельзя рассматривать как рядовое событие визит в Москву премьера Турции Эрдогана. Как видим, и у давнего союзника США, члена НАТО, достаточно поводов для недовольства политикой США и на юге Кавказе, и в регионе Большого Ближнего Востока.

3. Операция России по принуждению к миру стала поводом для США и их восточноевропейских сподвижников интенсифицировать процедуру вступления Грузии и Украины в НАТО. Во всяком случае, их шансы уже в декабре получить вождеденное приглашение в блок возросли. Все это вынуждает Россию корректировать линию поведения в отношениях с альянсом в целом. Первым предупредительным «звонок» с нашей стороны явилось решение Минобороны России прервать все контакты с НАТО по военной линии. Надо полагать, продуманы и дальнейшие шаги в этом направлении.

4. Война в Южной Осетии заставляет пересмотреть и российскую политику союзничества и развития отношений с постсоветскими странами. Уже не первый год эксперты говорят о негативных тенденциях в СНГ. Сделала ли Россия все возможное для укрепления Содружества? Боюсь, что нет. Сейчас очевидно, что мы имели дело не просто с политическими заявлениями и митинговыми декларациями со стороны руководителей ряда стран Содружества, а с продуманной и выработанной системой мер – явно не на пустом месте появ-

вились утверждения наших военных о том, что в боевых расчетах грузинских сил ПВО принимали участие спецы из стран СНГ.

5. Для самого грузинского лидера предпринятая им авантюра явилась ощутимым ударом по его авторитету как среди сограждан, так и западного общественного мнения. Но личная судьба Саакашвили – вопрос все же второстепенный, и его решать грузинскому народу. Буш и его команда, связанные обязательствами с грузинским лидером, стараются изо всех сил защитить его, даже вопреки элементарной логике. Но для следующего президента США поле для маневра и принятия политических решений расширяется.

Самое печальное, что в результате авантюры Саакашвили на долгие годы подорваны нормальные отношения между Россией и Грузией, между нашими народами.

6. Стержнем дальнейшего развития событий и основным камнем преткновения в диалоге Россия–Запад, как и ожидалось, стал вопрос о территориальной целостности Грузии. Хотя, как признал посол США в России, «решение должно также учитывать принцип самоопределения наций». Но как совместить эти два противоположных принципа, а главное – как объединить на добровольной основе Грузию, Абхазию и Южную Осетию в одно государство после пролитой крови и против желания абсолютного большинства населения самопровозглашенных республик – на этот вопрос у США и их союзников по НАТО внятного ответа не было.

Как представляется, они рассматривали два варианта решения проблемы: либо продолжение военной авантюры (на этот раз с открытой вооруженной поддержкой Грузии), либо оправдавший себя в Косово сравнительно мирный путь: введение в эти республики взамен российских миротворцев международных полицейских сил, навязывание непризнанным республикам временный протекторат ООН (ЕС) с последующей передачей этих автономий под власть Тбилиси...

Российские власти в течение более полутора десятков лет не шли на признание независимости самопровозглашенных республик, хотя поводов для этого, особенно после Косово, было более чем достаточно. Агрессивные действия Грузии коренным образом изменили ситуацию.

У России, по большому счету, выбора уже не оставалось – поддерживать или не поддерживать волеизъявление двух народов.

И узел был разрублен.

25 августа Совет Федерации и Госдума РФ на внеочередных заседаниях приняли единогласно обращение к президенту РФ, в котором предложили признать независимость Южной Осетии и Абхазии.

26 августа Дмитрий Медведев подписал указы о признании РФ независимости Южной Осетии и независимости Абхазии.

В. Гусев.

Валерий БУЯНОВ

«РУССКИЙ МИР» КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

В мире обостряется борьба между цивилизациями и крупнейшими государствами. Борьба не только в области экономики, политики, военной силы, но и в сфере ценностей и представлений о будущем.

Мировые игроки, обосновывая претензии на глобальное лидерство, предлагают свои проекты (модели) грядущего мироустройства и своего места в нем. Такие проекты можно назвать панидеями – идеями-концепциями, которые, как отмечал еще более ста лет назад немецкий геополитик К.Хаусхофер, провозглашают большие цели и становятся жизненными формами будущего¹. Среди основных панидей можно выделить:

- панамериканскую идею, которая выступает в виде RAX Americana, как символ «нового мирового порядка» и глобализации по американскому образцу;
- паневропейскую идею Большой Европы, позиционирующую себя как мощный центр силы, обладающий огромными потенциями в экономической, гуманитарной и других областях;
- панкитайскую идею, ставящую целью объединение Великого Китая, модернизацию экономики, превращение Китая в сверхдержаву;
- панисламскую идею, строящуюся на уверенности в неизбежном расширении мусульманского мира и создании всемирного халифата.

Можно говорить и о других панидеях, в частности, японской, предлагающей «обгоняющее развитие»*.

Россия не может влиться ни в один из «восточных» или «южных» цивилизационных проектов: это не позволяет ни российская идентичность, ни ее собственные амбиции. Фактически Россия сегодняшних

¹ См.: Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Карл Хаусхофер о геополитике. Работы разных лет. – М. 2001. С. 253.

* Национальный план Японии предполагает появление 100 новых технологий, которые позволят к 2030 году стране уйти в отрыв от всех остальных.

дней более близка к евро-американской модели «прогресса». Но парадигма «догоняющего» развития чрезвычайно опасна, ибо все больше ставит под вопрос субъектность России, грозит превращением ее в объект хозяйствования лидирующих стран Запада. С оговорками можно согласиться с мнением о том, что «чисто западническая линия для России полностью исчерпана»².

Несмотря на переживаемые трудности, Россия в состоянии выработать, а впоследствии и реализовать, собственную концепцию развития, идущую в русле ее идентичности и имеющую глобальный характер. Эту концепцию все чаще обозначают как «русский мир».

Понятие «русский мир» не могло появиться в Советском Союзе в силу идеологии интернационализма, политики формирования «новой исторической общности – советский народ» и по причине негативного отношения к эмигрантам. Концепция «русского мира» начала разрабатываться в середине-конце 90-х годов как ответ на проблему русских диаспор за рубежом и рассеивания русскоязычных на обширном постсоветском пространстве. По данным зам. министра иностранных дел России Г.Карасина, вне России проживает не менее 30 млн. наших соотечественников³. Ряд экспертов считает, что число русских и русскоговорящих за рубежом значительно больше названной цифры. Один из первых разработчиков концепции «русского мира» П.Щедровицкий говорит о 300 миллионах человек. Примерно такой же цифры придерживается исполнительный директор фонда «Русский мир» В.Никонов, который полагает, что ныне каждый двадцатый житель Земли, так или иначе, принадлежит к русскому миру.

Советское государство не имело позитивного опыта выстраивания отношений с русским зарубежьем. По идеологическим и другим причинам русских, живущих вдали от родины, воспринимали как недругов.

Сейчас положение изменилось. Принят ряд законодательных актов, в соответствии с которыми разворачивается практическая работа. В 1999 г. вступил в силу закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». В 2001 г. президентом страны утверждена концепция государственной политики РФ по поддержке соотечественников. Создана Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, которую в 2005 г. возглавил министр иностранных дел России С.В.Лавров. В 2006 г. в Санкт-Петербурге проведен Всемирный конгресс соотечественников. В июне 2007 г. В.В.Путин подписал Указ «О создании

² *Иванова Е.В.* Анализ кризиса политической культуры // Международная безопасность России в условиях глобализации / Под общ. ред. В.А.Михайлова, В.С.Буянова. – М., 2007. С. 382.

³ См.: *Карасин Г.Б.* Россия и соотечественники // Международная жизнь. 2007. №12. С. 13.

фонда «Русский мир», цель которого – популяризация русского языка и поддержка программ его изучения за рубежом. Приступил к работе Координационный совет российских соотечественников, подобные советы созданы в более 60 странах со значительной русскоязычной диаспорой. В российской дипломатической службе заработал специальный механизм – Департамент по работе с соотечественниками за рубежом.

Как видим, налицо общая тенденция к значительной интенсификации работы с зарубежными соотечественниками. Теперь эта сфера закрепляется в качестве одного из приоритетов во внешней политике, да и внутренней, если иметь в виду вопросы переселения.

Вместе с тем в научном плане проблематика русского мира разработана пока слабо. Нуждается в более основательном осмыслении сама категория «русский мир». Она зачастую трактуется однобоко – лишь как мир русского зарубежья. Но правильно ли рассматривать русский мир без самой России, без «материнской страны»? Важно – в теоретическом и практическом плане – соединить два мира: мир «России – матушки» и мир ее детей, рассеянных по всей планете. Именно в таком широком понимании целесообразно трактовать понятие «русский мир».

Встречается мнение, что более политкорректно говорить о российском, а не русском мире. Но почему мы все время опасаемся употреблять слово «русский»? Ведь именно русские составляют 80% населения Российской Федерации, это государствообразующая нация с великой историей и культурой. Н.А.Нарочницкая в статье «Не бойтесь, что мы русские» пишет: «Хватит нам запрещать называть себя русскими. Во-первых, потому что мы живем в стране, названной нашим именем, земля которой полита нашей кровью. Потому мы имеем на это право. А во-вторых, это противопоставление россиян и русских не выдерживает никакой критики в философско-историческом плане. Россиянин – это гражданское состояние, гражданская нация. Россиянин – это и русский, и башкир, и этнический немец, и калмык... Но россияне не рожают культуры. Великих гениев культуры и шедевры искусства, даже басни и сказки, рожают только немцы, калмыки, русские, татары как нации. И гений вселенский – всегда гений национальный»⁴.

С давних пор за границей всех выходцев из России называют русскими. Русский – это не просто этнически «чистый продукт» (если такое вообще встречается). Русский – это тот, кто независимо от национальности ощущает себя русским, является носителем русской культуры и русского языка. Сказанное не значит, что белорус или якут, украинец или тувинец, еврей или адыг забывают о своих корнях. Речь может идти о двойной или даже множественной идентичности, но «русскость» при этом совершенно очевидна.

⁴ Нарочницкая Н.А. Русский мир. – СПб, 2007. С. 47.

Существование русского мира – явление объективное, учитывая, что Российское государство – самое обширное на планете, российский народ входит в десятку самых крупных по численности народов мира, а русская диаспора – одна из самых многочисленных. Далеко не все государства, даже большие, смогли породить такой транснациональный и трансгосударственный феномен, который можно было бы назвать «миром». Такие миры создали, кроме России, только Великобритания с Ирландией, Испания, Франция, Китай. Возможно, еще одно-два государства.

«Русский мир» является не суперэтнической, а наднациональной общностью, поэтому *данное явление не столько национальное, сколько цивилизационное*. Наряду с обширностью, это первое отличие русского мира от других. Второе отличие в том, что громадные общины российских и советских, необязательно русских, людей идентифицируют себя с русской культурой и ее стержнем – русским языком. Православие тоже признак русского мира, но оно свойственно не для всех и более характерно для прежнего русского зарубежья. Третья характеристика «русского мира» – лояльность к России, осознание причастности к ней.

Стержень «русского мира», без которого он немислим, – Россия. Чтобы этот мир состоялся как глобальный проект и имел будущее, необходимо дать новый толчок развитию метрополии, обеспечить модернизацию страны. Важный шаг на этом пути – реализация «Стратегии–2020».

Если многократно провозглашенное стремление перевести экономику на инновационный путь развития станет реальностью; если через 15–20 лет по зарплате мы действительно догоним Европу; если не менее половины россиян будет принадлежать к среднему классу; если политическая система будет трансформироваться в направлении демократии; если удастся обуздать коррупцию, найти пути борьбы с правовым нигилизмом – тогда Россия может стать конкурентоспособной по отношению к другим крупнейшим державам, превратится в благоприятную для проживания страну.

Определяя перспективы, важно при этом прочно стоять на почве реальности. Людей раздражает официальный оптимизм, градус которого в последнее время постоянно растет. Это малопривлекательно на фоне многих сегодняшних проблем. Говорим об успехах в строительстве социального государства в то время, когда даже по официальным данным ниже черты бедности сегодня живет более 20 млн. россиян. Называем себя «энергетической сверхдержавой», но не можем в полной мере обеспечить газом и электричеством собственное население. В условиях мирового продовольственного кризиса заявляем об огромных потенциальных возможностях для экспорта сельхозпродукции, а на самом деле страна ввозит почти 40% продовольствия, что вдвое ниже планки продовольственной безопасности. И так по многим позициям, будь то авиастроение, автопром или другие отрасли.

В этом проявляется исконная болезнь власти – советской и постсоветской – говорить о светлом будущем при множестве нерешенных вопросов повседневной жизни населения.

Сказанное, конечно, не отрицает значения прогностической работы. Речь идет о чувстве меры и соотнесенности задач сегодняшнего и завтрашнего дней.

Успешное продвижение страны вперед обусловливается несколькими факторами. Прежде всего – это разработка алгоритма развития, отличного от развития догоняющего. Догнать и даже перегнать Запад в каких-то отраслях случалось, и не единожды. Но найти совершенно новую парадигму коренной модернизации удалось лишь однажды – в результате коммунистического эксперимента. Он закончился неудачно, хотя не следует забывать, что на протяжении ряда десятилетий СССР был историческим лидером, внесшим решающий вклад в разгром фашизма, открывшим космическую эру, больше других способствовавшим деколонизации мира.

Что сейчас Россия, отказавшаяся от коммунизма, может предложить миру? Прежде всего, если она хочет осуществить чрезвычайно амбициозный проект и стать глобальным лидером, необходимо обосновать свой сценарий будущего мирового развития, базирующийся, возможно, не на классической теории линейного прогресса, а подразумевающий бифуркационный характер перемен, вызванных глобализацией.

Следующий фактор, от которого во многом зависит настоящее и будущее России и всего русского мира, – позиции страны на международной арене. В одном из выступлений Д.А.Медведев отметил, что России нужно несколько десятилетий спокойного, мирного развития. Столетие назад примерно об этом же говорил председатель правительства П.А.Столыпин, который мечтал о двадцати годах без войн и революций и который бросил своим антагонистам знаменитое: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»

Современной России совершенно противопоказаны новые потрясения, учитывая, что в результате крупнейших катаклизмов XX столетия – четырех революций (включая 1991 г.), двух мировых и многих локальных войн, сталинских репрессий, геополитической катастрофы и грабительской приватизации 90-х годов – российский народ измотан и обескровлен, в определенной мере подорван его генотип, ослаблена пассионарная активность. Поразительно, что Россия не только выжила в этом огне истории, но и возрождается к новой жизни. О невероятной выживаемости россиян говорили многие, в современной Америке даже придумали термин «социальное чудо» России. В самом деле: то, что было сотворено с нашим государством и обществом в конце XX века, не выдержала бы, пожалуй, никакая другая страна.

Говоря о желательности сценария мира, нельзя не учитывать, что его реализация зависит не только от России. Мирному развитию могут воспрепятствовать другие крупные геополитические игроки, прежде всего, США с их далеко зашедшей «самонадеянностью силы».

Сегодня далеко не все решают экономика, политика и военная мощь. Все чаще говорят о возрастающем значении «мягкой силы», о возможностях влияния на остальной мир силами идей. Россия, чтобы вырваться в лидеры, должна сформулировать свою идеологию, свою «повестку дня», используя не столько западную терминологию, сколько яркие самостоятельные идеи и новые подходы к решению проблем.

Только созданием собственных ноу-хау – от технологии до политологии – Россия сможет заинтересовать мир и повысить свой авторитет. К сожалению, ситуация в этом отношении не самая лучшая. К примеру, в довоенные и первые послевоенные годы было менее 150 академиков, сейчас их в несколько раз больше, но количество в качество не перешло. Как отмечает зам. директора Института прикладной математики профессор Г.Малинецкий, за последние 20 лет наша наука не выдвинула ни одного проекта стратегического масштаба⁵. По-видимому, прав бывший премьер В.Зубков, который говорил, что денег сейчас больше, чем идей, и больше, чем людей, способных на крупные дела.

Стратегические цели России невозможно реализовать, не решив демографическую проблему. Она носит всемирный характер. Но если в азиатском и мусульманском мирах население постоянно увеличивается, то в странах западного ареала картина совсем иная. Коренное население государств Европы сокращается, происходит старение наций, меняется этнический состав Старого света. Видный американский политический деятель П.Дж.Бьюкенен в книге «Смерть Запада» отмечает, что «нации «первого мира» вымирают, ни один европейский народ, если не считать мусульманской Албании, не в состоянии обеспечить надлежащий уровень воспроизводства...», «Европа утратила жизненную энергию...», «европейцы – исчезающий вид...», «НАТО вскоре предстоит защищать обширный мир пенсионеров»⁶.

Демографические проблемы Запада в определенной степени нивелируются передовыми технологиями, высоким удельным весом национального продукта, производимым каждым работающим. США, к примеру, составляют примерно 4,5% мирового населения, но на их долю приходится 20% мирового ВВП.

В России ситуация иная. Производительность труда отстает от западной во много раз. Огромные территории обезлюдены. Решать сложные задачи приходится в условиях депопуляции, когда число смертей начиная с 1992 г. в полтора раза превышает число рождений. Согласно

⁵ Малинецкий Г. Станет ли Сибирь 52-м штатом США? // Известия. 2008. 6 июня.

⁶ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М., 2007. С. 27, 41, 153.

прогнозам экспертов ООН, численность населения России сократится к 2050 г. до 108 млн. человек. Некоторые демографы делают еще менее утешительные прогнозы⁷. Мы наблюдаем парадоксальную и тревожную тенденцию: *русский мир за рубежом растет, а в самой России – сокращается*.

В этих условиях первостепенное значение имеют вопросы реализации долгосрочной демографической программы и обновленной миграционной политики. Экспертные оценки таковы: потребность России в иммигрантах до 2020 г. составит не менее 10 млн. человек, т.е. к нам должно приезжать и обустриваться на постоянной основе примерно миллион человек в год. И хотя, по словам директора Федеральной миграционной службы К.О.Ромадановского, «сегодня Россия по количеству въехавших в страну мигрантов уступает только США»⁸, нет точных данных о числе иммигрантов в нашей стране, учитывая значительную долю нелегальных гастарбайтеров. Количество последних определяется цифрой 10–12 млн. человек⁹, то есть примерно в два раза больше, чем лиц, прошедших регистрацию.

Миграцию 90-х годов можно определить как *миграцию геополитической катастрофы*. Такие миграции возникают в результате распада больших полиэтнических государств, резкой смены политического устройства, передвижения границ. Миграции катастрофы образуются мгновенно, имеют шоковый характер и плохо поддаются контролю со стороны принимающего государства. Сказанное в полной мере относится к постсоветской иммиграции, 80% которой приходится на долю граждан из республик СНГ. Для Российской Федерации предпочтительны переселенцы из бывших советских республик. Они легко адаптируются к российской жизни, практически все эти люди знают русский язык.

Что касается *русского зарубежья*, понимаемого как «русский мир» в его узком значении, то данное явление имеет давнюю историю. Считается, что самая многочисленная эмиграция из России приходится на ее третью волну, когда в результате революции и Гражданской войны из страны уехало 2,5 млн. человек¹⁰. Современная русская эмиграция по количеству выехавших сопоставима с той, которая пришлась на 1918–1925 гг.

Между этими эмиграционными волнами есть ряд общих черт, в частности, высокий интеллектуальный уровень покинувших родину,

⁷ См.: Антонов А.И. Демографическое «затмение» России // Безопасность России в XXI веке. – М., 2006. С. 310.

⁸ Ромадановский К.О. Приветственное слово участникам конференции // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: Материалы международной конференции / Под общ. ред. В.К. Егорова. – М., 2008. С. 51.

⁹ См.: Капица С.П. Очерки теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество // Безопасность Евразии. 2008. №1. С. 129.

¹⁰ См.: Кобузан В. Русские в мире. – М., 1996. С. 30–32.

похожие маршруты оседания. Но есть и принципиальные различия. Так, если между эмиграцией третьей волны и советским государством существовали отношения вражды, то нынешнее поколение эмигрантов (примерно 100 тыс. в год начиная с 90-х годов прошлого столетия)¹¹ в своей основной массе поддерживает связи с родиной. Современная эмиграция (трудовая, переселенческая, брачная) сравнительно молодая, более прагматична, но не так сплочена. Несколько изменились и маршруты оседания русских за рубежом, наиболее стабильно выезжают в Германию (47% эмигрантов), Израиль (22%), США (17%), Канаду (3,4%)¹².

Русские эмигранты последней волны не обременены комплексом неприятия политического режима России и не стремятся позиционировать себя как представители «потерянной родины». Они пока не сформировались как хорошо организованные и влиятельные диаспоры, но идут по этому пути.

Классические диаспоры представляют собой сообщества людей одного этнического происхождения, живущих за пределами исторической родины и ставящих цель сохранения своих культурных и языковых традиций. Диаспоры выполняют двоякую роль: с одной стороны, они призваны объединить переселенцев, помочь им сохранить свою идентичность, с другой – способствовать интеграции в принимающее общество. Диаспоры можно и нужно рассматривать не только с точки зрения идентичности и интеграции, но и как важные инструменты – экономические, политические, культурные – воздействия на страну пребывания и даже на международное сообщество.

Использование диаспоры как своего ресурса широко применяет Китай, где целенаправленно действует Комитет по делам зарубежных китайцев. Китайская зарубежная диаспора в настоящее время составляет свыше 30 млн. человек, по неофициальным данным, это число достигает 70–80 млн. более чем в 140 странах. За последние 20 лет более 60% зарубежных инвестиций пришло в Китай именно от китайской диаспоры. При этом китайские предприниматели, живущие в других странах, контролируют 50% частного капитала на Филиппинах, 70% – в Индонезии, 80% – в Таиланде и Малайзии¹³.

Активно занимаются диаспорами соотечественников Армения, Германия, Индия, Испания и другие страны, которые определили эту работу в качестве важнейшего приоритета национальной политики.

Говоря о русских сообществах за рубежом, следует отметить их отличие от других диаспор. Во-первых, русские диаспоры, как и «рус-

¹¹ См.: Гольдин Г.Г., Лобер В.Л. Соотечественники в дальнем зарубежье: проблемы и пути их решения // Россия и современный мир. – М., 2001. С. 49.

¹² См.: Геополитическое положение России: представления и реальность. – М., 2000. С. 169.

¹³ См.: Сидоров О. «Gazeta.kz». 2003. 24 ноября.

ский мир» – феномен не мононациональный, а полинациональный, явление культурно-цивилизационное. Во-вторых, общины наших соотечественников во многих случаях не отвечают общепринятым определениям диаспоры. Слово «диаспора» с греческого переводится как «рассеивание» и первоначально понималось как совокупность евреев, расселившихся (со времени Вавилонского плена, VI в. до н.э.) вне Палестины. Впоследствии диаспорами стали называть этнические группы, живущие вне страны своего происхождения¹⁴. Следовательно, диаспора – это этническая община, проживающая на территории, исторически не принадлежащей народу, частью которого она является.

В подобном толковании термин «диаспора» может быть применен к русским эмигрантам XIX в. и к тем, кто уехал в советские времена, покинув страну по желанию или по принуждению. Но как быть с теми русскими, которые вдруг, именно вдруг, оказались на территории иностранного государства в результате событий 1991 года? Ведь они веками жили на территории, ими освоенной и исторически им принадлежавшей в рамках единого государства, будь то Российская империя или СССР. И это не русские рассеялись по другим территориям, это их государство внезапно уменьшилось в размерах и оставило своих граждан за пределами новых границ, в результате русский народ оказался «разделенной нацией». Живущие в постсоветских странах русские никогда не чувствовали себя временщиками, так как воспринимали себя частью большой Родины. Поэтому им и нелегко, в отличие, например, от британских колонистов, покинуть страну своего нынешнего пребывания.

Заграничный «русский мир» можно подразделить на две большие группы: сообщества ближнего зарубежья (постсоветских государств) и дальнего зарубежья. Первую группу в начале 90-х годов составили 25,3 млн. русских, которые по всесоюзной переписи населения 1989 г. проживали за пределами РСФСР в других союзных республиках. Часть из них переехала в Россию (примерно 2,5–3,5 млн.) и около 0,5 млн. эмигрировало в дальние страны.

Русские в ближнем зарубежье вынуждены выбирать из трех вариантов: ассимиляцию в титульную нацию, отъезд в Россию или в другие страны, отстаивание равных прав в новом сообществе. На практике последний вариант остается самым труднореализуемым.

В отдельных республиках некоторые русские стали менять свои идентичностные характеристики. К примеру, на Украине часть из них (в основном из смешанных семей) «перезаписалась» в украинцы, посчитав это более удобным и политически выгодным в независимой Украине. Аналогичная массовая перезапись, отмечает директор Института этнологии и антропологии РАН академик В.А.Тишков, но только из

¹⁴ См.: Новый энциклопедический словарь. – М., 2001. С. 337.

украинцев в русские, произошла на Украине между переписями 1926 и 1937 гг., дав возможность политически ангажированным историкам зачислить несколько миллионов украинцев в жертвы голода 1932 года¹⁵.

На Украине по инициативе руководства этой страны набирает обороты антироссийская кампания, идет активная спекуляция на истории для построения самоидентичности, противостоящей идентичности российской. Примеров множество – от принятия украинским парламентом решения о голодоморе 1932–1933 гг. как «факте» геноцида украинского народа со стороны Москвы до признания национальными героями Украины тех, кто выступал против России: Сагайдачного, Мазепы, Петлюры, Бандеры, эсесовцев украинского происхождения. Антироссийской риторикой сопровождается расширяющаяся кампания официального Киева по приему Украины в НАТО. Русскому языку отказывают в статусе государственного, в то время как на нем говорят не только этнические русские, составляющие почти треть населения, но и многие украинцы, особенно на востоке и юге страны.

Русский язык не только цементирует «русский мир» ближнего зарубежья, но и является своего рода лакмусовой бумажкой отношения как к нашим соотечественникам, так и к самой России. Если в Белоруссии он является государственным языком, в Казахстане – языком официального общения (в парламенте дискуссии по основным вопросам ведутся на русском языке), то во всех трех республиках Балтии – иностранным языком.

В Прибалтике русофобия стала частью государственной политики. Русские испытывают к себе негативное отношение со стороны властей, которые видят в России «оккупанта» и потенциального врага, а в русскоязычном населении – угрозу обретенной независимости. Между тем «русскому миру» в Прибалтике несколько сотен лет. Значимая часть русской общины – переселившиеся в допетровские времена староверы, есть русские семьи, которые живут в Прибалтике после Ништадского мира 1721 г. Осели здесь и потомки белой эмиграции, и воины, освобождавшие страны Балтии от фашизма, и те, кто приехал восстанавливать и создавать народное хозяйство этих стран.

Проблема ущемления прав и свобод русских в Прибалтике обсуждается уже много лет подряд, но урегулирования ситуации не происходит. С другой стороны, многие важные для русских общин вопросы не находят должной поддержки со стороны России, русские политические структуры слабы. Не прельщает наших соотечественников и программа добровольного переселения на историческую родину. Прежде всего, из-за того, что качество и стандарты жизни в России отстают от Евросоюза, членами которого являются страны Балтии. Как говорит-

¹⁵ <http://www.russkiymir.ru/ru/magazine/042007/?id4=151&i4=9>

ся, «рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше», поэтому русские прибалты не так уж и рвутся в Россию. Они предпочитают оставаться там, несмотря на антирусскую истерию и даже на то, что сотни тысяч из них считаются негражданами.

У каждой постсоветской страны свои особенности формирования «русского мира», свои проблемы, ждущие анализа и решения. Как, например, надо было понимать «русский мир» в непризнанных республиках Абхазия и Южная Осетия, где более 80% жителей имели российские паспорта, но формально оставались в составе Грузии? Имеет ли смысл ставить вопрос о русской общине или особом «русском мире» в Белоруссии, где большинство людей говорит на русском языке, который является основным и в вузах республики? Как будут строиться отношения с русскими в Крыму и в Севастополе после 2017 г., когда, возможно, закончится срок аренды нашей главной военно-морской базы на Черном море? Или взять Москву: в каком направлении будет развиваться взаимодействие между разными «мирами» мегаполиса: «русским миром» и «мирами» выходцев из постсоветского пространства, численность которых в столице, по разным оценкам, варьируется от 1,5 до 3 с лишним млн. человек? Исследователи между тем пришли к выводу, что «критическая доля» иммигрантов в общей массе населения не должна превышать 10%, иначе ситуация может привести к межнациональным конфликтам.

«Русский мир» в дальнем зарубежье представлен весьма широко. В США проживает 7 млн. русскоговорящих, в Израиле – 1,6 млн. человек. В странах Евросоюза русских уже 10 млн. человек – это самое большое национальное меньшинство¹⁶. Стали создаваться русские общины там, где их раньше не было, например, в Испании.

Мигранты последней волны представляют широкий социальный спектр. Здесь много подавшихся на заработки, но немало и тех, кто сколотил крупные состояния в лихие 1990-е годы и уехал «от греха подальше». Есть политические эмигранты «разного профиля» – от разведчиков-перебежчиков до тех, кто политическими мотивами прикрывает свое криминальное прошлое. Масса ученых, вынужденных уехать в силу нищенского существования на родине (в Силиконовой долине – крупнейшей технологической фабрике мира – работает примерно 200 тыс. выходцев из России)¹⁷.

В США бытует такая шутка: что такое американский университет? Это место, где гениальные русские профессора обучают гениальных китайских студентов.

¹⁶ См.: Никонов В. Русские собираются // Известия. 2008. 28 мая.

¹⁷ См.: Шмелев Н.П. Вступление в ВТО – не самый важный вопрос для современной российской экономики // Глобализация: Россия и ВТО / Под общ. ред. В.А.Михайлова, В.И.Кушлина, В.С.Буянова. – М., 2005. С. 20.

Во многих государствах русские диаспоры еще недостаточно организованы и институционализированы, их воздействие на политическую жизнь страны пребывания невелико. И это притом, что русские – одна из самых политизированных наций. Но есть страны, где влияние выходцев из России (Советского Союза) весьма ощутимо. Примером может служить Израиль, где наши соотечественники, эмигранты разных волн, составляют четверть его населения. Большая часть их уезжала в Израиль, не испытывая вражды к России, – они ехали строить свою «старо-новую» родину. В результате Россия стала для «русских израильтян» фактически метрополией, с которой их связывают многие интересы. Можно сказать, что именно в этой стране сформировалось первое пророссийское лобби. Русская община Израиля смогла оформить себя и выдвинуть своих представителей во все уровни власти, что позволило активизировать и политические контакты с Россией.

Иное положение русскоязычного населения в Великобритании. Их влияние на политику страны незначительно, а если и существует, то зачастую носит отрицательный характер, имея в виду российско-британские отношения и влияние на них таких фигур, как экс-офицер КГБ О. Гордиевский, предприниматель Б. Березовский, эмиссар самопровозглашенной «Республики Ичкерия» А. Закаев, журналистка Е. Трегубова и др. Дело Лугового, обвиняемого британцами в убийстве Литвиненко, обрело характер политико-дипломатической и пропагандистской войны, отголоски которой не утихли и сейчас.

Тем не менее сегодня Великобритания стала наиболее притягательной для новой русской элиты, как в свое время для русских аристократов был Париж. Богатые люди из России и бывших советских республик «захватывают» недвижимость Лондона и его окрестностей в таких масштабах, что журнал «Форбс» ввел в оборот термин «Лондонград». И если, отмечает журнал, русская речь в Лондоне раньше была чем-то из ряда вон выходящим, то теперь в этом нет ничего необычного. Ныне в Лондоне и его пригородах крупной недвижимостью владеют 10 миллиардеров из России и еще человек 200 россиян с состоянием в несколько сотен миллионов долларов¹⁸.

По данным российского посольства, количество русскоговорящих в Лондоне составляет сейчас 250 тыс. человек. По другим источникам, в том числе британским, только в столице Соединенного Королевства их проживает до полумиллиона. Это не только сверхбогачи, но и представители среднего и малого бизнеса, менеджеры, ученые, деятели культуры, работники низкооплачиваемых профессий, студенты. Пример туманного Альбиона примечателен и тем, что значение «русского мира» в другой стране не всегда адекватно его численности. Дело также и

¹⁸ См.: Виноградов А.С. «Лондонград», или к вопросу о русской иммиграции в Великобритании // Российская Федерация в международных отношениях. – М., 2008. С. 196.

в значимости фигур (со знаком «+» или со знаком «-»), которые его представляют.

Таким образом, *«русский мир» – явление глобальное.* Этот мир представляет собой реальное, а еще более потенциально – сильное культурно-цивилизационное образование, способное успешно соперничать с другими крупнейшими цивилизационными ареалами. Формируя «русский мир» как планетарный проект, Россия обретает новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы развития.

Есть основания полагать, что сейчас «русский мир» и две его главные составляющие – Российская Федерация и русское зарубежье – находятся на пороге качественного скачка. Но для того, чтобы обеспечить прорыв и оказать серьезное воздействие на собственную модернизацию и формирование обновленной идентичности, требуется несколько условий.

Первое. России предстоит вырваться в лидеры социально-экономического и интеллектуального прогресса. Амбициозные проекты, сформулированные двумя руководителями государства, должны быть подкреплены и обеспечены мерами организационного, финансового, информационно-пропагандистского и иного характера.

Пять «И»* концепции президента Д.А.Медведева:

- *институты*, имея в виду улучшение деятельности государства и органов управления, развитие демократии, приоритет законов;
- *инновации*, призванные обеспечить преодоление научно-технического отставания РФ от развитых стран;
- *инвестиции*, внутренние и внешние, способные насытить финансами наше хозяйство, в том числе социальную сферу;
- *инфраструктура* (дороги, аэропорты, связь и пр.), которая запущена и требует наибольших капиталовложений;
- *интеллект*, упор на развитие человеческого капитала, максимальное использование потенциала информационного общества в дальнейшем будет, по-видимому, дополняться другими важными задачами, которые предстоит решать сегодня и в ближайшие годы.

Среди них, например:

- *инфляция*, которая серьезно беспокоит большинство россиян и которую пока не удастся обуздать;
- *идеология*, забвение которой оборачивается деконсолидацией общества, серьезным понижением планки духовной жизни;
- *имидж* страны, создание привлекательного образа России, на основе которого можно выкристаллизовать стержневую идею, сплачивающую весь русский мир;

* Пятый элемент концепции назван на Международном экономическом форуме в Петербурге (июнь 2008 г.).

– *идентификация* России как государства с великим прошлым, качественными переменами в настоящем и нацеленностью на грядущее лидерство.

Стратегические цели развития должны быть не только продекларированы, но и доведены до массового сознания, восприняты народом, которому эти цели предстоит осуществлять. В советские времена обращение власти к «массам» было частым, но нередко носило демагогический характер. Сейчас другая крайность: если не считать выборов, руководство чаще апеллирует к политической и бизнес-элите, чем к обществу.

В наши дни, когда вновь чрезвычайно актуализируется лозунг «кадры решают все», на передний план выходит задача разработки в масштабе государства кадровой политики. У нас бесчисленное количество тех, кто называет себя «менеджерами», а по числу охранников мы, наверное, опять «впереди планеты всей». В то же время обесценены, в прямом и переносном смысле, самые массовые профессии – рабочие и инженеры, врачи и учителя, работники культпросветучреждений. В бедности живет подавляющее большинство сельского населения. Без поднятия планки оплаты и повышения престижа их труда решение выдвинутых задач остается под большим вопросом.

Второе. В построении современного «русского мира» чрезвычайно важная роль принадлежит диаспорам соотечественников, разбросанным по всему свету. За последние два-три десятилетия эмиграция из СССР и России приобрела столь массовый характер, что некоторые стали говорить о русской экспансии.

Координация, а тем более – объединение усилий метрополии и зарубежных сообществ, позволит придать русскому миру новую жизненную энергию. Со стороны русского зарубежья, особенно его европейского и американского ареалов, Россия могла бы получать капиталы в виде инвестиций и инновационных разработок, а также лоббирование российских интересов за рубежом, в том числе ослабляя политическое давление НАТО на РФ. В свою очередь, со стороны России русское зарубежье, прежде всего, в постсоветских странах, в состоянии было бы рассчитывать на защиту их гражданских и политических интересов, обучение студентов, оказание помощи в работе русских просветительских центров.

Важно сделать очередной шаг: не ослабляя политики попечительства, переходить к политике сотрудничества с зарубежными соотечественниками, которые предпочитают быть не «объектами» политики России, а субъектами общей с ней деятельности на благо русского мира.

Третье. Цементирующим началом в деле формирования и сплочения русского мира выступает русский язык как стержень русской культуры. Люди не только говорят, но и думают в категориях и конструкциях соответствующего языка. Владение русским языком – обязательное условие принадлежности к русскому миру. Но обратной зависимости нет,

то есть владеющий русским языком вовсе не обязательно принадлежит к русскому миру. Президент Грузии М.Саакашвили, например, прекрасно владеет русским языком, но в силу антироссийской политики его нельзя, конечно, отнести к русскому миру. Нам значительно ближе лауреат Государственной премии России за 2007 г., бывший президент Франции Жак Ширак, который является большим ценителем русской культуры, а его перевод «Евгения Онегина» считается едва ли не лучшим переводом поэмы на европейский язык.

Особое место в собирании «русского мира» принадлежит Русской православной церкви, которая после воссоединения с Русской зарубежной церковью в 2007 г. значительно усилила свою роль в сплочении соотечественников. Православные приходы и храмы во многих странах – то место, где собираются русские люди и где происходит их духовное общение.

Можно по-разному относиться к деятельности РПЦ и ее сегодняшним инициативам. Вместе с тем невозможно отрицать значение Русской православной церкви в становлении Российского государства, в борьбе с иноземными захватчиками и защите «Святой Руси». В конце концов, русскую идентичность трудно представить без православия, которое выступает одним из оснований самоидентификации русского человека. И сегодня Русская православная церковь выполняет главную задачу, стоящую перед русским миром – единение, преодоление раскола.

Было время собирания земель, сегодня надо озадачиться собиранием людей.

Четвертое. Требуется усилить научно-прогностическую деятельность, связанную с дальнейшей разработкой и реализацией концепции «русского мира» – глобального проекта, предусматривающего как расширение пространства русского присутствия, так и пространства российского доминирования.

В числе актуальных задач – осуществление Государственной программы добровольного переселения в Россию соотечественников, создание приемлемых условий для их жизни и работы. Забота о своих соотечественниках – признак сильного государства. Уместно в данной связи привести слова премьер-министра Испании Хосе Луиса Родригеса Сапатеро: «Великой может считать себя только та страна, которая заботится о своих соотечественниках, независимо от того, где они проживают – на родине или за рубежом. Мы стараемся, чтобы данная забота стала реальностью...Мы гордимся, что вернули исторический долг многим людям»¹⁹.

¹⁹ См.: Забота о соотечественниках. Испанский опыт // Проблемы и мнения. Бюллетень главной редакции мониторинга Федерального государственного учреждения Росийская государственная радиовещательная компания «Голос России». 2008. 8 апреля.

Границы «русского мира» проходят там, где живут русские, посему – это планетарный мир. Для его более тесного единения и взаимодействия составляющих необходимо активнее использовать Интернет и другие достижения информационной революции. Представляется целесообразным разработать комплекс мер, направленных как на улучшение информирования русского зарубежья о жизни «материнской страны», так и на получение обратной связи. Должна сложиться специфическая русскоязычная интернет-культура и создан банк данных о русском мире.

Пятое. «Русский мир» – путь к объединению людей, к обновлению российской идентичности. В этом обновлении мы что-то теряем и что-то находим. Большая открытость и раскрепощенность перед внешним миром вместо прежней замкнутости, рост предприимчивости, повышение в рейтинге национальных ценностей таких качеств, как материальный успех и индивидуальные свободы, опора на собственные силы и постепенное вытеснение патерналистских ожиданий – эти и другие сравнительно новые грани идентичности и ментальности содействуют более быстрому вовлечению россиян и страны в целом в глобализирующийся мир.

Среди цивилизаций, государств и народов русский мир, хочется надеяться, не затеряется и будет в состоянии занять лидирующие позиции на новом витке цивилизационного развития человечества. Но зависеть это будет, прежде всего, от успехов России как ядра «русского мира», от укрепления ее положения, действительно отвечающего первой строчке нашего национального гимна.

Александр ЦИПКО

ИГРЫ ЗАСТЕНЧИВЫХ ЛИБЕРАЛОВ

*Комментарии к докладу «Демократия: развитие российской модели»**

Мне довелось изучить доклад Института современного развития во время работы Международного экспертно-политического форума (Республика Форос – 2008). По счастливой случайности основной темой нынешнего, одиннадцатого по счету, собрания молодых политологов в Форосе как раз и была демократия и пути ее развития в России. Таким образом, у меня появилась возможность прочесть доклад глазами студентов, обучающихся политологии, соотнести текст этого документа с теми простыми, во многом спонтанными вопросами, которые задавали экспертам, участникам «круглого стола» алчущие истины и правды молодые политологи.

Перечислю эти вопросы не в порядке поступления, а в логике анализа самой проблемы. Скажу сразу, и это меня удивило больше всего: в анализируемом мной докладе Института современного развития не было такой сквозной логики исследования.

Но вернемся к тому, что по данной проблематике интересует молодых политологов в первую очередь. Вопрос первый, чаще всего звучавший в комментариях студентов: «Почему так болезненно происходит процесс формирования демократии в России? Почему бывшие социалистические страны Европы быстрее и успешнее прошли путь от коммунизма к демократии?» Вопрос второй: «В какой мере западные модели демократии приемлемы в России?» Вопрос третий. Он повторялся чаще всего и сопровождался более «горячими» комментариями: «Что сдерживает, тормозит развитие демократии?» Вопрос четвертый: «В чем особенность «российской модели» демократии?» И пятый вопрос: «Что можно сделать уже сейчас для демократизации России?»

Так вот. Я с удивлением для себя обнаружил, что как эксперты, идеологи СПС, принимающие участие в нашей дискуссии в Форосе,

* Доклад подготовлен Центром политических технологий по заказу Института современного развития.

так и анонимные авторы рецензируемого мною доклада, не смогли ответить на эти вопросы по существу.

Удивляет, что ни эксперты, принимавшие участие в нашем «Круглом столе», ни авторы рассматриваемого доклада не провели сравнительный анализ процессов перехода от тоталитаризма к демократии в бывших социалистических странах, не показали, чем отличается становление демократических институтов в России, к примеру, от Польши, Венгрии, Чехии. Ведь на самом деле сравнение нашей российской переходной демократии с демократиями Запада ничего не дает для понимания содержания наших проблем. Сам по себе наш выход из коммунизма является уникальным по своей политической и социальной природе, а потому, с научной точки зрения, надо было бы сравнивать, сопоставлять историю становления демократии в посткоммунистической России с подобными процессами.

Я понимаю, почему этот сравнительный анализ выпал из поля зрения экспертов, которых мне довелось слушать на «круглом столе» в Форосе. Они все же были идеологами СПС и, как представители оппозиционной партии, были вынуждены сконцентрировать основное внимание на критике политической практики эпохи Путина. И надо отдать должное их политическому мужеству. Но мне трудно понять, почему в работе, претендующей на научность и объективность, не раскрыты особенности и история становления демократических институтов в России. Авторы доклада вообще не учитывают качественную особенность становления демократии в посткоммунистической России, а рассматривают эти процессы исключительно в терминах теории модернизации.

У нас во время дискуссии в Форосе, как сказал один из выступающих из зала студентов, не сложился разговор по существу, разговор о путях развития демократии в России. Хотя участники «круглого стола» рассказали много интересного и полезного о сущности либерализма и демократии, о том, что России нужна демократия и что пора перестать «замораживать» развитие нашей политической системы. Немало было сказано экспертами и о христианской, религиозной основе европейского социализма. Но самое поразительное, что идеологи СПС, участвующие в дискуссии в Форосе, так и не смогли сформулировать ни одного конкретного предложения по совершенствованию нашей политической системы, кроме общего положения, что выборы должны стать прозрачными и проводиться на конкурентной основе. Интересно, что, несмотря на критический пафос услышанных мною выступлений, никто из экспертов СПС, включая и одного из его ведущих идеологов, не поставил под сомнение саму возможность развивать демократию в России на основе нашей Конституции.

Обращаю особое внимание на эту особенность политического мышления идеологов СПС, ибо она важна для понимания, как мне думается, природы торможения демократии в России.

Так вот, ни в докладе, представленном на суд общественности Институтом современного развития и, несомненно, претендующего на определение стратегии развития политической системы, ни в выступлениях идеологов СПС на дискуссии нет ни одного, повторяю, ни одного конкретного предложения, как и каким образом совершенствовать нашу политическую систему. В докладе не обсуждается даже такая тривиальная, повторяемая многими политиками мера, как возвращение к выборам при формировании сенаторского корпуса. В докладе нет также раздела, посвященного перспективам и путям развития демократии.

Участники «круглого стола» о демократии в Форосе очень много говорили об авторитарных тенденциях в политической практике, но с поразительным умением обходили проблемы, связанные с особой политической природой нашей Конституции, закрепившей победу Ельцина в гражданской войне 1993 года. Несмотря на настойчивые просьбы из зала, они так и не смогли сказать ничего существенного ни об особенностях формирования демократии в России после распада СССР, ни о факторах, сдерживающих этот процесс.

И тут снова я наталкиваюсь на прямые параллели между идеологическими акцентами, которые расставили в Форосе идеологи СПС, и идеологическими акцентами, которые дают о себе знать в докладе Института современного развития. В нем довольно обстоятельно и подробно рассматриваются изъяны нашей избирательной системы. На мой взгляд, этот раздел доклада отличает высокое качество анализа. Честно говорится о том, что на самом деле «большая часть общества воспринимает голосование на думских выборах практически как референдум доверия исполнительной власти». Правда, непонятно, почему этих начал референдума было, как они полагают, больше на думских выборах 2007 года, чем на президентских выборах 2008 года. В этой части доклада внимание акцентируется на том, что у нас, в России, «вертикаль власти» (губернатор – мэр, глава района – председатель участковой избирательной комиссии) мотивирована, прежде всего, на максимализацию результата «партии власти». Соответственно, если желаемый (а точнее – заданный спущенными сверху «контрольными показателями») результат оказывается недостижим «электоральными средствами», включается прямой «административный ресурс»: зажим оппозиции, создание преимуществ кампании «партии власти», манипулирование избирательными бюллетенями.

Вот, собственно, и все содержательные доминанты доклада. Большое место занимает раздел о политических партиях в России. Но авторы так и не увидели особенность нашей многопартийной системы, которая состоит в том, что у нас есть партии, которые имеют право побеждать в борьбе за власть, и есть партии, как КПРФ, которые фактически обречены на поражение.

Обращает на себя внимание и то, что в докладе много деклараций, которые никак не подкреплены серьезным анализом содержания проблемы.

Авторы настойчиво повторяют, что «необходимость сильной президентской власти» ни у кого из них не вызывает сомнений. Несомненно, без сильной власти современная Россия не выживет. Согласен. Но достижима ли в России сильная власть только на основе так называемых «всенародных выборов президента»?

Сильная власть в России вытекает не только и не столько из процедуры ее формирования, сколько из набора властных полномочий, из авторитета и воли политика, оказавшегося на вершине российской власти. Для модернизационных реформ действительно важно, чтобы у политика, оказавшегося на вершине власти, было достаточно полномочий и авторитета для принятия непопулярных решений, для ограничения интересов элит, сдерживающих развитие страны. Но с функциональной точки зрения, с позиции национального развития, не имеет никакого значения, как будет называться этот наш российский главный – президент, председатель съезда народных депутатов или премьер-министр.

В России президентская власть имеет короткую историю, и полагать, что народ российский уже не может жить без того, чтобы не отождествлять главную власть с президентской, вряд ли правомерно, тем более, в условиях наблюдающейся девальвации самой процедуры всенародных выборов президента. Ведь об этой девальвации наших выборов говорят и авторы доклада. Они или лукавят, или отягощены своими политическими пристрастиями. Неужели не видно, что с каждым очередным выборным циклом легитимность этой процедуры становится все более и более уязвимой. Уже президентские выборы 2004 года многое потеряли в глазах населения из-за того, что кандидатом в президенты был выдвинут бывший охранник Владимира Жириновского. И в 2008 году у нас были на самом деле не всеобщие выборы президента страны, а референдум доверия населения курсу Путина. Сложившаяся у нас процедура преемственности власти, согласно которой главным, реальным кандидатом в президенты является тот, кого назначает на должность преемника действующий президент, сводит на нет саму процедуру этих выборов.

Какой смысл имеют выборы, если уже решено, кому быть «преемником»? Эту фразу, думаю, слышал каждый из нас на улице или в транспорте накануне мартовских выборов 2008 года.

И самый важный аргумент, сводящий на нет все эти утверждения, что только всенародно избранный президент гарантирует нам в России сильную власть.

Путин завоевал право на премьерство путем участия в выборах в Думу в качестве лидера «Единой России». И вряд ли кто-то из уважае-

мых авторов доклада рискнет утверждать, что Путин как лидер правящей партии имеет менее прочные позиции в России, чем всенародно избранный президент Путин.

За утверждением, что при любых условиях всенародные выборы президента дают более легитимную, более сильную власть, чем премьерство, завоеванное путем достижения большинства на парламентских выборах, стоит, полагаю, укоренившийся в сознании нашей политической элиты миф, лежащий в основе объяснения причин политического поражения Горбачева. Согласно этому мифу, Горбачев оказался слабее Ельцина из-за того, что не решился на всенародные выборы президента СССР. И по этой якобы причине Горбачев, избранный президентом СССР на Съезде депутатов, оказался менее легитимным, чем всенародно избранный Ельцин. Авторы этой концепции не учитывают, что после ГКЧП, давшего толчок распаду страны, уже не играло никакой роли, как и каким образом был избран президентом Горбачев. Ельцин победил Горбачева не потому, что был всенародно избран, а потому, что олицетворял собой надежды на быстрые перемены.

Интересно, что авторы доклада, как я уже говорил выше, по непонятной причине обходят вниманием тот опыт реального развития реальной демократии, который возник в результате участия действующего президента Путина в парламентских выборах в качестве лидера одной из политических партий. Ведь на самом деле этот опыт интересен тем, что сам по себе является робким, но все же шагом в сторону премьерско-президентской модели. Понятно, что этот опыт противоречит исходной установке авторов доклада, их идее, что сильная власть в России должна быть президентской, но тем не менее и с теоретической, и с практической точки зрения нельзя исключать, что соединение морального лидера нации с премьерской властью может превратиться в политическую практику.

Но, наверное, нет смысла начинать спор с авторами доклада по существу. Ведь, как я уже отмечал, основные концептуальные положения доклада декларируются, но чаще всего не обосновываются.

Интересно, что студенты, участвующие в дискуссии, привели больше аргументов в защиту тезиса о неразрывной связи модернизации и демократизации России, чем авторы доклада. Они обращали внимание на то, что «замораживание» строительства политических институтов вредно не только потому, что мешает формированию обратной связи между властью и обществом, но и потому, что ухудшает имидж собственной страны в глазах молодежи.

Верно утверждение авторов доклада, что «россияне ориентируются на Европу как цивилизационную модель (в том числе – в организации политической жизни). Но из этого следует, что россияне, и, прежде всего, молодые, активные, талантливые россияне, оценивают достоинство, качество своей страны в зависимости от качества, развитости

нашей политической жизни. В приватной беседе один из наиболее активных участников дискуссии из зала сказал мне, что среди его друзей после нашего выборного цикла 2007–2008 годов увеличилось количество тех, кто хочет выехать из страны.

Психология вообще выпала из поля зрения авторов доклада. Нет анализа человеческих, ментальных предпосылок развития демократии (тема национальных особенностей развития демократии не раскрыта); нет анализа истории формирования демократических институтов, нет истории пережитых нами в последние двадцать лет кризисов, нет анализа сложившейся политической системы и ее кризисов, о чем я уже говорил, нет никаких конкретных предложений.

Я лично так и не понял, что на самом деле советуют авторы доклада президенту, кроме как сохранить в России президентскую модель власти.

И здесь возникает вопрос, к которому я так долго подводил читателя. Если в докладе на самом деле нет никаких предложений, направленных на совершенствование демократии в России, если здесь нет ни анализа истории становления нашей политической системы, ни ее структурных противоречий, то зачем я уделяю так много внимания анализу этого документа?

Отвечу, почему.

Скорее всего, анонимные авторы доклада Института современного развития видят Россию и ее проблемы глазами нашей либеральной оппозиции. И в этом нет ничего неожиданного. Наиболее сильная, квалифицированная часть нашего экспертного сообщества по своим убеждениям близка к тем, кого мы называем сейчас «либеральной оппозицией». Не секрет, что многие наши крупные чиновники на выборах голосуют не за свою «партию власти», а за оппозиционную СПС.

И не в том ли дело, что те, кто расставлял идеологические акценты в докладе, сочли возможным сотрудничать с командой Путина, а те, кого я слушал в Форосе, кто открыто говорит о своей принадлежности к СПС, находятся в оппозиции к так называемому «режиму Путина»?

Скажу сразу. Лично мне по душе больше те из либералов, кто открыто отстаивает свои политические убеждения. Они, на мой взгляд, проявляют большую моральную готовность к коррекции своих взглядов, к самокритике, к признанию своих ошибок, чем либералы, сотрудничающие с властью. Но надо понимать, что все те, кто сегодня называет себя либералами, представляют один и тот же политический класс, сформировавшийся в условиях малой гражданской войны осени 1993 года.

Я совсем не случайно обратил внимание на нежелание и авторов упомянутого доклада, и некоторых идеологов СПС, которых слушал в Форосе, искать препятствия на пути к «размораживанию» нашей демократии в самой Конституции, в структуре нашей сверхпрезидент-

ской власти. И тут я подхожу к решающему моменту моего исследования.

Вся суть в том, что наши российские либералы являются и идейными вдохновителями антидемократического, антиконституционного переворота, так называемого указа 1400 от 20 сентября 1993 года, и декабрьской этого же года Конституции, закрепившей итоги их победы над Съездом народных депутатов.

По этой, во многом личной, причине и возникает характерное для всех российских либералов убеждение, что без сверхпрезидентской республики Россия погибнет, что Конституция, закрепившая их победу, вне всяких подозрений.

Я уже с 1990 года пишу, что наши либералы являются западниками лишь наполовину, что вторая половина их души принадлежит большевизму, принадлежит идее «цель оправдывает средства», идее революционного насилия. Вся трагедия и драма нашей антикоммунистической революции состоит в том, что она совершалась людьми, которые исповедовали ценности свободы, но которые не были демократами, ибо полагали, что большинство в России не готово ни к свободе, ни к реформам.

На мой взгляд, в докладе Института современного развития потому и не содержится никаких предложений совершенствовать сложившуюся политическую систему, что все же основные акценты здесь составляли либералы, которые полагают, что российское население пока не доросло до демократии. На самом деле, в главном позиция авторов доклада носит не столько либеральный, сколько охранительный характер, ибо с самого начала отвергает возможность выхода за ограничения нашей сверхпрезидентской республики.

Вчитайтесь в цитируемое далее концептуальное кредо доклада, и вы убедитесь, что авторы доклада с самого начала не были готовы к серьезному разговору о возможностях совершенствования нашей политической системы, о путях демократизации России.

«Очевидно, что для России 90-х годов выбор модели с сильным парламентом был заведомо невозможен. Высокая поляризация общества и элит по оси «реформы – реставрация» требовал доминирования президентской власти, проводящей «реформы сверху»: Россия – единственная из трех десятков посткоммунистических стран, в которых на протяжении всего периода самых болезненных реформ (до 2000 г.) президент не имел большинства в парламенте. Поскольку трансформационные процессы в России не завершены, а лишь вступают в новый этап «постиндустриальной модернизации», сохранение сильной президентской власти представляется абсолютно необходимым, однако целеполагание применения этой «силы» должно измениться.

Как следует из сформулированных выше долгосрочных целей модернизации, именно президентская власть и только она одна может

задать вектор вовлечения в трансформационные процессы более широких слоев общества (в первую очередь – среднего класса), сместить акценты в экономической модели на инновационные отрасли, создать стимулы для предпринимательской активности. Фактически речь идет об управляемой сверху либерализации политической жизни страны».

Другими словами, народ России не готов к модернизации, его можно поставить на путь трансформации только «силой», а преодолеть эту инерцию масс можно только путем «управляемой сверху либерализации политической жизни страны».

Вот идейное кредо авторов доклада. Эта доктрина стояла и за ельцинским государственным переворотом 1993 года, и стоит за текстом нашей Конституции.

Понятно, что при подобном взгляде и на Россию, и на народ российский не могла идти речь о развитии демократии всерьез.

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И РАБОТЕ В РОССИИ

Питер ван дер СЛОТ, корреспондент газеты «Де Телеграф», крупнейшей газеты в Нидерландах с тиражом 700000 экземпляров, в Москве – с 1996 года. Автор (под псевдонимом Питер Ватердринкер) многих романов, в том числе и тех, действие которых происходит в России. Его роман «Немецкая свадьба» переведен на немецкий язык, готовится английское издание

Я хотел бы поговорить о свободе прессы. Скучная тема, не так ли? Мне приходилось не раз писать о слишком высокой концентрации электронных медиа в руках государства во времена Владимира Путина. Как многие мои иностранные коллеги, я не раз выражал озабоченность по этому поводу. И сейчас я иногда скучаю по «старому» НТВ, нет, не по хаосу тех лет, а по открытому телевидению, иногда анархическому, но не руководимому сверху, по свежей и «мужественной» журналистике.

Но в то же время я не устаю и говорить, и писать о свободе прессы в России, которая в иных своих формах, может, и превосходит аналогичные параметры за рубежом. Если взглянуть на журнальные киоски от Калининграда до Владивостока, на все эти цветастые издания, будь то спортивные журналы, эротика, экономические и прочие еженедельники, то это говорит само за себя.

Я всегда делаю различие между внешней и внутренней свободой прессы. Внешне такая страна, как Нидерланды, имеет все признаки страны с развитой свободой прессы. Но внутренне, по существу, она мало используется. Всякий раз, когда я бываю в Голландии и наблюдаю за тамошними так называемыми «публичными дискуссиями», у меня ноют зубы. Просто от стыда. В отличие от, например, Франции или России, уровень знаний в таких дискуссиях очень низок, а эрудиция вообще выглядит подозрительно. То, что дойдет до зрителя или слушателя, почему-то определяют люди с самыми громкими голосами и самыми телегеничными физиономиями. Одни и те же знаменитости

могут торчать в телевизоре каждый день. Им все равно, о чем вести речь – о генетике, мировом продовольственном кризисе, аресте Радована Караджича – их взгляд на проблему является определяющим. И – «пипл хавает».

Я возвращаюсь в Россию, к родным русским масс-медиа. И здесь происходит что-то странное. В последние годы меня часто приглашали принять участие в различных программах на ТВ. Я был гостем в «Культурной революции» у Михаила Швыдкого, в «Пусть говорят» у Андрея Малахова, в «Судите сами» у Максима Шевченко. Меня просили высказаться о брачном контракте, порнографии, эвтаназии, о независимости Косово. Эти программы имеют высокий рейтинг. Иногда они выходят в прямой эфир. Можно было бы предположить, что в средствах массовой информации, находящихся под гнетом Кремля, вряд ли стали интересоваться «западной» точкой зрения на все эти проблемы. И уж, по крайней мере, мне заранее бы объяснили, как и что отвечать на все вопросы. Как это происходит с русскими участниками передач.

Ничего подобного! Каждый раз любезные дамы с телевизионных каналов радостно встречали меня, угощали чашкой кофе и отводили в примерку. Вот так! И я мог сказать на всю Россию, что я на самом деле думаю по тому или иному вопросу. Даже если бы я хотел жестко отозваться о Путине или Медведеве, я бы смог спокойно высказать свое мнение. Потому что никто не затыкал мне рот.

Если бы я пересказал этот свой телевизионный опыт в Нидерландах, мне бы никто не поверил. Осознание этого факта очень печалит меня. Россия – страна, которую не понять без тысячи примечаний. Возможно, задачей корреспондента и является написание этих примечаний. Мои примечания об относительной несвободе русских электронных медиа не означают, что меня не беспокоят вполне ощутимые тенденции. Например, давление, оказываемое властями на Интернет и сетевые дневники, закрытие англоязычной газеты eXile (которая, кстати, никогда мне особенно не нравилась) мне кажется довольно мрачным началом президентства Дмитрия Медведева, человека, который, присягая, поклялся защищать гражданские свободы.

Клиффорд ЛЕВИ, шеф-корреспондент московского корпункта американской газеты «Нью-Йорк таймс» с августа 2007 года

Эта статья представляет сокращенное изложение моего выступления на русском языке перед студентами Санкт-Петербургского университета, которые просили поделиться впечатлениями о городе и стране.

В августе 2006 года я с семьей прилетел в Петербург. Как правило, корреспонденты нашей газеты перед назначением в Россию учат рус-

ский в Америке, но я подумал, что целесообразнее делать это среди россиян. Ведь тогда мое обучение не ограничится пятью-шестью часами ежедневного общения один на один с преподавателем. Когда я хожу на рынок, смотрю телевизор и пополняю мой словарный запас, когда слушаю или спрашиваю о чем-нибудь на улице, разве это не урок? Даже когда я помогаю моим детям (они ходят в русскую школу) с домашним заданием, я продолжаю учиться. Конечно, учить русский надо в России, и не сомневаюсь, наше решение приехать сюда было верным.

Я целый год занимался с преподавателем по 6 часов каждый день, кроме выходных. А сверх того у меня была необходимая для журналиста возможность наблюдать традиции народа, общества, познавать историю страны и города, а также участвовать в жизни Петербурга. Хотел бы поделиться своими первыми впечатлениями, но прежде несколько слов о том, какой представляют Россию американцы.

Несмотря на то, что за последние годы страна изменилась, стала стабильнее и сильнее, для многих американцев образ России остается прежним, каким он был лет 20 назад. Если на улице Нью-Йорка остановить прохожего и попросить его рассказать о вашей стране, я уверен, можно услышать примерно следующее: погода там всегда плохая, люди хмурые, у них нет красивой одежды, там непросто купить продукты. Честно говоря, до приезда в Петербург мое представление о России тоже отличалось от реальности, хотя я много читал и знаю о мире немало...

Страна – это, прежде всего, люди. Еще в Америке, думая о предстоящей командировке, я часто беседовал со знающими людьми о русских и русском характере. Практически все мои собеседники отмечали его крайнюю противоречивость. Когда я думаю о русском характере, мне вспоминается смена времен года в России: летом день может продлиться 20 часов, а зимой – 4. Для меня эти крайности символизируют крайности русского характера.

Иногда незнакомые люди в вашей стране проявляют к нам больше участия и доброты, чем незнакомцы в нашей родной Америке. Однажды в переполненной электричке, где не было свободных мест, пожилая женщина усадила нашего маленького сына к себе на колени. Он сразу заснул и всю дорогу спал, улыбаясь во сне. Женщина была так рада! Для меня – это проявление особой доброжелательности. Такого никогда не случилось с нами в Америке.

В то же время я крайне удивлен тем, как редко люди на улице улыбаются, и как, к сожалению, они иногда нелюбезны, отвечая на вопросы.

Я встречал в России гениальных детей, которые прекрасно играют на музыкальных инструментах, танцуют. И я видел на улице (в 8 часов утра!) мужчин, которые «завтракают» пивом. В Америке увидеть подобное невозможно!

Я слышал о богатстве культурной жизни Петербурга. Конечно, в Америке знают об Эрмитаже, русском балете и шедеврах архитектуры. Но только сейчас я понимаю, насколько русские обожают искусство. Рядом с нашим домом было так много музеев, театров и достопримечательностей, что казалось почти невозможно увидеть все, но мы старались. Мне очень нравилось погружаться в красоту города, просто гуляя по улицам и восхищаясь его архитектурой. Нью-Йорк и Петербург – города-ровесники, но я никогда не назвал бы Нью-Йорк прекрасным старым городом. Я люблю Нью-Йорк, но он не восхищает меня, как Петербург.

В Нью-Йорке с его многочисленными ресторанами можно найти еду на любой вкус, но, к сожалению, мало русских ресторанов (за исключением района Брайтон Бич, где живут эмигранты из России). Знаменит «Русский чайный дом» на Манхеттене. И все же попробовать русскую кухню в Америке трудно, русскую водку – пожалуйста, на каждом углу. Другими словами, до приезда в Россию я, как и многие американцы, почти ничего не знал о русской кухне. Больше всего меня удивило, что русская кухня охватывает так много блюд других народов: грузинского, армянского, еврейского, польского. Для меня такое разнообразие символизирует историю России. Ведь в Америке многие не понимают значения того, что Россия долгое время была империей. И хотя Москва контролировала многие регионы бывшего Советского Союза, они, эти регионы, в свою очередь, оказывали влияние на культуру и жизнь России. К тому же восприятие русской кухни (иностранцами. – *Прим. ред.*) было искажено дефицитом продуктов во время коммунизма.

Сначала мне показалось, что жизнь в Петербурге похожа на жизнь в Нью-Йорке, по крайней мере, с первого взгляда. Но позже я обнаружил, что иногда различия огромны.

Например, празднование Нового года и Рождества. В Америке Новый год – это праздник для взрослых. Рождество – для детей. Подарки мы дарим на Рождество, не на Новый год. Американцы были бы крайне удивлены, узнав, что русские ставят елку только перед Новым годом. У нас елка – главный символ Рождества – сразу после праздника обычно выбрасывается, и к Новому году в доме елки уже нет. Объяснение этому различию дает история вашей страны последних 90 лет, в течение которых коммунистическое правительство пыталось запретить празднование Рождества.

Есть в России традиции и привычки, представляющиеся иностранцам (и мне тоже) странными. Иностранцы недоумевают, когда пожилые люди (особенно женщины) делают им замечание, например, по поводу хождения в холодную погоду без шапки. Это так необычно для США! Американцы просто не понимают роль коллектива в России, им непонятно чувство ответственности за других людей, которое испыты-

вают многие русские. Для американцев нехарактерно давать советы незнакомцам и вмешиваться в чужие дела, потому что принцип американского общества – индивидуализм. Хорошо это или плохо, но это так.

В Нью-Йорке понимаешь, что это еще не вся Америка, жизнь в крупнейшем мегаполисе страны протекает быстрее, сложнее и интереснее, чем где бы то ни было. То же и в Петербурге. Северная столица – это не вся Россия. Но, без всякого сомнения, жизнь в Петербурге дала мне возможность почувствовать вкус российской жизни. У меня впереди 5 лет работы в вашей стране, и надеюсь, меня ожидает много открытий и новых впечатлений.

Винай ШУКЛА, с 1995 г. московский корреспондент главного индийского информационного агентства РТИ (Пресс Траст оф Индия), автор переводов на хинди классиков русской (советской) литературы

Руководители Индии и России не пропускают возможности подтвердить приверженность стратегическому партнерству обеих стран, основанному на традиционных дружеских связях и взаимном доверии, что, впрочем, за небольшим исключением, не смогло воплотиться в полнокровное экономическое сотрудничество между ними.

Валовый продукт экономик России и Индии превышает триллион долларов, но взаимный товарооборот не дотягивает до 5 миллиардов долларов, в то время как товарооборот Индии с Китаем достиг 20 миллиардов, а с Евросоюзом и США – около 40 миллиардов с каждым. Для изменения к лучшему требуются новые подходы.

В июле с.г. президентом РФ Дмитрием Медведевым была утверждена новая концепция внешней политики России, в соответствии с которой развитие дружеских отношений с Индией станет одной из приоритетных задач российской внешней политики в Азии. Поднимется планка доверительных дипломатических отношений с Индией: Россия будет наращивать взаимодействие в таких форматах, как «тройка» (Россия, Индия и Китай), «четверка» – БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). «Углубляя стратегическое партнерство с Индией, Россия проводит принципиальную линию на упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и всемерное укрепление взаимовыгодных двусторонних связей по всем направлениям, особенно на обеспечение существенного подъема в торгово-экономической сфере» – так сказано в концепции внешней политики.

Покупка 20% акций Сахалин-1 индийским энергетическим гигантом ОНГК и планы АФК «Система» инвестировать в индийский рынок телекоммуникаций – это пока немногочисленные примеры взаимных инвестиций в экономики двух стран, что, учитывая высокий уровень политического доверия между нашими странами, слишком мало.

Основная причина плачевного состояния двусторонней торговли и экономических отношений, по-моему, кроется в недостатке у деловых элит наших стран информации и сведений друг о друге. В таком случае придать импульс двусторонним экономическим отношениям могут контакты на уровне регионов, где в памяти людей старая дружба русских и индийцев до сих пор жива.

Недавно мне пришлось побывать в командировке в крае, который мог бы стать примером такого сотрудничества. Богатый нефтью Ханты-Мансийский автономный округ России – Угра, как оказалось, приветствует индийские инвестиции в высокотехнологичные сектора экономики, включая информационные технологии и фармацевтику. Расположенный на Западно-Сибирской низменности Ханты-Мансийск, обеспечивая 7% мировой добычи нефти, дает 60% российского экспорта сырой нефти на мировой рынок и занимает второе после Москвы место среди российских регионов по отчислениям в федеральный бюджет. Губернатор Угры Александр Филиппенко, бывший партийный «аппаратчик», в беседах с журналистами сетовал на угасающий дух «хинди-руси бхай-бхай» («индийцы и русские – братья навек») и приглашал индийских бизнесменов инвестировать в его сибирский «эмират», явно желая направить поток нефтедолларов на создание высокотехнологичного индустриального потенциала и диверсифицировать экономику края. В начале 2003 года здесь был открыт высокотехнологичный Институт информационных технологий для привлечения со всей России ведущих ИТ-экспертов и ученых, которые в эти годы оставались без работы из-за скудного государственного финансирования исследований.

Нефтяное изобилие чудесным образом изменило социальную картину края, который с XVII века оставался местом ссылки политических оппонентов российского правительства. Производимый в Угре валовый продукт на душу населения находится на уровне ВВП Объединенных Арабских Эмиратов и составляет 23–24 тысячи долларов. Губернатор высказывается за активное вовлечение индийского бизнеса в диверсификацию структуры региональной экономики, перед которой поставлена задача к 2020 году уменьшить долю нефтедобычи с нынешних 89 до 48%. Приоритетами индустриального развития, основанного на высоких технологиях и инновациях, станут добыча цветных металлов, энергетика, лесное хозяйство и деревообработка, жилищное строительство и создание инфраструктуры.

Впечатляющие успехи таких регионов, как Угра, открывают новые возможности для масштабного взаимовыгодного сотрудничества Индии и России и подтверждают, что индийскому бизнесу предстоит заново познакомиться со стремительно изменяющейся Россией.

Андрей СУЗДАЛЬЦЕВ

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЙ КРИЗИС (январь–август 2008 г.)

Завершение боевых действий в Южной Осетии является определенным рубежом не только в российско-грузинских отношениях, но и в создании новой геополитической реальности на постсоветском пространстве. Уже с начала 2000-х годов постепенное восстановление политико-экономической мощи России объективно и все интенсивней влияло на структуру взаимоотношений, сложившихся в 1990-е годы на просторах СНГ и в Прибалтике при непосредственном участии США, ЕС и НАТО.

Противоречия из года в год накапливались, прорываясь в очередную «цветную» революцию или «газовую войну».

Ситуация осложнялась тем, что нарастание противостояния между правящими элитами России, с одной стороны, и Украины, Грузии и некоторых республик бывшего СССР, с другой, только внешне имело межгосударственный формат, а, по сути, в своей основе сохраняло и развивало глубинные проблемы между Москвой и Западом.

До недавнего времени медленный процесс реформирования геополитики постсоветского пространства носил в основном политический и экономический характер, не скатываясь, как случилось, например, в Югославии, в силовое русло. Своеобразный политический и экономический «скачок» – «переход количества в качество» – рано или поздно должен был состояться, и внимательное наблюдение за процессами на постсоветском пространстве позволяло прийти к выводу, что изменение общей структуры взаимоотношений между странами СНГ произойдет на основе коренного реформатирования российско-украинских отношений, как наиболее важных и во многом определяющих ситуацию в Восточной Европе. Однако «прорыв» случился в Закавказье – территории, где противоречия между Россией и Западом на фоне глобального энергетического кризиса оказались в наибольшей степени политизированы и в какой-то степени идеологизированы.

Облет 8 июля 2008 г. российской штурмовой авиацией позиций грузинской армии у ворот Цхинвали стал индикатором неуклонного скачивания к вооруженному конфликту. Кроме того, использование боевой авиации для контроля над обстановкой продемонстрировало, что коммуникации между политическим руководством России и Грузии прерваны.

Начавшееся через месяц наступление грузинской армии на Цхинвали оказалось своеобразным итогом полугодового периода попыток остановить общую деградацию российско-грузинских отношений.

Обозначившись в начале текущего года, этот непродолжительный период явился следствием состоявшихся 5 января 2008 г. в Грузии внеочередных президентских выборов. Стоит напомнить, что Россия принципиально проигнорировала как предвыборную кампанию, так и сами выборы, что вряд ли было продуктивно. Хотя голосование граждан Грузии не принесло сенсации, априори оно позволяло отформатировать российскую политику по отношению к Тбилиси и поставить перед грузинским руководством четкие условия нормализации контактов между странами. Был упущен момент, когда определенное время переизбранный президент был вынужден использовать примирительную риторику в отношении России, что в принципе и случилось.

Выступая на своей инаугурации, он заявил о готовности «протянуть руку партнерства нашим северным соседям. Мы должны дружить, должны быть близки друг другу»¹. Фактически М.Саакашвили призвал приступить к формированию российско-грузинских отношений с «чистого листа», что, несмотря на огромный пласт позитивной совместной истории, но крайне негативного политического настоящего, было сомнительно, однако теоретически не исключало не только процесса возвращения к полноценным межгосударственным отношениям, но и плодотворного российско-грузинского диалога. Однако вместо диалога, с элементами торга, российское руководство в апреле 2008 г. в одностороннем порядке отменило все ограничения на торговые отношения между странами, сняло транспортную и коммуникативную блокаду республики со стороны Российской Федерации.

Оздоровления отношений между Москвой и Тбилиси не состоялось. Грузинское руководство восприняло уступки со стороны Москвы как проявление слабости России, ее податливости на жесткую критику со стороны НАТО, США, ЕС и усилило политический нажим на Москву. В результате к апрелю 2008 г. в российском политическом классе ощущались разочарование и определенная усталость от эмоциональной и во многом провокационной политики грузинских властей.

¹ ru.reuters.com/article/topNews/idRUGOG05033520080120

1.

В российском экспертном сообществе, то почти пропадая со страниц журналов и сайтов Интернета, то обостряясь в качестве реакции на очередной всплеск российско-грузинских противоречий, уже второй десяток лет проходит вялотекущая дискуссия на тему: «нужна ли нам Грузия?». Она не закончена... Автор этих строк остается приверженцем версии, что отвлечение ресурсов Российского государства на современную Грузию контрпродуктивно. Данная страна имеет для России умеренный транзитный интерес, который в большей степени связан с доступом к Армении. Объем и перспективы роста энергетического транзита через Грузию на Запад, в бассейн Черного моря, пока не угрожают позициям российских энергетических компаний на европейском рынке. Транзит на юг, в Средиземноморье (нефтепровод Баку–Джейхан), безусловно, имеет определенное негативное значение для России, но в данном случае основную роль в развитии трубопровода играет Баку, а в перспективе Астана и Ашхабад – основные реальные и потенциальные заказчики обходящих территорию России энергокоммуникаций.

Военно-стратегического значения Грузия для современной России не имеет. Россия не ждет полномасштабной агрессии со стороны Закавказья. Возможности оказания через Грузию поддержки сепаратистам на Северном Кавказе ограничены, но существуют, так что проблема безопасности наших южных рубежей продолжительное время будет оставаться актуальной, но не в той степени, чтобы России брать на себя некие политические и экономические обязательства в отношении Тбилиси. Бессмысленна и оккупация, которая автоматически возложит на Россию ответственность за благосостояние населения Грузии.

В то же время главный пункт наших разногласий – решение судьбы самопровозглашенных государств, возникших на территории грузинских автономий, объективно потребует наличия постоянного центра коммуникаций с грузинским руководством. В противном случае рейды российской боевой авиации и российской армии в Сенаки, Гори, Поти и далее придется делать еще долгие годы. В связи с этим, российская политика в Грузии будет еще долго страдать противоречиями.

Сомнительно и появление у власти в Тбилиси более вменяемого национального лидера, способного выстроить подлинно национальную внешнюю политику, учитывающую как западный, так и российский внешнеполитические векторы.

2.

Сейчас уже очевидно, что российско-грузинские отношения потеряли автономность и оказались составным компонентом сложной мозаики взаимоотношений между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном и Брюсселем – с другой.

США и Евросоюз считают, что вопрос с геополитическим выбором в Грузии решен окончательно и бесповоротно, что между тем является ошибкой и индикатором того, что Вашингтон и Брюссель сохраняют статичный и во многом иллюзорный взгляд на уровень развития грузинского истеблишмента и гражданского общества.

Однако и в российском экспертном сообществе вполне устоялось мнение, что грузинский политический класс решил для себя проблему геополитического выбора. Твердая ориентация на Запад, НАТО, ЕС, безусловная поддержка политики США в мире и в регионе, жесткая антироссийская внешняя политика и внутривнутриполитическая риторика, даже внешнее копирование политической символики западного мира формально не оставляют иных точек зрения, помимо той, что Грузия окончательно перешла под контроль НАТО. Стоит напомнить, что на состоявшемся вместе с выборами президента референдуме о вступлении Грузии в НАТО 73% проголосовавших высказались за вхождение своей страны в Северо-Атлантический альянс.

Между тем главная причина резкого поворота грузинского политического класса на Запад заключена в невозможности решить как своими силами, так и при помощи Российской Федерации, проблему территориальной целостности своей страны. Долгое время грузинские правящие круги ждали от российского руководства решения в свою пользу судьбы самопровозглашенных государств Абхазии и Южной Осетии, не проявляя со своей стороны желания пойти на серьезные, если не фундаментальные, уступки Сухуми и Цхинвали. Многолетняя жесткая критика Москвы, не желающей выходить из формата московских соглашений 1994 г. и «отбивать» для Грузии Абхазию и Южную Осетию, постепенно искоренила пророссийские силы в республике и сделала поворот на Запад политически безальтернативным.

Однако изначально было в высшей степени сомнительно, чтобы НАТО и США, на мощь которых до августа 2008 г. грузинский политический класс возлагал все свои надежды, позволили бы втянуть себя в военную авантюру в грузинских автономиях, где почти все население является гражданами России. Рано или поздно понимание данного факта, а следом и глубокое разочарование, уже начав проникать в сознание грузинских протоэлит после «августовской войны», несомненно, вызовет новый «откат», но уже с западного направления. В целом подобного рода «маятниковые» геополитические маневры характерны для государств-лимитрофов, к которым можно смело отнести и Грузию.

Юго-осетинский конфликт продемонстрировал, что руководство США не понимает опасности игры, которую оно долгие годы вело как с руководством, так и политическим классом Грузии. Однако Вашингтон настроен любыми силами и средствами сохранить прозападный геополитический выбор Грузии. Демократия в решении данной пробле-

мы не только не нужна, но и опасна. Усиление авторитарных тенденций режима М.Саакашвили в условиях неизбежной политической изоляции от России становится неотвратимым, что заставляет обратить внимание на ряд проблем, от решения которых зависит не только характер грузинского политического режима, но и перспективы удержания грузинским президентом власти в республике.

Опора на США и, в определенной степени, на Евросоюз, позволила президенту Грузии не только пройти сложный для него период осени–зимы 2007–2008 годов, выиграть президентские и парламентские выборы, но и укрепить свою власть в республике, не оставив политическим оппонентам каких-либо реальных перспектив на удаление его с поста главы грузинского государства. Одним из слагаемых внутривластного успеха грузинского руководства явился частичный перенос ответственности за возвращение в состав Грузии мятежных автономий с М.Саакашвили на западных союзников. Грузинский политический класс считал, что сохранение территориальной целостности Грузии стало главной задачей Запада. М.Саакашвили оказался воплощением Запада, западной политики и западной воли на грузинской земле. Столь значительная роль не только обеспечила монополию М.Саакашвили на внутренней политической арене, но и позволила ему приступить к формированию режима личной власти в Грузии.

Сочетание монопольного контроля США над внешней и внутренней политикой Грузии с попытками создания «модельной» для всего постсоветского пространства демократии придает особое значение «грузинскому эксперименту». Ноябрьский 2007 г. политический кризис, итоги президентских и парламентских выборов 2008 г. продемонстрировали, что американская политика «демократизации» стран – наследниц советских союзных республик не лишена противоречий и определенного политического лицемерия. Постепенно теряя демократическую пассионарность, политика США на постсоветском пространстве все больше склоняется к реализации задач установления политического и военно-стратегического контроля и закрепления собственной сферы влияния. Данный алгоритм заставляет оказывать поддержку любой политической силе, декларирующей приверженность к демократическим ценностям и демонстрирующей возможность контролировать в данный момент конкретную территорию и население.

Стоит напомнить, что присущая внешней политике США демократическая пассионарность не мешала и не мешает Вашингтону достаточно лояльно относиться к вполне авторитарным режимам в Азербайджане, Казахстане или Туркмении, хотя и подвергая их периодически во многом ритуальной критике в Конгрессе США и американских неправительственных организациях и фондах.

3.

Прозападный курс Тбилиси пока не сказался на радикальном повышении жизненного уровня населения. Безусловно, постепенное развитие транзита энергоносителей из Каспийского региона (ввод в строй газопровода из Азербайджана в Турцию, появление казахстанского нефтяного терминала на Черноморском побережье, стабильная деятельность нефтепровода Баку–Джейхан) будет способствовать росту грузинской экономики и доходов населения. Однако считать, что грузинская экономика преодолела длительный период деиндустриализации, было бы рано.

Одновременно было бы преувеличением считать, что экономические санкции, введенные Москвой против Тбилиси в 2006–2007 годах, разрушили остатки грузинской экономики. В принципе, разрушать производственную кооперацию между российскими и грузинскими предприятиями было бессмысленно, так как она исчезла еще в конце 1980-х годов. Нарушить коммуникации по перекачке в республику денег грузинской диаспоры не удалось. Солидная часть экспорта грузинского вина не имела ничего общего с Грузией, а та часть винного производства, что имела грузинские корни, часто обходилась без продукции грузинских крестьян-виноградарей. Можно с высокой степенью уверенности считать, что экономические санкции России ударили, прежде всего, по «серому» и полукриминальному сектору грузинской экономики, что в итоге даже оздоровило бизнес-климат в Грузии. Потребительский импорт переключился на Украину. С 2007 г. Киев все в большей степени стал выполнять роль внешнего экономического донора Тбилиси.

Грузия так и не вышла из стадии «проблемной» страны – она не стала экономически самостоятельным государством, и ее продукция пока не востребована в достаточном объеме на мировом рынке, демократические процедуры подвергаются постоянным угрозам со стороны быстро развивающегося авторитарного тренда, внешняя политика Грузии не носит самостоятельного характера, внутренний политический дискурс продолжает сохранять геополитический контекст, грузинский политический класс пока не готов предложить электорату новых лидеров, претендующих на новый, оригинальный план по выводу страны из стадии перманентного социально-экономического кризиса, решению проблем сепаратизма и укреплению грузинской государственности.

Несмотря на то, что Россия не проводит активной политики на политической арене Грузии, Россия, как политический фактор, остается полноценным и важнейшим, но пассивным компонентом внутриполитической жизни Грузии. В данном случае можно говорить о своеобразном феномене: Россия до августа 2008 г. стала универсальной

причиной для объяснения любых политических и социально-экономических проблем, своеобразным «дежурным блюдом», активно используемым как властью, так и оппозицией, для привлечения внимания к любому факту или политическому событию внутри Грузии и на внешней арене.

К вполне лимитрофной традиции создания имиджа «осажденной крепости» и образа «постоянного внешнего врага», прилагающего невероятные и изощренные усилия для «уничтожения суверенитета», «разрушения государственности Грузии изнутри»², а затем и «аннексии» Грузии, стараниями ее правящих кругов был прибавлен псевдо-идеологический конфликт между Москвой и Тбилиси. В последние годы грузинское руководство активно позиционировало Грузию не только как одно из влиятельнейших государств как на постсоветском пространстве, так и в Евразии, но и в роли своеобразного «маяка демократии», оказывающего глубокое «демократизирующее» воздействие на Россию. «Все это способствовало избавлению зависимости от России и признанию Грузии как состоявшегося, быстрыми темпами развивающегося, правда, с двумя неурегулированными конфликтами, но все же государства с демократическими ценностями, что так сильно не хватает самой России, государству, которое никак не откажется от своей цели поработить Грузию»³. Стоит отметить, что функция регионального «демократизатора» активно «продавалась» Вашингтону и Брюсселю.

Объективно внутренняя и внешняя политика современной Грузии вполне укладывается в обновленную теорию лимитрофной политики. Действительно, основные признаки лимитрофии в Грузии представлены в полном объеме:

- политический класс, вполне реально оценивая крайне скудные экономические и ресурсные возможности для строительства полноценной, самодостаточной и одновременно интегрированной в мировой рынок экономики, вынужден искать варианты элементарного «выживания», мобилизуя, прежде всего, геополитические и внешнеполитические факторы, способные привлечь внимание мировой общественности и создать эффект «востребованности» великими державами⁴;

- быстро укоренившиеся традиции русофобии, что является традиционным и, видимо, естественным компонентом для малых, в масштабе Евразии, наций, оказавшихся на российской и европейской периферии. Выбор этнонационализма, форматированного в русофобию, в качестве основы национальной идеологии⁵;

² Гварамия Г. «Кремлевские грузины» – новый феномен в борьбе против Грузии. <http://www.apsny.ge/analytics/1193779689.php>

³ Там же.

⁴ А. Суздальцев. Лимитрофы. <http://www.prognosis.ru/print.html?id=7960>

⁵ Крупкин П. На западном фронте без перемен. // <http://www.apn.ru/publications/article17244.htm>

– стремление к использованию ресурсов России и российского рынка в привилегированном или субсидированном формате, навязывание внерыночных форм экономических связей с РФ с привлечением внешнеполитических факторов и внешних сил (ЕС, США); всемерное сохранение традиций экономического иждивенчества;

– явно завышенное восприятие своего транзитного положения, попытки занять роль международных посредников между Россией и Европой, а также иными регионами Евразии. («Потеря тотального контроля над Грузией, над государством, которое является хребтом геополитического пространства Кавказа, разумеется, не входит в планы Кремля. Россия понимает, что Грузия на Кавказе является ключевым государством в геополитическом и геоэкономическом плане. В частности, Грузия составляет реальную угрозу российской эксклюзивности в поставках энергоресурсов в Европу, и там это тоже хорошо понимают. Россия не раз доказывала европейским партнерам не только нестабильность в соблюдении договоренностей в вопросе поставок энергоресурсов, но и использование положения в своих политических целях. Исходя из этого, Европа, разумеется, строит свои планы от избавления российской зависимости. А то, что в этом плане Грузия играет ключевую роль, ясно каждому»⁶.)

– подмена реальной деятельности на внутреннем политическом поле антироссийской конспирологией, поисками российских «шпионов», «рук» Москвы, выявлением происков российских спецслужб, что в итоге приводит к разрушению слабого и восприимчивого к внешним воздействиям внутреннего политического поля, распространению в среде политических сил агрессивного психоза, что делает затруднительным, а зачастую невозможным появление долгосрочных политических коалиций и партийных блоков. В итоге, внутривнутриполитическая жизнь, ориентируясь исключительно на внешние силы, заходит в тупик. Обрываются коммуникации между властью и оппозицией, создавая условия для привлечения великих держав и государственных образований (ЕС) в качестве посредников.

Начавшееся с осени 2006 года быстрое сокращение политического и экономического присутствия России в Грузии, сознательно совмещенное с завершением процесса вывода российских войск, привело к обострению ряда социально-экономических проблем, возложить ответственность за которые на Россию оказалось затруднительно, так как М.Саакашвили приложил максимум усилий для выдавливания России из Грузии.

⁶ Г.Гварамия. «Кремлевские грузины» – новый феномен в борьбе против Грузии. <http://www.apsny.ge/analytics/1193779689.php>

Всплеск агрессивной политики Тбилиси в апреле – июле 2008 г. оказался естественным и логичным развитием авторитарной тенденции в политической жизни Грузии, во многом связанной с личностью М. Саакашвили.

4.

Основа власти М.Саакашвили – силовой блок. Укрепление вооруженных сил, полиции, спецслужб, включая прогрузинское подполье в Абхазии и Южной Осетии, явилось одной из задач, успешно решенных М.Саакашвили за годы своего первого президентства. США не только профинансировали модернизацию и обучение грузинских ВС, а также сопутствующих им различных силовых подразделений, но в почти полном составе, в порядке ротации, «обстреляли» переформатированную грузинскую армию в Ираке. Усилиями М.Саакашвили, при помощи НАТО и Украины, Грузия впервые в современной истории получила вполне боеспособную армию, способную решать определенные тактические задачи и выполнять полицейские функции на оккупированной территории. Но не более...

Стоит отметить, что для постсоветского пространства контроль над силовыми ведомствами является ключевым для удержания власти. В данном случае М.Саакашвили ничего нового не придумал, а, скорее, скопировал политику властей по отношению к силовикам в Казахстане, Узбекистане, Белоруссии и т.д.

Обеспечив себе поддержку силового блока, М.Саакашвили за последние три года выдавил с грузинского политического поля почти все более-менее значимые политические фигуры, способные ему противостоять. Часть грузинской оппозиции, включая его бывших соратников, возлагает на М.Саакашвили ответственность за политические убийства. Попутно были выкорчеваны остатки пророссийских политических сил. Внутриполитическая «зачистка» сопровождалась постепенной ликвидацией неправительственных СМИ. В конце 2007 г., с укреплением монополии М.Саакашвили на внутреннем политическом рынке, в Грузии со всей очевидностью стал формироваться стандартный для большей части постсоветского пространства авторитарный режим.

Однако считать, что М.Саакашвили уже представляет из себя вполне сформировавшегося авторитарного диктатора, было бы неправильно. Действительно, авторитарный строй подразумевает доходящую до абсурда централизацию власти и опору на аппарат принуждения, что в современной Грузии присутствует в полном объеме. Одновременно нельзя не принимать во внимание тот факт, что без жесткой вертикали власти отвести Грузию от той политической и социально-экономической пропасти, к которой страна подошла в 2002 г., было невозможно.

Кроме того, Грузия является страной рыночной экономики, членом ВТО, что никто не ставит под сомнение и чем тем не менее воспользовался М. Саакашвили, пропустив через тюремные застенки почти весь бизнес-класс республики, вынуждая бизнесменов откупиться от государства (стандартные для постсоветского пространства действия исполнительной власти по отношению к бизнесу).

Однако трудно отрицать и тот факт, что авторитарные тенденции в Грузии начинают доминировать, и страна находится на пути к латиноамериканскому варианту авторитаризма. В частности, до недавнего времени в республике никогда не ставили под вопрос итоги голосований, но январские президентские выборы завершились полномасштабными скандалами: обвинениями властей в «краже второго тура», появлении «миллиона» виртуальных избирателей и т.д., что позволяет оппонентам М. Саакашвили ставить под сомнение легитимность второго срока президента Грузии. Весенние парламентские выборы ознаменовались массовыми протестами и даже штурмом республиканской избирательной комиссии.

Однако, опираясь на армию, М.Саакашвили мог чувствовать себя совершенно спокойно. 7 ноября 2007 г. эту вскормленную США армию жители Тбилиси увидели в действии на столичных проспектах. Армия успешно справилась с функцией карателя. Что позволило ей через девять месяцев осуществить карательную экспедицию в Южную Осетию.

5.

Возвращение Абхазии, улучшение дорог, наведение порядка в полиции, включая дорожную, и коммунальных службах, появление современных офисных и банковских зданий, оплаченных в немалой степени благодаря транзитному статусу республики, все-таки благотворно сказывалось на обстановке в стране, но не решило проблему поддержки легитимности власти М.Саакашвили. Эту проблему могла бы решить скоротечная и успешная военная операция против властей Южной Осетии или Абхазии, но годы внимательного наблюдения как за самим М.Саакашвили, так и за политикой США в Грузии позволяли с уверенностью прогнозировать, что М.Саакашвили не пойдет на конфликт без твердой, включая силовую, поддержки Вашингтона. Более того, существовала уверенность, что, несмотря на воинственную риторику и склонность к провокациям, грузинский президент в одиночку не решится на войну с самопровозглашенными республиками. Несомненно, он понимал, что рискует своим постом, который он может потерять в случае поражения, но победу на поле боя ему никто не мог гарантировать, кроме США.

Невозможность вернуть Сухуми и Цхинвали неуклонно порождало постоянный кризис легитимности, который можно было решить традиционным для постсоветских квазиэлит способом – мобилизацией перед угрозой «внешних врагов», опасностью «поглощения» более мощными соседями, «оккупацией» Россией и т.д. или удачной войной. Использование в качестве аргументной базы многосторонних связей, существующих между Россией и самопровозглашенными государствами, позволило довести степень «угрозы с севера» до абсурда, что ярко проявилось во время осеннего 2007 г. кризиса и весеннего обострения 2008 года, а в итоге закончилось катастрофой.

В итоге возникла внутривластная дилемма – уход от силового решения проблем с сепаратизмом гарантировал М.Саакашвили падение рейтинга и неизбежную потерю своего поста, но и война с Южной Осетией и Абхазией могла привести к поражению и, как следствие, потере должности президента республики. Ставка была сделана на США и на уверенность, что Россия, имеющая свои проблемы с северокавказскими автономиями, не решится на признание независимости Абхазии и Южной Осетии по косовскому образцу. Стоит заметить, что в последнем случае руководство Грузии рассуждало вполне здраво – трудно представить появление независимой и суверенной Южной Осетии рядом с Северной республикой в составе России.

Главная провокация к войне – косовский прецедент.

6.

Снятие в 2008 г. Россией экономических санкций с Абхазии, ввод железнодорожных войск в самопровозглашенную республику, наращивание миротворческого контингента, иные меры, расширяющие возможности вхождения Абхазии в российское экономическое пространство, продемонстрировали, что российское руководство все-таки использовало косовский прецедент в нелинейном, асимметричном варианте. Видимо, в российском руководстве возобладало мнение, что М.Саакашвили, не решившийся до августовской войны на выход из СНГ, не сможет ничего противопоставить стремлению Москвы «немного» поправить баланс сил на юге в сторону закрепления нынешнего статус-кво (о признании независимости самопровозглашенных государств в тот период речь не шла).

Новая политика России в Абхазии в апреле 2008 г. вернула российский фактор в политическую жизнь Грузии, консолидировала на антироссийской почве грузинский политический класс, резко подняла интерес к Грузии со стороны НАТО и ЕС, позволило М.Саакашвили поднять собственный рейтинг. Отсюда и готовность грузинского руководства к эскалации конфликта с Абхазией и Южной Осетией, что, скорее всего, несколько удивило российское руководство. В итоге, с апреля

2008 года российско-грузинские отношения приобрели характер полноценного кризиса, имеющего собственную логику и активно раскручивающегося с двух сторон.

Апрельские решения Москвы в отношении Абхазии загнали грузинское руководство в угол. Для Тбилиси случилось самое неприятное, что только могло произойти, – российские власти не признали Абхазию и Южную Осетию субъектами международного права, что было логичным после признания Западом независимости Косово, но открыли дорогу для экономического возрождения Абхазии. В данном случае грузинские власти не питают иллюзий – через несколько лет уровень жизни граждан Абхазии и Грузии будут отличаться на порядок и вопрос о возвращении территорий до р. Псоу будет закрыт навсегда.

Грузия приняла вызов и пошла на эскалацию противостояния. Политической основой для принятия силовых мер в отношении самопровозглашенных государств – мятежных грузинских автономий – явилась резкая активизация Грузии в преддверии саммита НАТО в Бухаресте. Провал попыток грузинского руководства войти в План действий относительно вступления в НАТО, видимо, настолько ободрило российское руководство, что на дипломатические эмоции Тбилиси в Москве перестали обращать внимание. Очевидно, не было учтено, что втягивание России в противостояние с Грузией является идеальным вариантом для закрепления власти в руках М.Саакашвили.

Началась война беспилотников, активизировалось прогрузинское диверсионное подполье в Абхазии, усилилась блокада Южной Осетии и, самое главное, Грузия втянула Россию в дипломатическое противостояние с США и Евросоюзом. Но в целом на каком-то этапе в Тбилиси возникла уверенность, что время для силового решения проблемы территориальной целостности Грузии пришло. Убеденность в поддержке со стороны США и НАТО была абсолютной.

Балансирование на грани кровопролития заставило российское руководство перейти к формированию политических формул. Одна из них родилась на июльской встрече министра иностранных дел России С.Лаврова и президента Абхазии С.Багапша: вступление Грузии в НАТО означает для Грузии окончательную потерю возможности вернуть в свой состав Абхазию и Южную Осетию. Парадокс состоит в том, что Грузия уже убедилась – нахождение вне НАТО также не обещает восстановление грузинской территориальной целостности.

Июльский 2008 г. визит госсекретаря США К.Райс в Тбилиси подтвердил неизменную поддержку Вашингтоном внутренней и внешней политики президента М.Саакашвили и оказался, как стало ясно сейчас, фактическим благословением грузинского руководства на силовое решение проблемы мятежных автономий.

Дж.Буш, учитывая сложную внутривластную ситуацию в преддверии президентских выборов, был объективно заинтересован в небольшой и победоносной войне руками армии, созданной республиканской администрацией. Не исключались и авантюристические устремления «протестировать» молодого российского президента Д.Медведева.

Учитывая, что, несмотря на внешнюю политическую экзальтированность, М.Саакашвили никогда не отличался холодной расчетливостью и решительностью, стоит предположить, что США поставили грузинское руководство в жесткое политическое расписание: Дж.Буш через несколько месяцев покидает Белый Дом, и на ближайшие год-полтора американскому истеблишменту будет не до Грузии; в декабре 2008 г. должен состояться решающий для Грузии саммит НАТО, куда республика должна была явиться с решенными территориальными проблемами. США практически не оставили выбора грузинскому истеблишменту.

Кроме того, нельзя исключать и давление проамериканской и более радикальной по отношению к решению проблемы непризнанных государств оппозиции режиму М.Саакашвили. Закрепившись у власти на идее территориальной целостности, М.Саакашвили рано или поздно пришлось бы выполнить свои политические обещания. Однако и здесь, на внутренней политической арене, роль США являлась определяющей.

7.

Пролет российских штурмовиков, сорвавший 9 июля подготовленное вторжение грузинской армии в Цхинвали, вернул на политический подиум формулу: защита граждан России всеми доступными средствами независимо от территории, на которой они находятся. Фактически Тбилиси поставили перед фактом – вторжение в Абхазию или Южную Осетию будет воспринято в Москве как акт агрессии против России со всеми вытекающими для агрессора последствиями.

Однако «остудить» ситуацию проектами резолюций в Совете Безопасности ООН, облетами территорий самопровозглашенных государств российской авиацией и укреплением позиций миротворцев на границах автономий не удалось. Предлагаемое Россией соглашение о неприменении силы в отношении Абхазии и Южной Осетии в понимании грузинского истеблишмента означало зафиксированный документально отказ Тбилиси от своих бывших территорий. Стоит напомнить, что восстановление территориального единства Грузии является консолидированной идеей как грузинского политического класса, так и грузинского народа. В этих условиях подписание президентом

Грузии предлагаемого Москвой соглашения грузинским обществом было бы воспринято формой предательства национальных интересов. В принципе, московские соглашения включают в себе отказ от применения силы, и необходимость дополнительного соглашения вызывает сомнение.

Предлагаемая Грузией замена российских миротворцев на новые международные силы носила такой же тупиковый формат, как и российские предложения Тбилиси.

Война была неизбежной, и в ночь с 7 на 8 августа грузинская армия, обстреляв из «Градов» Цхинвали и расстреливая посты российских миротворцев, направилась на север, к границе России.

8.

Появление вечером 9 августа в зоне конфликта частей 58-й армии означало неминуемое возмездие, и через двое суток грузинская армия стала разбегаться. Не спасли ситуацию и США, перебросившие 800 грузинских солдат из Ирака. Надежды М.Саакашвили на военную поддержку США и НАТО оказались беспочвенными. Разгром грузинской армии оставил М.Саакашвили без основы его власти. Отсюда и срочные попытки США быстро возродить грузинскую армию. Параллельно Вашингтон стремится воинственной риторикой компенсировать невозможность оказать своему союзнику реальную военно-стратегическую поддержку.

Востребованность антироссийской политики в Закавказье, где Запад последовательно занят конструированием альтернативного России южнокавказского энергетического транзитного «коридора», до определенного этапа обеспечит сохранение за М.Саакашвили роли «союзника» Вашингтона после поражения в Южной Осетии. Нет сомнений, что Запад предпримет срочные и поистине титанические усилия для быстрого восстановления грузинского военного потенциала (экономический ущерб от «августовской войны» незначителен). Со своей стороны, США на длительный период оказались связаны собственной стратегией с администрацией М.Саакашвили. В данном случае часто встречаемые зимой 2007/2008 гг. в российских СМИ и экспертных кругах утверждения, что США «разочаровались» в М.Саакашвили, не соответствуют действительности. Мы можем говорить о взаимозависимости Вашингтона и официального Тбилиси.

США, как всегда, попали в ловушку авторитаризма – сменить зарвавшегося и авантюристичного лидера, в настоящее время обвиняемого в военных преступлениях, оказалось невозможно. Авторитаризм не терпит политических конкурентов, и политическое поле Грузии оказалось «зачищенным» не только для Москвы, но и для Вашингтона. Используя аналогии с авторитарными режимами на постсоветском

пространстве и отмечая определенный авторитарный тренд в политике М.Саакашвили, можно сделать осторожный вывод, что если президенту Грузии удастся сохранить за собой поддержку Вашингтона, то его власти пока ничего не угрожает. М.Саакашвили не оставил США выбора... В итоге, конфликт в Южной Осетии продемонстрировал, что политическая формула «хвост крутит собакой», применяемая в 1960-е годы к отношениям между США и Южной Кореей, вполне актуальна и для современных отношений США и Грузии.

Георгий МИРСКИЙ

ИСЛАМИЗМ – ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ РАКЕТЫ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ?

Броская формула, в центре которой – образ ракеты, уже давно мелькает на страницах работ, трактующих судьбы третьего мира. Весьма соблазнительно составить некую триаду, суммирующую этапы освобождения стран Азии и Африки от колониального господства: сначала освобождение политическое, затем – экономическое и, наконец, духовное, культурное, идеологическое. Неясность была не в содержании третьего этапа, а в том, что именно может сыграть роль двигателя. Если политическая независимость была достигнута через массовое национально-освободительное движение, а экономическая самостоятельность стала результатом деятельности национальной власти, образовавшейся по завершении первого этапа, то какая сила может возглавить антиимпериалистическую борьбу на ее третьем, завершающем этапе?

Сейчас сомнения исчезли – по крайней мере, для тех, кто твердо убежден в абсолютной необходимости духовной и культурной деколонизации. Роль «третьей ступени ракеты» призвана сыграть наиболее боевая, динамичная и непримиримая сила антиколониального фронта третьего мира – радикальный политический ислам или исламизм.

Радикализм, фундаментализм и экстремизм: в чем различие?

Прежде всего, следует договориться о терминах.

Многие авторы, по существу, не делают различия между такими понятиями, как исламский радикализм, фундаментализм и экстремизм. Но на самом деле фундаментализм вовсе не равнозначен политическому радикализму, экстремизму и, тем более, не порождает сам по себе терроризм. Фундаментализм – призыв вернуться к истокам веры, к первоначальной чистоте религии, искаженной и извращенной отступниками.

Фундаментализм может быть присущ любой религии. Кстати, это название зародилось в Соединенных Штатах в лоне протестантизма в

первой четверти XX века. Поборники мусульманского фундаментализма (по-арабски «салафийя», от слова «салаф» – предки) призывают очистить свою религию от темных и позорных наслоений, исказивших ислам по вине нечестивых, неправедных правителей и погрязшей в роскоши и разврате верхушки общества.

Фундаментализм в принципе может быть в основном оборонительным (охранить и уберечь, защитить, очистить веру), но может быть и наступательным, агрессивным. Именно эта вторая разновидность исламского фундаментализма, ставящая во главу угла принцип «джихада» (буквально – усилия, которые мусульмане должны прилагать как для защиты своей веры, так и для самоусовершенствования, неотступного следования заветам Пророка), и стала известной под названием исламского радикализма или исламизма.

Можно быть фундаменталистом и в то же время осуждать экстремизм, а тем более – терроризм. Ислам как религия не призывает к насилию и террору, не поощряет его и никак не может быть в ответе за преступления террористов. Ведь, например, никто не называет колонизацию Африки в XIX веке христианской колонизацией на том основании, что европейские колонизаторы были христианами.

В то же время можно утверждать, что путь к исламистскому (именно исламистскому, а не исламскому) терроризму, как правило, начинается с фундаментализма – разумеется, в головах организаторов, а не исполнителей террористических актов. Это звенья одной цепи: фундаментализм – политический радикализм – экстремизм – терроризм. Данная цепочка может прерваться после первого же звена, но может и продолжиться вплоть до «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена.

Исламисты трактуют джихад в резко антизападном духе, доходя до утверждения необходимости силовой, вооруженной борьбы с иудео-христианским миром. В принципе мусульмане никогда не объявляли своим врагом христианство как религию – ведь это одна из трех авраамических конфессий, и приверженцы ислама чтут в качестве пророков и Авраама, и Иисуса. «Салафийя» в своей основе направлена не против христианства как религии, а против пагубного влияния Запада (и не столько христианского, сколько материалистического, марксистского или безбожного). Фанатики-террористы меньше всего думают о том, как очистить ислам от западных наслоений; их ненависть к Западу, в первую очередь к Америке, имеет в качестве первопричины не религиозные факторы. И вообще подъем, оживление или «политизация» ислама не могут быть объяснены в чисто религиозном контексте, они не связаны с какими-либо серьезными изменениями в толковании ислама или с религиозным расколом и т.д.

Объяснение следует искать не в религиозной сфере, а в тех исторических и социальных обстоятельствах, которые определяют жизнь сотен миллионов людей не только в мусульманском мире, а в третьем мире в целом.

В этом контексте, прежде всего, обычно говорят о бедственном экономическом положении развивающихся стран: миллиард людей, т.е. примерно пятая часть населения планеты, живет на доход, составляющий меньше одного доллара в день на человека. Неудивительно, что чаще всего звучит такой тезис: политический экстремизм, терроризм в третьем мире могут быть устранены только тогда, когда будут ликвидированы его экономические, материальные корни. Покончить с нищетой – лучший, если не единственный способ устранить почву, питающую терроризм.

В 2001 г. тогдашний президент Всемирного банка Джеймс Вулфенсон писал в газете «Le Monde»: «В течение тридцати ближайших лет население земного шара увеличится с 6 до 8 миллиардов человек, и этот рост произойдет почти целиком в бедных странах. Что мы должны делать?» Он предложил увеличить помощь бедным странам, которая сейчас совершенно незначительна (помощь странам Африки, например, составлявшая в 1990 году 36 долларов на душу населения, сегодня не превышает 20 долларов); устранить препятствия, стоящие на пути развития торговли; сконцентрировать помощь на нуждах развития, и т.д.[1] Все это полезно и даже необходимо, но для осуществления всех этих мер потребуются долгие годы, даже десятилетия. Кроме того, наивно было бы ожидать, что, допустим, если население беднейших стран будет жить не на один, а на два доллара в день, это само по себе приведет к уменьшению активности террористов.

Питательной средой для исламистов служат бедность и безработица, позволяющие рекрутировать отчаявшуюся молодежь. Турецкий ученый Озлем Тюр Кавли описывает, например, положение в Алжире: «Среди городской бедноты легионы молодых людей, не могущих найти постоянную работу, проводят свои дни в основном на углах улиц или в кофейнях, становясь все более разочарованными и озлобленными... их называют «wall boys» (мальчиками у стены), им нечего делать, кроме как шататься по округе и прислоняться к стенам»[2]. Об Алжире же пишет и другой исследователь, Марк Тесслер: «Молодые люди больше не спрашивают старших, что они делали во время [освободительной] войны; для них война – это двухчасовой курс по истории. Они хотят знать, почему больше половины из них – безработные, в то время как страна зарабатывает миллиарды долларов в год от продажи природного газа... Как сказал один алжирец, объясняя, почему он поддерживает ФИС (Исламский Фронт спасения): в этой стране, если ты молодой человек, перед тобой четыре выбора: остаться безработным и холостым, так как нет ни работы, ни жилища; работать на черном рынке, рискуя угодить в тюрьму; эмигрировать во Францию, чтобы подметать улицы в Париже или Марселе; или примкнуть к ФИС и голосовать за ислам»[3].

И все же сама по себе проблематика нищеты и бедственного материального положения масс не занимает видного места в их идеологии.

Как заметил западный ученый Йоханнес Янсен, «фундаментализм – это не протест против бедности... Бедность не может быть причиной фундаментализма. Процветание не излечит от него»[4].

Неверно считать, что в основе экстремизма и терроризма в третьем мире лежит бедность, нищета масс населения. Это лишь фон, питательная среда, а также удобный предлог. Было бы наивно представлять террориста как доведенного до полного отчаяния человека, в приступе ярости спонтанно хватающегося за оружие. Не стоит также говорить о «зависти голодных к богатым и сильным». Вспоминается шиит-боевик, который в 1983 г. ворвался на грузовике во двор американской казармы в Ливане, проломив ворота, и взорвал себя вместе с сотнями американских солдат: по свидетельству стрелявшего в него часового, камикадзе улыбался за несколько секунд до смерти. Какая зависть к Америке, этому исчадию ада, могла быть у него, как и у пилотов-самоубийц, твердой рукой направивших самолеты в здания нью-йоркских небоскребов? А у тех, кто планировал и организовывал такого рода теракты, у людей, в распоряжении которых миллионы долларов, – о какой зависти можно говорить?

Дело в том, что вообще невозможно понять мотивацию преступников данной категории, отталкиваясь от материальных и экономических факторов или от категорий бытового, житейского типа (нищета, зависть). Но в равной степени неверно было бы скатываться к противоположному, чисто духовному полюсу и искать объяснения в сфере религии («вековая ненависть мусульман к христианам», «долг правоверного – убивать неверных» и т.д.). Конечно, основное внимание уделяется, как и должно быть у религиозных идеологов, не материальным, а духовным факторам. Главной опасностью объявляется угроза исламской культуре, духовным ценностям, всему образу жизни мусульман – угроза, исходящая от безбожного, погрязшего в материализме и разврате Запада (а не от христианской религии как таковой). Опасность нависла над исламом в целом: он должен либо смириться со своим упадком, ведущим к гибели всего дела Пророка, либо в целях самозащиты нанести беспощадный удар по растлевающему его Западу – и, прежде всего, конечно, по Америке, этому воплощению Запада, его квинтэссенции, средоточию всего пагубного и антиисламского.

Несомненно, именно такого рода идеи воодушевляли людей, направивших 11 сентября 2001 года самолеты на нью-йоркские небоскребы. Это был их джихад.

Немецкий ученый Юрген Крониг пишет, что люди Запада, видящие только бесспорные материальные, социальные и технологические достижения ушедшего столетия, упускают из виду все то, что при этом «разрушило марш западной цивилизации: религиозное воспитание, чувство общности, социальную взаимопомощь, основанную на религиозных началах древнюю правовую систему, уважение к мусульман-

ской культуре и ее ценностям. Нищие, неимущие массы в исламском мире видят себя жертвами западного заговора. Результатом может быть агрессивная решимость, превращающаяся в сочетании с религиозно-фундаменталистскими тенденциями в злокачественную смесь»[5].

«Мусульмане, – писал Сэмюэл Хантингтон, – опасаются мощи Запада и противятся ей и той угрозе, которую она несет их обществу и их убеждениям. Они рассматривают западную культуру как материалистическую, коррумпированную, декадентскую и аморальную... Мусульмане клеймят Запад не за то, что он следует неверной религии – ведь это все же «религия книги», – а за то, что он не имеет религии вообще. В глазах мусульман западный секуляризм, атеизм, проистекающая из этого аморальность – это гораздо большее зло, чем породившее их христианство. Во время «холодной войны» Запад навесил на своего противника клеймо «безбожного коммунизма»; в конфликте цивилизаций, последовавшем за «холодной войной», мусульмане видят в своем противнике «безбожный Запад»[6].

Запад, недавний колонизатор и хозяин, недобрая память о котором еще живет, опять выглядит как враг. Раньше была политическая и экономическая зависимость, теперь – глобальная, в основном культурная. Глобализация для значительной части молодой, образованной элиты в третьем мире – это понятие, тождественное американизации, а с Америкой уже привыкли связывать все плохое, что нахлынуло в традиционное мусульманское общество: падение нравов, насаждение чуждых для Востока культурных моделей и стандартов поведения, распространение аморальности, порнографии, наркомании. Да и экономический застой, коррупцию тоже легче объяснить пагубным воздействием Запада и продавшей ему местной привилегированной верхушки.

Особенно ранимыми в этом отношении оказываются мусульмане, гордящиеся своей древней и богатой цивилизацией и видящие в то же время, что в мировой иерархии их страны стоят на низшей ступени по сравнению с Западом.

Дело в том, что мусульмане еще со времен халифата привыкли считать себя особой общностью, отмеченной божьей благодатью, как бы избранной частью человечества. Остальным народам не дано было узреть свет истинной веры, и они находятся в известном смысле ниже мусульман. Разумеется, ощущение причастности к единственно истинной вере присуще всем вообще верующим людям независимо от их конфессии, но только в мусульманской религии существует разделение мира на Дар аль-ислам (территория ислама) и Дар аль-харб (территория войны), причем последняя, как видно из ее названия, находится в состоянии войны с мусульманами, а отсутствие военных действий рассматривалось мусульманскими правоведами всего лишь как перемирие. Из этого при желании нетрудно сделать вывод, что Аллах повелел своим последователям (тем, кто идет «путем праведных», а

такой путь может быть только один) властвовать в мире. Это отнюдь не означает, что все немусульмане должны быть покорены, но то, что они – приверженцы иных религий – как бы противостоят исламу, враждебны ему, является очевидным. И божья справедливость, очевидно, требует, чтобы мусульмане занимали в мире высшее, доминирующее место, как и подобает людям единственно истинной веры, избранникам и любимцам Аллаха.

Но действительность показывает совершенно обратное. В мировой политике удельный вес мира ислама невысок по сравнению с Соединенными Штатами и Европой. Уже нельзя игнорировать отставание мусульманского мира, особенно арабской его части. Среди ученых в мире всего один процент мусульман; в одном Израиле больше ученых, чем во всем мусульманском мире. В арабских странах ежегодно переводится около 330 иностранных книг, в пять раз меньше, чем в одной Греции. Капиталовложения в научные исследования в арабских странах составляют одну седьмую от среднего общемирового уровня. Валовой внутренний продукт всех арабских стран в 1999 г. составлял 531,2 млрд. долларов – меньше, чем в одной Испании (595,5 млрд. долларов)[7].

Убежденные в превосходстве своей культуры и в том, что только ислам является религией, содержащей истину, мусульмане с горечью видят, что в мире властвуют, задают тон – другие. Сила, мощь, влияние в сегодняшнем мире – не у них, а у Запада.

Все это и порождает ощущение господствующей в мире несправедливости, комплекс неполноценности, осознания своей совершенно незаслуженной «второсортности» в глазах Запада, этого исконного колонизатора, империалиста, стремящегося подавить и растворить в своей безбожной материалистической цивилизации традиционные культурные и религиозные ценности народов Востока.

И в этом смысле можно сказать, что «гнев мусульман» – всего лишь частный случай. Просто-напросто мусульманскому обществу, в особенности арабскому, в современном мире пришлось хуже, чем другим, если не считать жителей Тропической Африки. Насеровские мечты о создании объединенного великого арабского мира («новый великан») так и остались мечтами, и хотя нескольким арабским странам благодаря нефтяным богатствам удалось прорваться к процветанию, в целом арабское общество вправе испытывать глубокое разочарование от всего постколониального периода. Все светские системы правления, от западной парламентской демократии до насеровско-баасистского «социализма», были испробованы и закончились провалом. Немудрено, что все громче стали раздаваться голоса, утверждавшие, что первопричиной всех бед арабов был отход от истинного, праведного ислама, от заветов Пророка, стремление рабски копировать системы, созданные чуждой, немусульманской цивилизацией, что привело лишь к порче нравов, упадку традиционных ценностей, росту своекорыстия и

разложения верхов общества, пресмыкательству перед империализмом. Вестернизация, имитация западных образцов жизни была объявлена главным злом, зазвучал лозунг: «Аль-ислам хуа аль-халь» («Ислам – вот решение»).

«Исламисты, – писал американский исламовед Джон Эспозито, – рассматривают современное государство в арабском мире, как находящееся «в состоянии коллапса: современное общество часто описывают как «фитна» (беспорядок). Почему? Вину возлагают как на Запад, так и на традиционный религиозный истеблишмент (включенных в «верхи» проповедников ислама на службе государства). Особенно клеймят западные модели развития и вестернизированные правящие элиты...»[8].

Еще раз подчеркнем: тут дело не в религии как таковой, не в противопоставлении ислама христианству; мусульмане рассматривают христианство, как и иудаизм, в качестве одной из авраамистических религий, последователи которых, как и они сами – «ахль аль-китаб» (люди Книги). Дело в извращенном сознании людей, которые, исходя из вполне понятных и исторически легко объяснимых чувств (национально-этническое и цивилизационное унижение, жажда найти достойное и равное положение в мире, убежденность в пагубности влияния «растленной западной культуры» и чуждых ценностей на дух и мораль своего сообщества) и понимая, что им невозможно бороться на равных против технологически неизмеримо превосходящего их противника, приходят к выводу, что наиболее эффективным оружием для них является террор.

Реакция на длительную эпоху унижения, гнев по отношению к тем, кто своим поведением до сих пор не позволяет мусульманам избавиться от незаслуженного комплекса неполноценности, стремление возродить достоинство – вот первая причина того возбуждения, той эмоциональной напряженности, фрустрации, постоянного психологического дискомфорта, которые порождают экстремистские настроения и тенденции в мусульманском мире. Это еще не обязательное и достаточное условие для возникновения террористических движений, но весьма существенные предпосылки к нему.

Ко всему этому следует добавить палестинскую проблему. Гордость и достоинство арабов уязвлены тем, что в арабском мире называют «катастрофой» (образование Израиля), и ее последствиями (серия поражений в войнах с Израилем, породившая нестерпимый комплекс неполноценности). Для арабов нет ничего хуже позора, ущемления их чести и достоинства.

Мусульмане переживают потерю Иерусалима как не столько политическую, сколько религиозную трагедию, как оскорбление ислама. Они почти единодушно считают, что главная причина, по которой святой город остается в чужих руках, – это американское покровительство Израилю. Почти все арабы, например, убеждены, что Израиль

выполнит все, что от него потребует Вашингтон, и если он продолжает упорствовать в своей оккупации палестинских земель, то это только потому, что Соединенные Штаты (которыми, как уверено большинство арабов, реально правят сионисты) фактически этому потворствуют. Это в их глазах делает Америку врагом ислама номер один.

Любопытно, что сам Бен Ладен, о котором речь пойдет дальше, на самом деле не ставит иерусалимскую проблему на первый план; так, в его антиамериканской фатве (так по-арабски называется богословско-правовое заключение, разъяснение, мнение духовного авторитета), изданной в 1998 году, на первом месте среди недопустимых действий Соединенных Штатов стоит «оккупация Саудовской Аравии», на втором – кампания против Ирака и лишь на третьем – поддержка Израиля. Однако для идеологической обработки мусульманских масс нет лучшего антиамериканского аргумента, чем израильская агрессия против арабского мира и потеря Палестины вместе с Иерусалимом.

Верные и неверные

Если враг определен, исламистские радикалы могут проповедовать только полнейшую непримиримость по отношению к нему. Абубакар Баасийр, руководитель подпольного индонезийского исламистского движения Джамаа исламийа, заявлял: «Аллах разделит человечество на две части, а именно – последователей Аллаха и последователей Сатаны». Обращаясь к «неверным», Абубакар провозгласил: «Мы отвергаем все ваши взгляды и все ваши учения. Между вами и нами всегда будет пропасть ненависти, и мы будем врагами до тех пор, пока вы не станете следовать закону Аллаха»[9].

Можно также привести высказывание профессора исламской культуры из Саудовской Аравии шейха Ад-Дарийя: «Надо себя готовить к вооруженному джихаду, потому что каждому разумному человеку ясно, что наших врагов из... евреев, крестоносцев и коммунистов устраивает только наше уничтожение или переход на их идейные позиции»[10].

Что это за «идейные позиции», переход на которые почти что приравнивается исламистами к уничтожению мусульманского сообщества? Это, прежде всего, идея демократии, органический порок которой якобы состоит в том, что она основывается на суверенитете народа. Ислам признает суверенитет Бога, и его воля выражена в шариате. Фундаменталист, исламист не подчинится воле избирателей, если эта воля оспаривает исламский закон. «За Бога не голосуют, Богу подчиняются».

Один из идеологов исламизма, Салих Сиррия, резко выступает против демократии как «образа жизни, противоречащего исламскому пути. При демократии люди имеют власть издавать законы, разрешать и запрещать то, что они хотят, в то время как в исламе люди не обладают полномочиями решать, что есть «халяль» (разрешенное Аллахом) и что есть «харам»

(запрещенное Аллахом), даже если у них по какому-либо вопросу достигнуто полное единодушие. Поэтому сочетать ислам с демократией равнозначно сочетанию, например, иудаизма и ислама; точно так же, как человек не может в одно и то же время быть мусульманином и евреем, он не может быть одновременно мусульманином и демократом»[11].

Разумеется, дело далеко не только в проблеме демократии; это просто один из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих то, что фундаменталисты, а за ними и радикальные политические активисты, исламисты, считают непроходимой пропастью между Дар аль-ислам и Дар аль-харб. Среди прочих, не менее важных, отличий следует упомянуть принципиальную разницу в трактовке культурных ценностей, взаимоотношений личности и общества, положения женщины и т.д. Для исламистов западное общество в целом является обществом глубокого и неотвратимого разложения, в котором под видом прав человека проповедуются нигилизм по отношению к коллективу, к государству; обществом, в котором царит аморальность и вседозволенность, распространены такие пагубные явления, как сексуальная распущенность, гомосексуализм и пр. Иными словами, это безбожное и незаконное общество, а поскольку оно осуществляет экспансию в мир ислама и в форме глобализма неуклонно расширяет свое влияние на всей планете, само его существование представляет собой смертельную угрозу для мусульманской уммы. Как писал лондонский журнал «Economist», «воинственный ислам терпеть не может Запад не за то, что он делает, а за то, чем он является»[12].

Исламовед Абдельбеки Хермасси полемизировал с теми, кто признает существование умеренного исламизма: «Концепция умеренного исламизма практически мертва... Насилие, ранее бывшее исключением из правила, теперь используется как метод и как стратегия для достижения власти... Мы прошли путь от исламизма как умеренной политической силы до исламизма как новой формы, прикрывающей суть: попытку террористов захватить власть»[13].

Исламизм, т.е. радикальный «политический ислам», не является чисто религиозным феноменом, борьбой ислама против христианства и иудаизма. По сути дела, ни Коран, ни сунна, если не вырывать из контекста отдельные цитаты (чем именно и занимаются экстремисты) не содержат в себе, да и не могут содержать по причинам чисто теологического свойства, призыва к беспощадной, а тем более, вооруженной борьбе против иноверцев. Все зависит от того, как трактовать концепцию джихада, да и вообще многие принципы мусульманского вероучения. В исламе, как и в других религиях, есть множество положений, которые можно интерпретировать по-разному. И салафитов не обязательно рассматривать как политических экстремистов, боевиков, террористов. Ведь сама по себе салафийя, вообще говоря, может быть и наступательной, и оборонительной. Не отходя от ее принципов, можно ограничиться умеренной их трактовкой – в том смысле, что следует

охранять и оберегать ислам и мусульманский образ жизни от «тлетворного влияния Запада», отгораживаться от него и т.д. А можно утверждать, что все это бесполезно и ничего не даст, пока враг не будет повержен и дискредитирован так, что исходящая от него угроза отпадет сама собой, и превосходство ислама станет очевидно для всех не только в духовном, но и в практическом плане. И вот именно эта вторая трактовка и стала идейной основой деятельности террористических организаций, выступающих под флагом защиты ислама.

Обычно исламский фундаментализм обвиняют в том, что он своей воинственностью, непримиримостью к современности, отождествляемой с Западом, в особенности же своей проповедью джихада, оправдывает и обосновывает мусульманский радикализм и экстремизм, ведущий в конечном счете к террору. На самом же деле понятие джихада, который чаще всего неточно переводят как «священная война», не связано именно с салафийей, а всегда считалось одной из главных обязанностей мусульманской общины. Буквально это означает – наивысшее, максимальное усилие, и рассматривается исламскими идеологами как борьба во имя распространения и защиты ислама, что может включать в себя вооруженную борьбу с неверными.

Данный термин имеет множество смыслов, в том числе призыв вести праведную жизнь, делать общество более моральным и справедливым, распространять ислам проповедью, учением или вооруженной борьбой. В сунне говорится о том, что применение силы в сражении есть малый джихад, а усилия мирного личного исполнения требований ислама (т.е. своего рода самоусовершенствование мусульманина) – «большой» или «высший» джихад. «В самом общем смысле джихад обозначает борьбу против зла и дьявола, самодисциплину (общую для всех трех авраамических религий), при помощи которой верующие стремятся следовать воле Бога, быть совершенными мусульманами. Это – длящаяся в течение всей жизни борьба за то, чтобы быть добродетельным, верным прямому пути, указанному Богом»[14].

Например, во второй суре Корана (сура «Корова») говорится: «И убивайте ради дела Аллаха тех, кто убивает вас, но не преступайте пределов дозволенного, ибо Аллах не любит преступающих» (арабское слово «аль-му' тадун» – «преступающие», «нападающие» – можно перевести и как «агрессоры»)[15].

Организационная и идейная составляющие исламского экстремизма

Исламисты понимают, что одними призывами и пропагандой нельзя мобилизовать мусульманское общество. Они создали организации, образующие целую сеть ячеек так называемого социального ислама. Исламистские группы занимаются благотворительной деятельностью,

медицинским обслуживанием населения, создают школы, обеспечивают людей хоть каким-то заработком – словом, берут на себя те функции, которые не может или не хочет осуществлять государство. В Египте существует множество независимых частных мечетей, ставших центрами воспитания и рекрутирования членов исламских организаций. Только за 1970-е гг. число таких мечетей удвоилось – с 20 до 40 тыс., и получилось, что из 46 тыс. египетских мечетей только 6 тыс. находились под контролем министерства религиозных фондов[16].

Наиболее известной из такого рода организаций всегда была «Братья мусульмане», возникшая первоначально в Египте, но затем распространившая свою деятельность и на другие арабские страны. Сейчас, по данным мировой прессы, наиболее активными считаются египетские «Аль-джихад» и «Аль-джамаат аль-исламийя» («Исламские группы»), пакистанские «Джамиат уль-улема и Пакистан», «Лашкар-и тойба» («Воинство чистых»), «Харкат уль-муджахедин», «Лашкар-и джангви», «Джаиш-и Мухаммад» («Армия Мухаммеда») и «Харкат уль-ансар», бангладешская «Джихад», ливанская «Хизб Аллах» («Партия Аллаха»), палестинская «Хамас» («Исламское движение сопротивления»). Непосредственно с Бен Ладеном связаны основанная им самим «Аль-Каида» («Основа») и «Армия освобождения исламских святынь» (именно она ответственна за взрывы американских посольств в Танзании и Кении в 1998 г.), а также Международный исламский фронт борьбы с евреями и крестоносцами, созданный в 1998 г.

Самая могущественная из террористических организаций – «Аль-Каида». Бен Ладен после того, как создал фронт борьбы с евреями и крестоносцами, издал фатву, содержащую слова: «Приказ убивать американцев – это священный долг, который необходимо выполнить ради освобождения мечети Аль-Акса и Мекки»[17]. Мекка здесь упомянута, поскольку исламисты считают страшным позором пребывание американских вооруженных сил в Саудовской Аравии, на земле, по которой ступала нога Пророка; американцы обосновались там во время войны в Заливе после иракской агрессии против Кувейта по договоренности с саудовским правительством, которому исламисты не могут простить такого предательства дела ислама.

Бен Ладен, который, как известно, начинал свою карьеру боевика в Афганистане, сказал однажды: «Кто хочет учиться, должен из этого извлечь урок. Советский Союз вошел в Афганистан в конце 1979 г., а через несколько лет с помощью Аллаха его флаг был спущен и выброшен в мусорную яму, и не осталось ничего, что можно было бы назвать Советским Союзом. Это освободило исламские умы от мифа о сверхдержавках. Я уверен, что мусульмане смогут положить конец легенде о так называемой сверхдержаве Америке»[18].

В 1997 г. Бен Ладен сказал: «Быть убитым за дело Аллаха – это великая честь, которой удостаиваются только те, кто принадлежат к элите

нации. Мы счастливы умереть такой смертью за дело Аллаха так же, как вы счастливы, что живете. Нам нечего бояться, мы желаем этого»[19]. А отвечая на вопрос корреспондента еженедельника «Time» в 1998 г. по поводу слухов о своих попытках заполучить ядерное и химическое оружие, Бен Ладен откровенно заявил: «Если я стремлюсь получить доступ к этому оружию, я выполняю свой долг. Было бы грехом для мусульманина не попытаться приобрести оружие, способное предотвратить нанесение неверными ущерба мусульманам»[20].

Люди типа Бен Ладена, мусульманские радикалы экстремистского толка, с абсолютной убежденностью в том, что они действительно защищают ислам от нависшей над ним смертельной угрозы, решились на беспощадную борьбу против того зла, которое они считают непримиримым врагом их веры и их образа жизни. Их боевая задача – спровоцировать именно то «столкновение цивилизаций», о котором предупреждал несколько лет тому назад американский профессор Сэмюэл Хантингтон в своей напумевшей одноименной книге.

Как пишет об исламистах-экстремистах английская «Financial Times», «именно к такому глобальному столкновению они и стремятся подтолкнуть мир, причем они как будто бы предвидят возможность восстановления той мощи и влияния ислама, которыми он обладал до конца XVIII столетия. Они намереваются не только использовать падение доверия к Соединенным Штатам в общественном мнении арабского и мусульманского сообществ, но и спровоцировать реакцию, которая перевела бы эту враждебность в русло боевой акции, разворачивающейся по всему мусульманскому миру»[21].

В этом плане следует рассматривать и террористический акт 11 сентября.

«Сверхзадача» террористов была, видимо, такова: спровоцировать Соединенные Штаты на ответный удар по исламскому миру, с тем чтобы вызвать более мощную, чем когда-либо, волну возмущения и ненависти к Америке не только в мусульманских странах, но и во всем третьем мире.

Реальная цель терроризма всегда состоит не в том, чтобы убить какое-то количество людей, а в том, чтобы деморализовать общество, против которого направляется удар. Главная мишень террористов – это не те люди, которые гибнут от их рук, а те, которые узнают об этом из газет и радио, а еще лучше – увидят все по телевидению. Терроризм вселяет ужас непредсказуемостью своих действий, методов, средств нападения, но он же порождает и ответную реакцию – гнев, ярость: нельзя допустить безнаказанных убийств, надо пресечь это, наказать преступников. Народ требует возмездия, и правительство не может бездействовать. И Буш направил свои воздушные армады на Афганистан, где под эгидой средневекового мракобесного режима талибов находились базы Бен Ладена.

Но Бен Ладен, не без помощи демонизирующих его западных средств массовой информации, вырастает в глазах мусульман в исполинскую фигуру, некоего исламского Робин Гуда, защитника угнетенных, более того – защитника ислама как такового.

Это отнюдь не означает, что мусульманский мир вообще приветствует террор и радуется смерти американских граждан. Но у многих мусульман находятся и контраргументы, когда им напоминают о гибели ни в чем не повинных людей (в том числе и сотен их единоверцев) в нью-йоркских небоскребах. Они могут ответить: а как насчет сотен палестинских арабов, гибнущих от рук израильтян, которых поощряет Америка? И чем гибнущие под американскими бомбами мирные афганцы хуже американских граждан?

К тому же надо иметь в виду, что у людей той цивилизации, которая сформировалась на основе самой фаталистичной из всех религий – ислама, – само отношение к смерти иное, чем у людей Запада. Столетия угнетения, произвола, казней, массовых убийств, межсектантских побоищ, междоусобных войн, потопленных в крови восстаний – все это привело к тому, что если не у всех, то, по крайней мере, у многих мусульман известие о насильственной гибели множества людей не вызывает такого ужаса и потрясения, как среди жителей западных стран.

Для борьбы с международным терроризмом требуется международное же сотрудничество в самом полном смысле этого слова. Кроме того, западным странам придется волей-неволей внести коррективы в господствующую там концепцию политкорректности. В самом деле, можно ли, например, признать нормальным, что в английских городах проповедники исламского экстремизма имеют полную возможность вести злобную антизападную пропаганду в мечетях?

Речь идет также и о сотрудничестве – в плане антитеррористической борьбы – с властями самих мусульманских стран. Ведь именно там существует питательная среда для исламского радикализма и экстремизма, там живут те, кто становятся террористами. А правители мусульманских государств отнюдь не заинтересованы в триумфе воинствующих фундаменталистов: они не могут не понимать, что террористы, даже в случае своего полного успеха, не смогут изменить государственный строй в Соединенных Штатах или Англии, а вот их самих «исламисты» в состоянии смести со сцены. Ясно, какая судьба ожидает саудовскую или иорданскую монархию или правящие элиты в других мусульманских странах в случае прихода к власти людей типа Бен Ладена. Объективно именно правящие элиты мусульманских стран могут быть самым надежным противовесом экстремистам и террористам.

Наконец, может быть, наиболее важное – это необходимость идейно-пропагандистской деятельности внутри самих мусульманских

стран (и проводимой самими мусульманами), с тем чтобы доказать пагубность порождающего терроризм воинствующего фундаментализма для мусульманских народов всего мира. Это двоякая задача: с одной стороны, надо, чтобы западные державы, в первую очередь Соединенные Штаты, проявили не свойственную им до сих пор гибкость и тактичность по отношению к миру ислама, раз и навсегда отказались от бесцеремонных попыток третировать мусульманские народы как слабообразованные, незрелые, «второсортные» и навязывать им свои культурные стереотипы и поведенческие стандарты. С другой стороны, необходимо, чтобы мусульманские мыслители глубоко разобрались с вопросом о том, почему именно ислам дает экстремистам столько возможностей трактовать его в воинственном, непримиримом духе. Наши муфтии отмахиваются от этой проблемы путем изречений типа «террористы – это не мусульмане, а преступники, такие есть среди приверженцев любой религии». Но почему именно ислам породил в своем лоне столько экстремистских организаций?

Об объективных причинах этого феномена уже говорилось, но беда в том, что из них делаются ложные, пагубные для самого ислама выводы, причем со ссылками на Коран и на исламское учение в целом, и никто эти ссылки и эти выводы по-настоящему не опровергает. Ислам не смог выработать в себе противоядия против экстремизма – вот в чем проблема. Совершенно прав чикагский профессор Марк Лилла, утверждающий: «Те, кто озабочен местом ислама в сегодняшнем мире, обязаны серьезно исследовать теологические корни исламского фундаментализма и видимое отсутствие теологической защиты против распространения политического экстремизма»[22].

Большинство образованных людей в исламском мире, представителей мусульманской интеллигенции будут в ужасе, если им показать, что путь воинствующего фундаментализма (именно его радикального, непримиримого толка, а не салафийи как таковой) в конечном счете ведет к изоляции их стран, отходу от магистральной дороги мирового прогресса, к экономической и социальной деградации, к средневековому мракобесию. Меньше всего эти люди – а ведь они и определяют идейную атмосферу в мусульманских странах – хотели бы жить под властью глобального исламского Талибана. Значит, надо им это убедительно доказать, причем непременно в контексте мусульманского учения.

Необходим серьезный, рассчитанный на долгие годы внутримусульманский дискурс, в ходе которого ретроградам и убийцам, использующим ислам для прикрытия своих чуждоценностных проектов, был бы дан достойный идейный отпор, а их взгляды, искажающие и компрометирующие подлинный ислам, не имеющий с терроризмом ничего общего, были бы разоблачены и отброшены.

Подъем исламизма как феномен современной эпохи

Рост исламизма заставил западных ученых и политиков в корне пересмотреть широко распространенную ранее концепцию, в соответствии с которой модернизация и успешное экономическое развитие поставят преграду на пути распространения экстремистских антизападных взглядов в третьем мире. Вопреки ожиданиям, главные очаги исламистского экстремизма и терроризма находятся не в наиболее нищих и отсталых странах, а как раз в тех, которые значительно продвинулись по пути модернизации, в известной мере подчинились законам глобализма, добились серьезных экономических успехов. Египет, Саудовская Аравия, Индонезия – это отнюдь не то доведенное до обнищания и отчаяния «дно» третьего мира, в котором логично было бы ожидать взрыва экстремизма.

Австралийский ученый Мартин Джонс пишет: «Где бы в мусульманском мире ни наблюдались быстрый рост и сопутствующие социальные перемены под эгидой светских авторитарных режимов, неизменным ответом был вызов со стороны фундаментализма... Прогрессивный секуляризм не добивается успеха в мусульманских государствах, с опозданием вступивших на путь модернизации» [23].

Джонс вспоминает слова покойного Эрнеста Геллнера о том, что в прошедшем столетии встреча с современностью приводила ислам к тому, что он становился более сильным и очищенным, а также о том, что на смену неграмотному деревенскому исламу приходит «высокий», образованный городской ислам; исламистская идеология, по убеждению Геллнера, процветает именно в условиях, созданных тем, что называется *modernity*, начиная от развития специализации и разделения труда в обществе индустриализации и кончая Интернетом и мобильными телефонами, широко используемыми исламистами.

Нынешний подъем исламизма – это новое явление, это феномен современной эпохи; он был бы невозможен в прежние времена. Можно говорить о своего рода исламистском модерне.

Почему все это происходит именно сейчас? Видимо, прежде всего, всплеск террористического исламизма связан с кардинальными переменами мирового, геополитического характера, происшедшими в результате окончания «исторического соревнования двух систем» и завершения эпохи биполярности.

В биполярном мире Америка была поглощена борьбой с советским блоком, и эта конфронтация была главной, определяющей. Все остальное, включая потенциальное противостояние Соединенных Штатов с радикальной частью мусульманского мира, было где-то на заднем плане. Конечно, еще в условиях биполярности исламисты начали свою борьбу: в 1980-х гг. они устремились в Афганистан, именно там они дали первый бой сверхдержаве, но не американской, а другой. Победа

в Афганистане невероятно воодушевила исламистов, дала им мощный стимул для развертывания борьбы уже на другом фронте, так как постсоветская Россия перестала быть врагом, временно ушла с мировой авансцены. По убеждению исламистов, Запад, одержав победу в конфронтации с мировым социализмом, неминуемо должен был ощутить свою уже ничем не сдерживаемую способность установить гегемонию во всем мире, и место социализма в качестве основного врага должен был для него занять ислам.

Освободившись от сдерживающего фактора, каковым являлась постоянная необходимость противостоять Москве по всему земному шару, развязав себе руки, Америка, по мнению исламистов, не могла не перейти к наступлению на мусульманский мир. Схватка стала неизбежной. У исламистов возникло твердое убеждение, что ислам станет следующим объектом американской экспансии; гегемонизм Вашингтона обязательно должен был проявиться в попытке подчинить себе мусульманский мир. Ислам оказался под угрозой, и исламисты решили, что их священный долг – защитить его, а для этого надо нанести удар первыми. Акция 11 сентября 2001 г. и стала таким упреждающим ударом, рассчитанным на то, чтобы спровоцировать Америку на агрессию против одной из мусульманских стран, что позволило бы «раскачать», поднять весь мир ислама на борьбу с наступающей на него сверхдержавой. Дальнейшие события известны.

Исламисты не сомневаются в том, что они стали боевым авангардом всего мусульманского мира в давно назревавшей и, наконец, разразившейся битве глобального масштаба, ставкой в которой является сама судьба ислама как цивилизации.

Однако для успеха в этой борьбе им нужно стать еще и авангардом всего третьего мира в целом. Именно поэтому они стараются привлечь на свою сторону немусульманские восточные цивилизации, и самый верный способ здесь – предстать перед Азией и Африкой в качестве борцов за завершение великого процесса деколонизации. В этом и заключается смысл концепции «третьей ступени ракеты».

Но могут ли исламисты рассчитывать на то, что немусульманские цивилизации будут готовы встать под их знамя, согласятся с тем, что воинствующий «политический ислам» действительно стал авангардом на новом, заключительном этапе антиколониальной, антизападной освободительной борьбы?

Не надо быть специалистом по проблемам Китая и Индии, чтобы понять: эти два азиатских гиганта ни в коей мере не заинтересованы в союзе с мусульманскими экстремистами. Каждый из них проводит собственную, весьма сложную, многоплановую политику «по всем азиатским». Как и подобает подлинно великим державам, каковыми сейчас, без сомнения, можно назвать Китай и Индию, они не склонны к радикальным и импульсивным движениям, к заключению сомнитель-

ных альянсов с движениями авантюристического и насильственного характера. Разумеется, в китайском, а еще более – в индийском обществе наличествуют довольно сильные антиамериканские настроения (как, впрочем, практически во всех пределах сегодняшнего мира). Но безоглядная тотальная война против Запада не вытекает ни из их культуры и религии, ни из их реальных государственных интересов. Китай и Индия не могут ничего приобрести из «похода против Америки», а потерять могут многое, как и другие страны третьего мира.

«Война цивилизаций» в корне противоречит интересам правящих элит всех без исключения развивающихся стран. Они не только не могут и не хотят порвать с Западом – напротив, они заинтересованы в том, чтобы как можно лучше и выгоднее вписаться в мировую капиталистическую экономику, тон которой задает Запад. Правящие классы третьего мира давно забыли об идеях «альтернативного развития», будь это «национальный социализм» насеровского образца, «третий путь» Каддафи или «благословенная исламская экономика» имама Хомейни. Они сознают, что воинствующий «исланизм» может ввергнуть их страны в пропасть изоляции и полного развала.

«Третья ступень ракеты» антиколониальной борьбы – это миф. Но миф чрезвычайно опасный, угрожающий стабильности в сегодняшнем мире в большей мере, чем что-либо еще. Глобализация дала в руки исламистских экстремистов такие рычаги дестабилизации и создания взрывоопасных ситуаций, какие и не снились террористам, нигилистам и анархистам прежних времен. Исламистский террор, провоцируя свои жертвы на ответные силовые действия, способен ударить чудовищным бумерангом по самому мусульманскому миру. Более того, он может породить катастрофические последствия и в тех частях планеты, которые не вовлечены в усиливающееся сейчас противоборство мусульманского экстремизма и американского супердержавного унилатерализма.

Что же касается «духовной и культурной деколонизации», то этот действительно необходимый и исключительно важный процесс идет без участия исламистов. В отличие от двух предшествующих этапов деколонизации, это именно процесс – длительный, постепенный, без драматических рывков и сенсационных событий. Это совсем не то, что превалировавший на первом этапе «национализм окровавленной рубашки», когда с боем изгонялись иностранные войска и провозглашалась независимость, и не то, что было на втором этапе, когда громогласно, под бурное ликование масс объявлялось о национализации природных ресурсов. Третий этап деколонизации – это утверждение, а иногда возрождение, второе обретение национальной идентичности, возрождение традиций, их синтез с современными тенденциями, их приведение в соответствие с духом времени. Это утверждение самобытных этнических и религиозных ценностей в совокупности с усвоением достижений другой, технологически более продвинутой цивилизации.

Драматические насильственные акции, разжигание ненависти, нетерпимость и непримиримость, призывы к беспощадной борьбе с врагами веры – все это может только нанести урон естественному процессу приспособления традиционных ценностей Востока к реалиям современного мира, далеко ушедшего вперед от времен застойного и склеротического религиозного догматизма. Здесь действует не ракета, ошеломляющая воображение, а упорный будничный труд, вдохновляемый идеей сотрудничества и взаимообогащения цивилизаций – идеей, отвергающей цивилизационные столкновения и «битву несовместимых миров».

[1] Le Monde, 9 Octobre 2001, p. 19.

[2] Ozlem Tur Kavli. «Protest in the name of God: Islamist movements in the Arab World». Perceptions, vol. VI, Number 2, p. 92.

[3] Mark Tessler, «Alienation of Urban Youth», in William Zartman and William Mark Habeeb, Policy and Society in Contemporary Africa / Boulder, Westview Press, 1993 /, p. 97.

[4] Johannes J. G. Jansen. «The Dual Nature of Islamic Fundamentalism». / London: Hurst and Company, 1997, p. 5.

[5] Yurgen Kronig. «Jihad versus McWorld». Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament», 5 Oktober 2001, S. 5.30.

[6] Samuel P. Huntington. «The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order». New York: Touchstone, 1997, p.p. 213–214.

[7] Bernard Lewis. «The Crisis of Islam». London: Weidenfeld & Nicolson, 2003, p.p. 88,892.

[8] John L. Esposito. «The Islamic Threat: Myth or Reality?». New York: Oxford University Press, 1992, p. 165.5.

[9] IIAS Newsletter, Cambridge University Press, July 2003, p.411.

[10] Н.В.Жданов, А.А.Игнатенко. «Ислам на пороге XXI века». Издательство политической литературы: М., 1989, с. 222.

[11] Sadik J. Al-Azm. «Islamic Fundamentalism Reconsidered: A Critical Outline of Problems, Ideas and Approaches». South Asia Bulletin, Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East, vol. XIII, Number 18, 1993, p.18.

[12] The Economist, October 13, 2001, p. 14.

[13] Mohammed Abdelbeki Hermassi. «Islam, democracy, and the hallenge of political change», in «Democracy in the Middle East: defining the challenge» / Washington,D.C. : A Washington Institute Monograph, 1993, p.p. 42,43,45.

[14] Esposito, op. cit., pp. 32–33.

[15] Копан, 2: 190.

[16] Esposito, op. cit., p. 138.24.

[17] Le Monde, 9 octobre 2001, p. 9.25.

[18] The Financial Times, Weekend October 13–14, 2001, p.1.26.

[19] Time, September 24, 2001, p. 60.

[20] Lisa Beyer. «Osama's Endgame». Time, October 15, 2001.

[21] The Financial Times, Weekend October 13–14, 2001, p. 1.

[22] Mark Lilla. «But Any Religious Extremists Have Their Roots». International Herald Tribune, October 8, 2001.

[23] David Martin Jones. «Out of Bali». The National Interest. Spring 2003, p.p. 80,81.

Евгений КАНАЕВ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УГРОЗЫ ТЕРРОРИЗМА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО УЧАСТИЯ

В экспертно-академической среде превалирует точка зрения, что угроза международного терроризма актуальна, главным образом, для стран Ближнего и Среднего Востока. Вместе с тем в последние годы эта проблема играет все более заметную роль в приоритетах государств и других регионов, в частности, Юго-Восточной Азии (ЮВА)*, а также Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Как известно, ЮВА разделена на материковую и архипелажную зоны, соединяемые водами Южно-Китайского моря. По оценкам ряда экспертов, в последние годы его акватория и проливы стали объектами пристального внимания руководителей террористических организаций – Аль-Каиды, Абу Сайяф, Джебхаа Исламийи, Фронта исламского освобождения Моро и Движения за свободную Аче¹.

Южно-Китайское море как потенциальный район атак террористов

Из наиболее важных предпосылок эскалации угрозы терроризма в Южно-Китайском море можно выделить следующие.

Во-первых, через воды Малаккского пролива, расположенного в юго-западной части этой акватории и соединяющего Тихий океан с Индийским, проходят значительные объемы коммерческого грузопотока, составляющие третью часть мирового товарооборота².

* На данном этапе в экспертно-академической среде нет единого мнения относительно того, считать ли Юго-Восточную Азию самостоятельным регионом или субрегионом в составе более широкого образования.

¹ См., например: *Raymond C.Z.* The Threat of Maritime Terrorism in the Malacca Straits. // Terrorism Monitor. 9 February 2006; *Luft G., Korin A.* Terrorism Goes to Sea. // Foreign Affairs. November/December, 2004.; *Banlaoi R.C.* Maritime Terrorism in Southeast Asia: the Abu Sayyaf Threat. // Naval War College Review. Autumn, 2005.; *Khurana G.S.* Safe-guarding the Malacca Straits. // Institute for Defence Studies and Analysis (IDSA). Strategic Comments. January 05, 2005. и др. (Все источники – электронная версия.).

² *Caramone J.* Admiral Details Tenets for New Maritime Strategy. American Forces Press Service. 27 September 2007. // <http://www.defenselink.mil/news/newsarticle.aspx?id=47606>

Во-вторых, Южно-Китайское море омывает берега Сингапура, являющегося одним из наиболее крупных портов современного мира и крупнейшим центром международной логистики и реэкспортной торговли.

В-третьих, через различные участки этой акватории пролегают маршруты круизов и увеселительных поездок туристов, осуществляемых круглый год.

Исходя из этого, можно определить сценарии совершения террористами актов в Южно-Китайском море и их наиболее вероятные последствия. К таковым относятся:

- захват одного или нескольких нефтяных танкеров и их затопление в водах Малаккского пролива, что повлечет экологическую катастрофу и заблокирует эту важнейшую судоходную артерию. Аналогичные последствия вызовет и минирование пролива, что позволяет осуществить узость его судоходного фарватера и малая глубина, составляющие в некоторых местах лишь 3 км и 25 м соответственно³;

- использование судов с взрывоопасными грузами против инфраструктуры портов государств ЮВА, что нарушит отлаженную систему внутрирегиональных хозяйственных связей;

- обстрелы самолетов, осуществляемые с захваченных судов. Такая перспектива реальна – основные маршруты коммерческого судоходства и авиоперевозок совпадают. Проблема усугубляется относительной дешевизной переносных зенитно-ракетных комплексов (от 10 тыс. долларов на «черном рынке»), а также объективной невозможностью провести досмотр каждого судна;

- использование «грязной бомбы», способное нанести непоправимый урон местной флоре и фауне;

- захват прогулочных яхт и пассажирских лайнеров, на борту которых находятся граждане разных государств, что позволит террористам диктовать условия не одному, а многим правительствам.

Осознавая реальность представленных выше сценариев, руководители стран АСЕАН предпринимают комплексные меры по их предотвращению. В частности, регулярно проводится совместное патрулирование боевыми кораблями Индонезии, Малайзии, Таиланда и Сингапура акватории и воздушного пространства Малаккского пролива. Помимо этого, предупреждению актов терроризма в значительной мере способствуют регулярные маневры ВМФ США и их союзников в различных участках Южно-Китайского моря. Определенный вклад в предотвращение этой угрозы вносит присутствие боевых кораблей Японии, Индии и Австралии, взаимодействующих с силами ВМФ ассоциированных государств на двусторонней и многосторонней основах.

³ Watkins E. Facing the Terrorist Threat in the Malacca Straits. // Terrorism Monitor. 6 May 2004. (Электронная версия).

О необходимости активизировать сотрудничество с АСЕАН в борьбе с угрозой международного терроризма, а также расширить присутствие российского флота в районах интенсивного рыболовства и судоходства неоднократно заявляла и Россия⁴. Вместе с тем возможности это осуществить в Южно-Китайском море были и остаются объективно ограниченными.

Позиции России в Юго-Восточной Азии

В этом контексте уместно провести ретроспективу политики СССР/России в ЮВА. Приходится констатировать – данный регион традиционно занимал периферийное место во внешнеполитических приоритетах Москвы. Даже в период активизации советско-вьетнамского сотрудничества (вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг.) мотивацию СССР определял, прежде всего, «антикитайский» фактор, а не стремление усилить собственные позиции в Индокитае. Подтверждением этому служит нарастание центробежных тенденций во взаимодействии Советского Союза с Вьетнамом (вторая половина 1980-х гг.), проходившее одновременно с налаживанием советско-китайского диалога.

Вместе с тем охлаждение советско-вьетнамских отношений не побудили Москву расширить и диверсифицировать сотрудничество с некоммунистическими государствами ЮВА. Об этом свидетельствует состояние экономических связей СССР с АСЕАН, общий объем товарооборота между которыми в 1990 г. не превышал 1 млрд. долларов⁵. Не проявляли встречного интереса к развитию контактов с Москвой и ассоциированные государства, резонно полагавшие, что возникновение основного очага нестабильности в ЮВА – проблемы Камбоджи – было напрямую связано с активизацией советско-вьетнамского сотрудничества.

Не произошло заметного улучшения отношений между Россией и АСЕАН и в первые годы после окончания «холодной войны». Основная причина – ни РФ, ни Ассоциация в этом не были особенно заинтересованы. Первая стремилась к сближению с США и европейскими странами и вхождению в «сообщество демократических государств», рассчитывая на получение крупных субсидий и приток иностранных инвестиций. Важнейшим же направлением внешнеполитической стратегии России на дальневосточном направлении было развитие отношений со странами Северо-Восточной Азии, прежде всего, Китаем. Вто-

⁴ Таких примеров достаточно много, перечислим лишь наиболее заметные из них. Comprehensive Programme of Action to Promote Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Russian Federation 2005–2015. // <http://www.asean-sec.org/18073.htm>; Присутствие в Мировом океане поможет сократить нападения пиратов – ВМФ. // РИА Новости 03.02.2008.; Мир должен объединиться для борьбы с пиратами – ВМФ РФ. // Там же. 27.05. 2008. (Оба источника – электронная версия.).

⁵ Николаев Б. Россия – АСЕАН. Психологический барьер преодолевается. // Азия и Африка сегодня. – М., 1993. – №. 7. – С. 49.

рая ставила задачу адаптации к изменившимся геополитическим условиям и формирования оптимального внешнеполитического курса в отношении США и КНР. В таких условиях российско-асеановское взаимодействие, прежде всего, экономического характера, продолжало оставаться вялым. В частности, в 1996 г. взаимная торговля составила всего 5,2 млрд. долларов⁶.

И все же в сфере военно-технического сотрудничества АСЕАН и РФ удалось не только наладить контакты, но и придать им высокий динамизм. При этом инициатива исходила от ассоциированных государств, стремящихся диверсифицировать источники импорта оружия. В результате Россия стала активно поставлять в ЮВА новейшие для того времени вооружения – зенитные установки, многоцелевые истребители, самолеты дальнего радиоэлектронного вооружения (ДРЛО) и т.д., что сыграло заметную роль в модернизации оборонных комплексов этих стран⁷.

После финансового кризиса 1997–1998 гг. масштабы российско-асеановского сотрудничества заметно сократились – стороны были замкнуты на решении внутренних проблем. Его некоторая активизация произошла лишь в первые годы XXI века. Так, руководители АСЕАН и РФ приняли несколько документов (2003–2004 гг.), в которых речь шла о готовности расширить контакты, главным образом, по линии сотрудничества в противодействии международному терроризму⁸. Одновременно Россия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве АСЕАН. А с 2000 г. в военно-техническом взаимодействии сторон начала просматриваться тенденция к стабилизации – российские поставки вооружений в ЮВА стали осуществляться не на разовой, а на регулярной основе.

Кульминацией сближения сторон можно считать первый в истории саммит АСЕАН–РФ на уровне глав государств и правительств (декабрь 2005 г.). В принятой по его итогам «Всеобъемлющей программе действий по продвижению сотрудничества между Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии и Россией на 2005–2015 гг.» стороны определили перспективные направления взаимодействия, отдавая приоритет его военно-политической составляющей⁹.

⁶ ASEAN–Russia Dialogue. // <http://russia.shaps.hawaii.edu/fp/asean/russia-asean.html>

⁷ Подробнее см.: Мазин А. Что может предложить странам Юго-Восточной Азии ВПК России. // *Мировая экономика и международные отношения*. – М., 1997. – № 6.

⁸ Joint Declaration of the Foreign Ministers of the Russian Federation and the Association of Southeast Asian Nations on Partnership for Peace and Security, and Prosperity and Development in the Asia-Pacific Region. // <http://www.aseansec.org/14849.htm>; ASEAN–Russia Joint Declaration for Cooperation to Combat International Terrorism. // <http://www.aseansec.org/16225.htm>; ASEAN–Russia Dialogue Relations. // <http://www.aseansec.org/5922.htm>

⁹ Comprehensive Programme of Action to Promote Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Russian Federation 2005–2015. // <http://www.aseansec.org/18073.htm>

Однако на фоне других крупных государств – главным образом, Японии, США и Китая – позиции России в Юго-Восточной Азии продолжают оставаться слабыми. Основная причина – экономическим обменам явно не хватает надлежащего масштаба и качества. Например, в 2004 г. общий объем российско-асеановского товарооборота составил всего 4,5 млрд. долларов¹⁰. В последующие годы эти показатели не претерпели существенных изменений. Проблема усугубляется тем, что ассоциированные государства предпочли бы изменить не только объем, но и номенклатуру товарооборота с Россией. Так, в настоящее время АСЕАН экспортирует из РФ продукцию нефтехимической и сталелитейной промышленности и некоторые полезные ископаемые и импортирует электронику, средства связи и детали для станков. А желаемая для АСЕАН сфера взаимодействия – энергетика, машиностроение и высокие технологии¹¹. Вместе с тем некоторые влиятельные фигуры российской политики и экспертно-академического сообщества скептически оценивают перспективы в этом регионе даже, казалось бы, такого «джокера» Москвы, как энергетическое сотрудничество¹².

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что именно экономическая составляющая взаимодействия с крупными державами традиционно оставалась приоритетной для АСЕАН. В качестве таковой они рассматривают укрепление торгово-инвестиционных связей, расширение доступа к ресурсам и новым технологиям, развитие энергетики и туризма. А здесь наиболее перспективными партнерами Ассоциации являются Япония, США и Китай. В частности, в 2006 г. товарооборот между АСЕАН и Японией составил 161,8 млрд. долларов¹³, а в 2007 г. объемы торговли АСЕАН с США и Китаем достигли уровня 170 и 190 млрд. долларов соответственно¹⁴. Приведенные данные вряд ли нуждаются в комментариях.

В последние годы в отношениях АСЕАН и России наблюдается определенный прогресс. Растет число визитов высокопоставленных лиц,

¹⁰ ASEAN Membuka Lembaran Sejarah Baru. // *Pikiran Rakyat*. 30 Desember 2005. (Электронная версия)

¹¹ Лидер АСЕАН: Торговый оборот с Россией должен стать более наукоемким. // <http://www.rosbalt.ru/2006/10/09/270352.html>

¹² См. например: Russian Perspective: What Asean Means to Russia. Interview with German Gref, Minister of Economic Development and Trade of the Russian Federation. // http://www.aseanaffairs.com/page/russian_perspective; Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008). – М., 2007. – С. 402.

¹³ The Fourteenth Consultation between the ASEAN Economic Ministers and the Minister of Economy, Trade and Industry of Japan (AEM-METI). Makati City, Philippines, 25 August 2007. Joint Media Statement. // <http://www.aseansec.org/20865.htm>

¹⁴ Secretary of Commerce Carlos M. Gutierrez. Remarks to U.S.-ASEAN Business Council. Washington, D.C. // http://www.commerce.gov/NewsRoom/SecretarySpeeches/PROD01_006688; China-ASEAN cooperation sees remarkable improvement. People's Daily Online. 1 January 2008. (Электронная версия).

налаживается инфраструктура политического диалога, укрепляются связи между бизнес-сообществами, создаются механизмы расширения гуманитарных контактов, совершенствуется их договорно-правовая база. В частности, в 2007 г. был учрежден Финансовый фонд диалогового партнерства, создан учебный центр Россия – АСЕАН, проведена работа по определению приоритетных проектов сотрудничества. Прорабатываются возможности взаимодействия в сфере ядерной энергетики и безопасности обращения с радиоактивными материалами, использовании ядерных технологий для медицинских целей, их промышленного и сельскохозяйственного применения, а также предупреждении ядерного и радиологического терроризма¹⁵. А после визита В.В.Путина в Индонезию (сентябрь 2007 г.) военно-техническое сотрудничество РФ и АСЕАН получило мощный импульс к активизации¹⁶.

Однако в целом, несмотря на несомненные изменения к лучшему, позиции России в ЮВА продолжают оставаться слабыми – по степени влияния на проходящие там процессы Москва существенно уступает Токио, Вашингтону и Пекину по всей совокупности количественных и качественных параметров.

Военное присутствие крупных держав в Южно-Китайском море после «холодной войны»

Не менее важным фактором, позволяющим адекватно оценить перспективы подключения России к мероприятиям по предупреждению актов терроризма в Южно-Китайском море, является соотношение военно-морского присутствия там крупных держав после «холодной войны».

В начале–середине 1990-х гг. основными тенденциями были следующие.

Во-первых, шел процесс сокращения контингентов передового базирования ВМФ США после принятия Вашингтоном «Восточно-Азиатских стратегических инициатив» (1990 и 1992 гг.), где речь шла о намерении довести численность американских военнослужащих с 135 тыс. до 120 тыс. человек. За этим последовала эвакуация военно-морских баз с территории Филиппин и приостановление контактов Вашингтона и Манилы по военной линии. Одновременно происходила модификация американского военно-морского сотрудничества с другими странами АСЕАН.

¹⁵ Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на Постминистерской конференции Россия – АСЕАН, Манила, 1 августа 2007 года // http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/A0CF869163192D48C325732A00310118?OpenDocument

¹⁶ Причем в сохранении его высокой динамики заинтересованы в первую очередь страны ЮВА. См. например: Rusia Penjual Senjata. // Waspada Online. 05 November 2007. (Электронная версия); Sucahyono Budu. Rusia Rebut Pasar Senjata AS di Asia Tenggara. // <http://innphotos.com/berita.php?id=233>

Во-вторых, прекратил играть значимую роль ВМФ России. После дезинтеграции СССР единственным российским пунктом стратегического назначения в Южно-Китайском море оставалась база Камрань на территории Вьетнама, поддерживать в рабочем состоянии инфраструктуру которой, впрочем, становилось все сложнее из-за нехватки финансирования.

В-третьих, заметно активизировался Китай. Сначала ВСНП КНР приняло «Закон о территориальном море и прилежащей зоне» (25 февраля 1992 г.), где речь шла о распространении режима территориальных вод КНР на все острова Южно-Китайского моря и готовности Китая применить военную силу для их защиты¹⁷. Несколько позже китайцы расширили военное строительство на островах Парасельского архипелага, захваченного ВМФ НОАК в январе 1974 г. На самом крупном острове – Вуди – была возведена 2600-метровая взлетно-посадочная площадка, способная принимать самолеты-разведчики и тяжелые бомбардировщики, разместить зенитные установки и бронетехнику¹⁸. Тогда же Китай приступил к сооружению искусственной насыпи на одном из рифов архипелага Спратли – Файери Кросс, расположенного в центральной части Южно-Китайского моря, освещая эти действия как строительство «непотопляемого авианосца»¹⁹. Это происходило на фоне неоднократных задержаний и досмотров кораблями ВМФ НОАК рыболовецких шхун других стран, главным образом, Вьетнама и Филиппин, арестов экипажей и конфискации улова. Совокупность таких событий свидетельствовала, что в обозримой перспективе Южно-Китайское море будет оставаться приоритетным районом политики КНР на морских рубежах.

Во второй половине 1990-х гг. – начале XXI века описанная выше ситуация претерпела изменения.

Во-первых, США и Филиппины возобновили военные контакты после заключения Соглашения о визитах вооруженных сил (май 1999 г.), что придало динамизм маневрам ВМС США и их союзников в Южно-Китайском море. В частности, набрали размах американо-филиппинские учения Баликатан и Кобра Гоулд с участием ВМС США, Филиппин, Таиланда и Сингапура. А в первые месяцы пребывания у власти администрации Дж.Буша-мл., провозгласившей КНР «стратегическим конкурентом» США, активность американских боевых кораблей и авиации еще больше возросла. Она была связана с повышенным вниманием,

¹⁷ Закон Китайской Народной Республики о территориальном море и прилежащей зоне. 25. 02. 1992. // ИДВ РАН. Информационные материалы: Экспресс-информация. – М., 1994. – Вып. 5.

¹⁸ Подробнее см.: Chinese Base in Paracels Marked by Japanese. // International Herald Tribune. 5 August 1993.; You Ji. A Test Case for China's Defence and Foreign Policy // Contemporary Southeast Asia. – Singapore, 1995. – Vol. 16. – № 4.

¹⁹ Sheng Lijun. Beijing and the Spratlys. // Issues and Studies. – Taipei, 1995. – Vo. 31. – № 7. – P. 31.

проявляемым Пентагоном к состоянию и перспективам развития китайского подводного флота, способного составить угрозу традиционным морским вооружениям США – крупным надводным кораблям, включая авианосцы. Логичным следствием этого стали участвовавшие облеты воздушного пространства острова Хайнань самолетами ВВС США, во время одного из которых произошло столкновение американского разведчика EP-3 с перехватчиком ВВС НОАК (1 апреля 2001 г.).

Во-вторых, наблюдалась активизация японских сил самообороны после подписания Японией и США Совместной декларации в сфере безопасности (1996 г.) и Руководящих принципов сотрудничества в области обороны (1997 г.). Опираясь на американскую поддержку, Япония расширила спектр и масштабы военно-политического сотрудничества с АСЕАН, сделав акцент на борьбе с пиратством. В результате с лета 2000 г. по осень 2001 г. японские корабли береговой охраны совместно с ВМС Малайзии и Филиппин (при участии Индии) провели несколько многосторонних учений²⁰. А японские руководители и дипломаты прилагали немало усилий по расширению масштабов такого взаимодействия, предложив создать Региональный центр сил береговой охраны (1999 г.) и инициировав проведение конференций между представителями силовых структур стран Восточной Азии с целью конкретизации деталей совместных мероприятий²¹.

В-третьих, после кризиса 1997–1998 гг. Китай провел кардинальную модификацию своей политики в Южно-Китайском море. Акценты перераспределялись – если раньше Пекин позиционировал себя в качестве «региональной военно-морской сверхдержавы», то теперь, напротив, стремился не допустить «проецирования» политических противоречий, способных возникнуть вследствие активности ВМФ НОАК, на взаимодействие с АСЕАН. В результате КНР избрала стратегию «низкого профиля» – одновременно с расширением присутствия флота в районе спорных островов архипелага Спратли Китай активизировал контакты со странами ЮВА по линии военно-морского сотрудничества. В частности, стали регулярными обмены визитами боевых кораблей, семинары офицеров среднего и высшего звена, отработка совместных действий при ликвидации последствий стихийных бедствий и т.д. А на островах Парасельского архипелага акцент был сделан на развитии инфраструктуры не военного, а исключительно гражданского назначения.

²⁰ Japan's Efforts to Combat Piracy and Armed Robbery against Ships. Ministry of Foreign Affairs Japan. November 2001. // <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/relation/piracy.html>; Japan to Send Sub, Ship Rescue Drill in South China Sea. // Japan Policy and Politics. 11 September 2000. (Электронная версия)

²¹ Japan's Efforts to Combat Piracy and Armed Robbery against Ships. Ministry of Foreign Affairs Japan. November 2001. // <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/relation/piracy.html>; Dire Straits. Piracy and Maritime Terror in Southeast Asia. // IISS Strategic Comments. – Vol. 10. – Issue 6. – July 2004. (Электронная версия).

Наконец, после 11 сентября 2001 г. доминирующими тенденциями стали следующие.

Во-первых, США приступили к осуществлению комплекса мер, направленных на дальнейшее расширение своего присутствия в акватории, проливах и, что не менее важно, портах Южно-Китайского моря. Первым шагом стала инициатива по мониторингу грузов и обеспечению безопасности контейнерных перевозок (январь 2002 г.), декларируемая цель которой заключалась в предотвращении доставки в США потенциально опасных грузов, а фактическая – создание американским специалистами «режима наибольшего благоприятствования» при досмотре товаров, следующих из портов различных стран²². Тем самым США смогли «закрепиться» в наиболее крупных портах ЮВА и отслеживать масштабы и номенклатуру грузопотока. Вторым – мера по противодействию морской транспортировке оружия массового поражения (ОМП) и средств его доставки (май 2003 г.). Здесь речь шла о целесообразности координации усилий с целью не допустить попадания ОМП в руки террористов²³. Но внимательный анализ формулировок данного заявления подталкивает к выводу, что США и присоединившиеся к этой инициативе страны будут исключительно по собственному усмотрению проводить задержание, досмотр и конвоирование судов через международные воды. Наконец, третья мера являла собой предложение Индонезии, Малайзии и Сингапуру разместить американские корабли в водах Малаккского пролива, что, по словам адмирала Т.Фарго, позволит более эффективно бороться с пиратами²⁴.

Во-вторых, Япония, поддерживавшая антитеррористическую стратегию США, стала проводить еще более напористую политику. В частности, Токио включился в многосторонние учения по перехвату ОМП²⁵. Одновременно японские официальные лица заявляли о целесообразности создания режима многостороннего мониторинга Малаккского пролива с участием сил самообороны Японии²⁶. Совокупность этих событий свидетельствует, что в первые годы XXI века Япония стремится взять дополнительные обязательства по охране путей коммерческого судоходства.

²² US Customs Container Security Initiative Guards America, Global Commerce From Terrorist Threat. (Friday, November 01, 2002. // http://www.cbp.gov/xp/cgov/newsroom/press_releases/archives/legacy/2002/112002/11012002_4.xml; Ripples from 9/11: The US Container Security Initiative and Its Implications for Australia. Current Issues Brief № 27 2002–2003. // <http://www.aph.gov.au/library/Pubs/cib/2002-03/03cib27.pdf>

²³ The Proliferation Security Initiative. // <http://usinfo.state.gov/products/pubs/proliferation/>

²⁴ Crack US Troops May Be Used to Flush Out Terrorists in Key Southeast Asian Waterway. 5 April 2004. // http://www.channelnewsasia.com/stories/afp_asiapacific/view/78644/1/.html

²⁵ SDF Deploys Unit For Anti-WMD Proliferation Drill in South China Sea. Asian Political News. 22 August 2005. (Электронная версия).

²⁶ Koizumi Seeks Anti-Piracy Cooperation with Asian Nations. Asian Political News. 18 March 2005. (Электронная версия).

В-третьих, не снижает активности Китай. Его интересы концентрируются, главным образом, на обеспечении безопасности своего нефтеимпорта во время прохождения танкеров через воды Малаккского пролива, а также добыче нефти и газа. Также заметную роль играет и расширение присутствия китайского торгового флота, что объективно побуждает Пекин осуществлять его охрану.

В-четвертых, расширяет свое присутствие Индия, оптимизирующая военно-морское сотрудничество со странами ЮВА на двусторонней и многосторонней основах.

Наконец, в-пятых, регулярно проводятся маневры флотов стран-участниц Пятистороннего соглашения в области обороны (Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии и Сингапура), координаторы которых в последние годы прорабатывают возможности придать новый импульс учениям и расширить их географический ареал²⁷.

На фоне таких тенденций военно-морское присутствие РФ в Южно-Китайском море было ликвидировано после вывода контингента из базы Камрань (лето 2002 г.)²⁸.

Выводы и перспективы

Сказанное выше определяет объективно невысокий вклад России в предупреждение потенциальной угрозы терроризма в Южно-Китайском море. В настоящее время ВМФ РФ участвует в совместных мероприятиях лишь от случая к случаю. Наиболее заметными из них стали учения по перехвату ОМП у берегов Сингапура в августе 2005 г.²⁹

Как представляется, в обозримой перспективе такая ситуация не претерпит существенных изменений. Причин несколько.

Первая и, пожалуй, наиболее важная – отсутствие надлежащего финансирования ВМФ, нынешнее состояние которого эксперты оценивают как «удручающее»³⁰. А регулярные рейды боевых кораблей на большие расстояния требуют многомиллиардных затрат.

Вторая – у России нет военно-морских баз и пунктов стратегического назначения в Юго-Восточной Азии. Между тем осуществление регулярного патрулирования Южно-Китайского моря, по площади в полтора раза превышающего Средиземное, предполагает наличие не только мощного и мобильного флота, но и соответствующей инфраструкту-

²⁷ Australia may help patrol Malacca Strait. // The Age. 15 September 2005. (Электронная версия).

²⁸ Российские военнослужащие покинут Камрань до 1 июля. // Независимая газета. 18 апреля 2002. (Электронная версия).

²⁹ Ядерный контроль: информация. Выпуск №26, 2005. // <http://www.pircen-ter.org/data/publications/yki26-2005.html>

³⁰ См. например: Барабанов М. Куда идет российский флот. // Власть. № 7(760). 25.02.2008. (Электронная версия).

ры – ремонтно-сервисных центров, мест стоянок, дозаправки, отдыха экипажей и т.д.

Третья – односторонность российско-азиатских военных связей, для которых характерен перекосящий перекос в осуществление поставок техники и вооружений, оставляя практически без внимания иные сферы сотрудничества.

Наконец, четвертая причина заключается в том, что перспективные для АСЕАН ниши сотрудничества, к числу которых правомерно отнести и борьбу с угрозой международного терроризма на морских рубежах, уже давно заняты другими странами – КНР, США, Японией, Индией и Австралией. Контакты же с Россией рассматриваются Ассоциацией как некий «стратегический довесок» к отношениям с этими странами. Соответственно, у ассоциированных государств отсутствует серьезная мотивация к расширению взаимодействия с Россией, а недостаточная интенсивность сложившихся на сегодняшний день контактов в полной мере компенсирована за счет иных внешних партнерств.

Таким образом, несмотря на мажорную тональность заявлений официальных лиц и совместных деклараций России и АСЕАН, в настоящее время состояние их взаимодействия в предупреждении актов терроризма в Южно-Китайском море едва ли можно назвать динамичным и эффективным. А его оптимизация будет, по всей видимости, сопряжена с серьезными трудностями.

Эльдар КАСАЕВ

ИРАКСКИЙ ТЭК – «ОСТРОВOK НЕСТАБИЛЬНОСТИ» ДЛЯ РОССИЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ

Ни для кого не секрет, что сложившиеся вокруг Ирака в последние годы обстоятельства не позволили России завершить начатые там ранее совместные крупные бизнес-проекты. Однако в последнее время ситуация поменялась и настало время собирать камни. Совершенно очевидно, что возвращаться полномасштабно в Ирак пока не представляется возможным в силу общей ситуации в стране. В этой связи российской стороной было принято решение первый шаг начать с Курдистана.

В мае 2008 г. в Иракский Курдистан прибыла российская делегация во главе с президентом Торгово-промышленной палаты России академиком Е.М. Примаковым. В интервью местным журналистам он заявил, что Россия желает установить более тесные отношения с Ираком в целом и Курдским регионом, в частности. «Через 37 лет я вновь посетил Курдистан и надеюсь, что мы сумеем совместно организовать наше сотрудничество в различных областях», – отметил Е.М.Примаков¹.

Этим словам суждено было сбыться. Так, главами ТПП России и Ирака было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве. Подписанный сторонами документ касается инвестиций, торговли и вывоза прибыли.

Следует напомнить, что в конце марта 2008 г. российская делегация во главе со специальным представителем президента РФ по Ближнему Востоку, заместителем министра иностранных дел РФ А.В.Салтановым провела переговоры с президентом Ирака Джалялем Талабани. На прошедшей встрече стороны обсудили, пожалуй, ключевой вопрос в сегодняшних российско-иракских отношениях – есть ли шансы у отечественного нефтяного бизнеса снова начать осуществление «замороженных» инвестиционных проектов в Ираке.

¹ Цит. взята с интернет-сайта: www.kurdistan.ru

Борьба изо всех сил

Стоит заметить, что это первый случай, когда российское руководство на столь высоком уровне отстаивает интересы отечественных нефтяных компаний в Ираке. Достаточно сказать, что в марте 2008 г. премьер-министру Ирака было передано послание В.В.Путина, в котором он выразил надежду на то, что активный настрой российского бизнеса на развитие сотрудничества получит адекватную поддержку иракского руководства. В.В.Путин заверил иракское руководство в том, что российские компании готовы повышать свой вклад в восстановление и модернизацию экономической инфраструктуры Ирака, прежде всего в нефтегазовой отрасли. Среди перспективных направлений особо был выделен контракт на разработку второй очереди нефтяного месторождения Западная Курна, а также проект по реконструкции нефтепровода Киркук–Баниас. Каков же для нас итог?

Каких бы то ни было существенных для нас результатов в ходе мартовского визита в Ирак представителям делегации так и не удалось добиться. Единственным положительным достижением стало то, что президент российской нефтяной компании «Лукойл» В.Ю.Алекперов, проведя переговоры с президентом Ирака Джалялем Талабани, премьер-министром Нури Аль-Малики, министром иностранных дел Хошиаром Зибари, министром нефти Хусейном аш-Шахрестани, сумел все-таки договориться с руководством Ирака о создании рабочей группы для актуализации условий начала реализации проекта «Западная Курна-2» в соответствии с разрабатываемым «комплексным» нефтяным законодательством Ирака.

Кроме того, сторонами было принято совместное решение об участии дочерней компании «Лукойла» «Лукойл Оверсиз», занимающейся зарубежными проектами, в тендерах по новым месторождениям, которые будут объявлены правительством Ирака после принятия нового закона об углеводородах. Принятие указанного закона в Ираке неоднократно откладывалось, по последним данным, его должны вскоре принять.

В середине февраля 2008 г. глава иракского внешнеполитического ведомства побывал в Москве и обсудил там перспективы предоставления компании «Лукойл» каких-либо преференций в Ираке, в том числе по проекту «Западная Курна-2». Однако несмотря на то, что 11 февраля 2008 г. в рамках визита в Москву Х.Зибари между Россией и Ираком было подписано соглашение, в соответствии с которым российская сторона списала Ираку 93% государственного долга, составляющего 12,9 млрд. долларов, глава иракского МИД заявил, что на какие-то эксклюзивные контракты отечественному нефтяному бизнесу рассчитывать не приходится. Связано это с тем, что к тендерам в Ираке допущены компании еще из 44 стран. При этом, по словам Х.Зибари,

иракское правительство начнет проведение тендеров, не дожидаясь принятия законодательства, которое должно оформить правовой режим иностранных инвестиций в сфере нефтедобычи.

Многие нефтяные гиганты (в том числе «Лукойл») уже связывали надежды с новым иракским законом, который поощряет привлечение в экономику страны иностранных инвестиционных средств. Разработанный международными нефтяными компаниями, Международным валютным фондом, американским и британским правительствами документ позволяет иностранным компаниям проводить исследования месторождений, развивать нефтяную инфраструктуру, добывать и продавать иракскую нефть в соответствии с исключительными контрактами на период до 30 лет. Независимо от того, примет парламент данный закон или нет, глава нефтяного ведомства Ирака все же призвал иностранные компании вкладывать капитал на прежних условиях, чтобы ускорить процесс развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК). По словам Х. аш-Шахристани, для восстановления и последующего развития энергетического сектора экономики Ирака требуются инвестиции в размере, как минимум, 50 млрд. долларов в год.

О «Лукойле», «Западной Курне-2» и дальнейших перспективах

Деятельность «Лукойла» в Ираке имеет весьма длительную историю. В марте 1997 г. компания подписала контракт на осуществление второй очереди проекта по разработке месторождения «Западная Курна». Соглашение о разделе продукции (СРП) было заключено сроком на 23 года с возможностью пролонгации сроком на 5 лет. Партнерами «Лукойла», доля которого в проекте составляла 68,5%, были компании «Зарубежнефть» и «Машиноимпорт» (по 3,25%). Иракская сторона была представлена Министерством нефти в лице организации SOMO, которой принадлежат 25%.

По данным компании «Лукойл Оверсиз», доказанные запасы нефти на «Западной Курне» составляют 6 млрд. баррелей. Стоит отметить, что ранее «Лукойл» уже инвестировал в разработку данного месторождения около 4 млрд. долларов. Однако полному выполнению контракта воспрепятствовали санкции ООН в отношении Ирака при прежнем режиме, а затем военные действия со стороны США.

Не были реализованы и соглашения с отечественными компаниями «Зарубежнефть» и «Татнефть» на бурение, соответственно, 45 и 33 нефтяных скважин на территории Ирака.

Заметим, что еще до свержения режима Саддама Хусейна Ирак заявил о разрыве контракта на освоение месторождения «Западная Курна-2» с инвесторами проекта. Именно поэтому накануне визита в Ирак российской делегации эксперты заявляли о том, что России

будет невыгодно участвовать в иракских нефтяных проектах. С чем это связано?

Во-первых, скорее всего, иракская сторона изъявит желание в большей доле участвовать в этом проекте (около 33,3%). *Во-вторых*, по всей видимости, разрабатывать это месторождение будут три компании – «Лукойл», «СопосоPhilips» и одна из государственных корпораций Ирака. Предпосылки для этого есть. Так, в Ираке прошла конференция, организованная иракской Федерацией нефтяных союзов под девизом: «Нефтяное богатство принадлежит иракским людям». Собравшиеся за одним столом академики, общественные лидеры, активисты со всей страны пытались найти действенный механизм, который бы не позволил иностранным компаниям получить возможность управлять суверенными ресурсами Ирака.

Следует особо отметить, что суверенный контроль над нефтяными запасами и доходами остается в Ираке вопросом тщательного рассмотрения, многочисленных прений и большой уязвимости. Национализация нефтяных ресурсов завершилась в Ираке в 1975 г. Разработка, добыча и экспорт нефти впоследствии стали регулироваться организациями, которые стояли во главе государства, что позволило многим жителям Ирака найти место работы.

В-третьих, еще одним препятствием для активной инвестиционной деятельности российских компаний в Ираке является то, что там до сих пор отсутствует закон об иностранных инвестициях, хотя проект обсуждают уже более года. В иракском парламенте не могут решить, кому сейчас принадлежат иракские нефтяные месторождения.

Центральное место нефтяного сектора в экономике Ирака, неравномерное географическое расположение нефтяных ресурсов и наследие общинного фаворитизма (практиковалось при С.Хусейне) привело к существенной озабоченности среди населения Ирака вопросом, подчеркиваю, справедливого распределения нефтяных доходов в будущем. Эти опасения усилились в атмосфере этнического и экстремистского насилия, которые царили в Ираке с середины 2003 г.

Принципы и механизмы, посредством и при помощи которых должны собираться и распределяться нефтяные доходы, все еще остаются спорными. Тем не менее большинство зарубежных правоведов сходятся во мнении, что юридическая форма (то есть скорейшее принятие соответствующего законодательства. – Э.К.) справедливого распределения доходов решающе важна для экономического процветания и стабильности Ирака в будущем.

Последние обсуждения были сосредоточены на содержании законопроекта о распределении доходов, который должен быть рассмотрен и принят в качестве одной из составляющих «комплексного» нефтяного законодательства, о котором шла речь выше.

Говоря о последствиях войны, санкциях, неэффективном управлении нефтяной инфраструктурой государства с 1980 г., многие эксперты в области энергетики уверены, что Ираку потребуются значительные инвестиции, технологии и экспертные знания, дабы восстановить и, в конце концов, расширить свои возможности в вопросе добычи нефти в соответствии с текущими планами правительства.

Нефтяные доходы Ирака могут обеспечить существенную ресурсную базу для подобных инвестиций и для привлечения технологий и экспертных знаний. Однако в свете недавнего неудачного управления и распределения денежных средств, которые были заложены в бюджет для этих целей, можно подвергнуть сомнению способность иракского правительства эффективно направлять большое количество собственных ресурсов на восстановление нефтяного сектора.

В-четвертых, высокий уровень коррупции в Ираке представляет собой значительное препятствие для крупномасштабных инвестиций для отечественного нефтяного бизнеса на протяжении довольно длительного периода времени. Иракские чиновники незаконно обогатились за счет совершения сделок с зарубежными иностранными компаниями. Сами же иракские компании не обладают достаточно эффективным механизмом, позволяющим предотвратить утечку нефтяных доходов.

Многие эксперты критикуют администрацию Дж. Буша за то, что договоры о восстановлении Ирака, заключенные между американскими и иракскими компаниями, отразились на уровне коррупции. *Во-первых*, работающие на территории Ирака американские нефтяные компании близки республиканской партии США. *Во-вторых*, крупные нефтяные компании, обладающие солидным капиталом, поглощают более мелкие, но не менее значимые для экономики Ирака. Кроме того, большинство нефтяных компаний США превышали допустимый уровень затрат, присваивая сверхприбыль, которая относилась к договорам «cost – plus», в соответствии с которыми компаниям должны быть возмещены все издержки и дополнительная процентная стоимость, гарантированная в качестве прибыли.

Важно отметить, что в настоящее время участились случаи подкупа работниками одних компаний «нужных людей» конкурирующих компаний.

Таким образом, совершенно очевидно, что доступ к иракской нефти российских компаний считается политическим вопросом и лежит на совести руководителей тех стран, бизнес-круги которых претендуют на разработку иракских углеводородных ресурсов. Однако несмотря на то, что политическая ситуация в Ираке, сложившаяся в стране после прихода к власти проамериканского правительства, ставила под сомнение возвращение в Ирак российских компаний, в Москве продолжают надеяться на то, что «Лукойл» все же добьется права на заверше-

ние проекта «Западная Курна-2». К этому остается добавить, что бороться за тендер на разработку данного месторождения российскому нефтяному гиганту придется теперь уже на общих основаниях, в окружении многочисленных конкурентов.

Прежде всего, на иракский нефтяной рынок активно врутся так называемые «восточные» компании, которые руководствуются, в первую очередь, не экономическими соображениями или мнением акционеров, а интересами стратегической целесообразности. Корейские, индийские и китайские компании готовы рисковать и инвестировать солидные денежные средства в восстановление ключевого сектора иракской экономики.

Наши перспективы в решении этого вопроса, надо признать, отнюдь не радужные. На последнее списание 90% долга власти Ирака обещали Кремлю не возобновлять договоренности саддамовской эпохи (между прочим, незадолго до начала вторжения диктатором аннулированные), а лишь, подчеркиваю, уделить внимание возможным российским предложениям. К Китаю, оказавшемуся в схожей ситуации, иракцы отнеслись куда внимательнее, хотя долгов он им простил меньше. В июне 2007 г. министр нефти Ирака Х. аш-Шахристани заявил, что подписанное в 1997 г. между правительством С.Хусейна и Китайской национальной нефтяной компанией соглашение о развитии месторождения Аль-Ахдаб в производящей провинции Васит «является действующим» и нынешнее правительство «будет его выполнять», принимая во внимание в процессе обсуждения нерешенные технические вопросы.

Достижения «восточных» компаний могут быть использованы их западными конкурентами, если, скажем, по настоянию Багдада в разработку месторождений будут включаться американские и британские нефтяники. Например, известно, что в партнёры к «Лукойлу» в Ираке активно просится «ConocoPhilips».

Говоря о зарубежных компаниях, работающих в Ираке, следует особо выделить «Halliburton» и «Bechtel». Первая из этих компаний появилась в Ираке еще в 2003 году, с началом военных действий, а вторая – возобновила свою работу в стране в тот же период, когда вошла в планы США по возрождению иракской экономики. Принимая во внимание, что глава «Bechtel» является членом Экспортного совета при президенте США, становится понятным, что основным конкурентным преимуществом этой компании на иракском рынке перед российскими является возможность применения административного ресурса.

Пока риски, связанные с инвестициями в установленные нефтяные месторождения, сравнительно низки. Более высокие риски могут быть в отношении будущих потенциальных инвестиций в открытые, но не разработанные или исследованные блоки. Следовательно, иностранные инвесторы стараются оговорить в соглашениях условия, обеспечивающие соответствующий возврат и компенсацию.

По мнению аналитиков, беспокойство по поводу коррупции и неопределенность в процессах заключения и регулирования соглашений могут отпугнуть внешние инвестиции на длительный срок, особенно если полномочия по принятию решений будут переданы региональным властям и властям производящих провинций Ирака.

Тем не менее некоторые крупные мировые компании выразили свою заинтересованность в возможности инвестирования в нефтяной и газовый сектор страны. Например, компания «Shell». По имеющимся данным, в мае 2007 г. в Омане состоялась встреча ее официальных представителей и иракского правительства по вопросам значительных инвестиций в газовый сектор Ирака.

Иностранные инвестиции и технологии могут быть необходимы в свете грандиозных планов иракского правительства по развитию добычи нефти и газа. Тем не менее основания и условия российского участия до сих пор остаются достаточно спорными, когда заинтересованные иракские группы занимают позицию несогласия.

Иностранные инвестиции глазами иракцев

Курды. Стоит особо подчеркнуть, что представители курдского населения Ирака выступают за самостоятельность в решении нефтяных вопросов на своей территории. Рабочая Партия Курдистана с 2003 г. самостоятельно подписала ряд соглашений о распределении добычи нефти. По новому законопроекту об углеводородах, перед рассмотрением в Совете Представителей Ирака, эти существующие соглашения будут пересмотрены Группой независимых экспертов Федерального Совета по нефти и газу (ФСНГ). Региональные власти сохраняют за собой право выдавать лицензию на последующее иностранное участие (к примеру, российское) в нефтяном и газовом развитии своего региона, в соответствии с условиями законопроекта, конституции Ирака и заключения ФСНГ. РПК выступает за создание механизма автоматизированного распределения доходов, основанного на принципе *per capita* («на душу населения»), дабы предотвратить вмешательство на уровне федерального правительства, что может лимитировать отчисления в курдский регион.

Курды, действуя через легальные процедуры и народные движения, стараются всеми силами получить политический контроль над Киркуком, находящимся на территории огромного месторождения в северной производящей провинции Аль Тамим, где проживают представители различных этнических и религиозных конфессий. Курдское население поддержало включение в конституцию пункта, требующего поставить на голосование вопрос о возможности формального присоединения Киркука к региону, которым управляют курды. В своем докладе «Группа по изучению Ирака» заявила, что данный референдум необходимо отложить (рекомендация 30).

Сунниты. В некоторых случаях партии суннитов приняли жесткую позицию относительно предотвращения обширной разработки иракских нефтяных ресурсов международными компаниями и другими третьими сторонами. Связано это, прежде всего, с тем, что в областях проживания арабов-суннитов, которые занимают меньшую часть государства, находятся немногочисленные доказанные залежи сырой нефти и природного газа. Хотя мнения геологов по вопросу, можно ли найти существенные залежи нефти в западной производящей провинции Аль Анбар, различны, но две суннитские группы («Ассоциация иракских ученых-исламистов» и «Объединенный иракский фронт») раскритиковали проект нефтяного закона, находящегося на обсуждении в парламенте страны. Переговорщики со стороны суннитов возражали против определенных пунктов в конституции Ирака, так как они наделяли регионы правом участия в добыче нефти и распределении доходов.

Шииты. Основные партии, стоящие во главе правящего шиитского религиозного блока «Объединенный иракский альянс» (ОИА) – «Ад-Дава» («Призыв») и Верховный Совет по Исламской революции в Ираке (ВСИРИ), – поддержали принятие «комплексного» нефтяного законодательства как способ возрождения иракского нефтяного сектора и увеличения уровня государственных доходов.

На сегодняшний день министерства, возглавляемые членами этих партий, столкнулись с критикой в свой адрес по поводу коррупции в нефтяном секторе и неэффективного управления доходами от экспорта нефти. По мнению ряда экономистов-аналитиков, разногласия внутри ОИА по вопросам принципов «экономического федерализма» могли стать предпосылками для будущих решений в нефтяном секторе.

Тем не менее, по имеющимся на сегодняшний день сообщениям, и «Ад-Дава», и ВСИРИ поддерживают идею централизации власти в федеральных органах, занимающихся принятием решений, и создания сильной Иракской национальной нефтяной компании.

Вместо заключения

В целом представляется, что в геополитическом измерении экономическое будущее Ирака выглядит малопривлекательным для российского нефтяного бизнеса. Связано это со сложившимися на сегодняшний день многочисленными политическими, экономическими и правовыми рисками.

Первое. В стране слишком тесно переплетены интересы антагонистически настроенных международных и региональных сил. По мнению экспертов, ни одна из внешних сторон не сможет единолично утвердиться в Ираке и вытеснить оттуда своих противников.

Второе. Ирак *de-facto* раскалывается. Попытки достижения национального согласия в иракском обществе серьезно «пробуксовывают».

Рассматривая обстановку с этой точки зрения, военно-политические риски будут оставаться в обозримой перспективе чрезвычайно высокими. Вкупе с непростым развитием региональной ситуации они будут оказывать определяющее влияние на развитие обстановки внутри и вокруг Ирака. Единственным возможным выходом из затянувшегося кризиса, по мнению все большего числа наблюдателей, является приход к власти «сильного, жесткого, но справедливого лидера», который, действуя в «разумных рамках», восстановил бы единство страны. Однако даже признаки возможности развития этого сценария пока не просматриваются.

Третье. В среднесрочной перспективе хозяйственные риски, даже несмотря на относительно неплохие отчеты правительства Ирака о достижениях в фискальной и финансовой сферах, подвержены значительному влиянию политических факторов. Представляется, что для отечественных инвесторов главным ориентиром улучшения экономической ситуации в стране должны быть планы правительства Ирака по запуску масштабной инвестиционной программы по восстановлению хозяйства. Пока эти планы в силу крайне сложной военно-политической ситуации и наличия высоких рисков в сфере безопасности отложены.

Четвертое. На территории Иракского Курдистана в ближне- и среднесрочной перспективе планирует начать свою деятельность большое количество крупных зарубежных компаний из разных стран. В этой связи для нашего государства особенно важно заручиться поддержкой курдов, так как в этом случае российские «игроки» могут рассчитывать на какие-либо уступки и преференции со стороны местной власти. Это, несомненно, был бы весомый козырь в нашей колоде.

Таким образом, в целом инвестиционный климат в Ираке характеризуется как крайне неблагоприятный. Общая ситуация в стране отличается высоким уровнем непредсказуемости в краткосрочной перспективе. Определяющее влияние на дальнейшее развитие обстановки будут оказывать факторы, связанные с борьбой иностранных держав за сферы влияния, и военно-политические обстоятельства, имеющие отношение к внутрииракским процессам, которые пока ведут к расколу и фрагментации иракского общества на разрозненные группировки, действующие на основе узких этнических и конфессиональных интересов.

В условиях политико-правового вакуума экономика Ирака полностью оказалась заложником гражданской междоусобицы. Хотя этому пребывающему длительное время в перманентном кризисе ближневосточному нефтяному Эльдorado, за «черным золотом» которого охотятся энергетические «тяжеловесы» из разных государств, вряд ли могут угрожать какие-либо новые потрясения. Ведь еще до американо-британской оккупации экономика Ирака испытывала огромные сложности в связи с продолжительными жесткими санкционными мерами.

Елена КОМЛЕВА

ЭНЕРГИЯ АРКТИКИ: ПАРТНЕРСТВО РОССИИ, ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЫ

В ракурсе российско-германского сотрудничества рассматривается ядерно-нефтегазовая ситуация Севера Европы и современный, в общечеловеческом и региональных смыслах, образ SAMPO: Special Anthropic Mission – the Power/Prometheus Obedience (специальная антропная миссия – энергетическое/прометеевское служение).

Освоение Арктики в настоящее время совпало с тенденцией движения мировой экономики к системному кризису, обусловленному во многом, как считает президент Д.Медведев (XII Петербургский международный экономический форум), «экономическим эгоизмом» и «экономическим национализмом», прежде всего – США. Позже речь Д.Медведева на форуме в развитие аналогии со знаковым выступлением президента В.Путина была названа «экономическим Мюнхеном».

Можно только догадываться о тех геополитических подвижках, которые будут сопровождать изменения в сфере экономики, технологий и энергетики. Нефтегазовые основы благополучия некоторых стран, регионов и промышленных компаний узкой специализации могут исчезнуть. Нужна страховка.

Энергетические интересы Германии и многих стран «старого света» на европейском Севере России сосредоточены вокруг газа Штокмана и долговременных хранилищ ядерных материалов. В перспективе ядерное хранение трансформируется в захоронение. Германия является удобным партнером в Арктике, не претендуя там на свой сектор. Предполагается построить трубопроводы «Газпрома» «Баренцево море – Выборг» и «Nord Stream».

Ныне формируются новые принципы и документы относительно взаимоотношений Европейского Союза и России. В том числе – в сфере энергетики. Россия объясняет отказ ратифицировать Энергетическую хартию ЕС потерями в нефтегазовом секторе и слабым представитель-

ством на европейском рынке ядерного топлива. Тогда как в мире очевидны признаки ядерного «ренессанса» для энергетического обеспечения вариантов сглаживания последствий мирового экономического кризиса. Достаточно вспомнить о коллективных призывах министров энергетики стран «восьмерки» (2006–2008 гг.) о быстром развитии «мирного атома». Возможно, ориентиром станут достижения Франции в этой сфере.

Германия осторожна в собственных ядерных планах. Но она не может не учитывать в своей энергетической политике иные сильные тенденции. Нужно уважать ее решения по частным ядерным вопросам. Но нет неизменной политики. И Германии не избежать оценки вызовов и перспектив в ядерной сфере, которые реальны сейчас и пролонгированы в будущее. Окончательное решение судьбы ядерных отходов (их «вечная» изоляция), позиция страны в беспокойном ядерном мире, термоядерная энергетика – вот главные из таких «обязательных» и очевидных забот. Германия – основной потребитель и будущий распределитель в Европе российского газа. Что важно в связи с закрытием в стране АЭС и угольных шахт, «энергетическим национализмом» в ЕС.

Ядерная энергия в Баренцевом регионе может влиять на добычу и транспортировку газа. Но и наличие газа будет влиять на ядерную ситуацию. Нужны ли «Газпрому» и Германии ядерные соседи? Максимально дистанцироваться от них или их контролировать, да еще с выгодой? «Газпрому», которому уготована внешняя политико-экономическая функция, энергетическая диверсификация и на 49% принадлежит Атомстройэкспорт. Учтены ли «Газпромом» ядерные факторы: наличие ядерного оружия и радиоактивных отходов, транспортировка отработавшего топлива Северного флота и Кольской АЭС по морю и железной дороге; интерес определенных сил к злонамеренным трансграничным перемещениям радиоактивности? Газ – хороший носитель примесей. А несанкционированные врезки в трубопроводы на постсоветском пространстве ныне – плевое дело. С другой стороны, – ядерная генерация энергии помогает осваивать Север и ресурсы газа. Правда, применимость ядерной энергии все больше определяется степенью решения проблемы ядерных отходов. Каковы должны быть социально-политические условия в регионе? Размещение инфраструктуры? И только ли газовой?

Благоустроенная Финляндия мечтает о подаче норвежского и российского газа через ее территорию. А не менее благополучная Норвегия предполагает для своего заполярного газа строить магистраль в Великобританию, но готова использовать и российскую «трубу», чтобы часть российского газа, предназначенная для сжижения на гипотетическом заводе «Газпрома», поступала на завод в Хаммерфесте. Не накладно ли для восточной Арктики создавать два газопровода

и два завода по сжижению газа? При объединении усилий, например с французской Total и новой норвежской компанией, «Газпром» остается в благоприятном политическом поле континентальной Европы, получит шанс создания новых энергетических «коридоров». И сразу же – доступ к недостающим технологиям, финансам и производственным мощностям, а также к западному рынку и стабильно высоким ценам на газ. В Германию через Норвегию, Швецию либо Финляндию и Ботнический залив – ближе, нежели через Выборг. И безопасней, учитывая историю дна Балтики, интенсивность хозяйственной деятельности на ней и терроризм в России. В конце прошлого века и на картах «Газпрома» был обозначен маршрут газопровода через Финляндию, Швецию и Данию.

Немцы до подачи газа предусматривают потенциальные угрозы. Контекст радиологического оружия зафиксирован уже в названии российско-германского соглашения 2003 г.: «Об оказании содействия в ликвидации сокращаемого Российской Федерацией ядерного оружия путем утилизации АПЛ, выведенных из состава ВМФ России, в рамках договоренностей о глобальном партнерстве против распространения оружия и *материалов массового уничтожения*» (курсив мой. – Е.К.).

Определенные силы дискредитируют безопасность, надежность в долгосрочном партнерстве и прозрачность технологий и бизнеса применительно к российским энергетическим объектам. Они подталкивают ЕС и НАТО к «охране» энергетической инфраструктуры на территории России и вмешательству в ее деятельность.

Может быть, в связи с этим стоит обдумать гипотезу функционирования международного ядерного хранилища на приграничной территории северо-западной России, с участием многопрофильного и устремленного в интернациональное и застрахованное будущее «Газпрома», при использовании морских коммуникаций и портов Киркенес, Линахамари, Печенга или Кеми?

Финляндия, кстати, как вариант, ищет около Кеми северную площадку для новой АЭС. Или гипотезу хранилища на специально «обобществленной» из небольших, чисто символических вкладов соседних стран, территории? Не надо будет далеко «ходить», «охраняя». Равно как и гипотезу существования одного, «серединного» магистрального газопровода на территории Норвегии, Финляндии и/или Швеции? Или в акватории Скандинавии? Дабы ядерные и газовые объекты не мешали друг другу. А у Европы и России были бы альтернативы, к которым они стремятся. И доказать в дискуссиях преимущества или недостатки этих вариантов в контексте возникших опасений.

Если преимущества будут неоспоримы, то, как минимум, для очень важного региона – Севера Европы – энергетическая безопасность на базе ядерно-нефтегазового партнерства, расширения спектра услуг и

увеличения объема «портфеля заказов» получит автоматически еще и предпосылки реализации. А Россия, предоставив Европе шанс надежно изолировать ненужные ядерные материалы, получит также дополнительные аргументы в своем устремлении к различным сферам европейского рынка, в частности, – свежего ядерного топлива, строительства и демонтажа АЭС.

Приобщение «Газпрома» к решению глобальной проблемы изоляции, как минимум, европейских ядерных отходов может в будущем послужить хорошим демпфером в случае возможных претензий Европы к России из-за стратегических просчетов и объективного ухудшения обеспеченности газом долгосрочных поставок.

Гипотезам содействует ряд факторов:

- необходимость компромиссов в экономической и политической борьбе за влияние в Арктике и владение не согласованными пока участками шельфа, стремление Европы и России к новым энергетическим проектам, активность Запада на ядерных объектах Мурмана;

- схожесть энергетических интересов России и Норвегии в условиях давления ЕС, газовая инфраструктура Норвегии, озвученная Польшей идея газопровода из Скандинавии через Балтику. А также опыт Норвегии и России совместного освоения Баренцева моря и Шпицбергена, их готовность пользоваться российской магистральной «трубой», объединить сопряженные части норвежской провинции Финнмарк и Печенгского района в международную Поморскую свободную экономическую зону;

- инициированные Финляндией Программа ЕС «Северное измерение» и Проект развития логистики «Баренцев транспортный коридор», концепция «Мурманский транспортный узел», европейские инициативы совместной подземной изоляции ядерных материалов (например, ARIUS).

В повестке Санкт-Петербургского экономического форума в 2007 г. заметное место занимало региональное интеграционное объединение стран. На форуме в «стартовой группе» участников дискуссии о роли государства и регионального сотрудничества для успешного развития в условиях глобализации выделялись и задавали тон президенты В.Путин и Н.Назарбаев, премьер-министр Й.Столтенберг и философ-политолог Ф. Фукуяма. Региональный аспект в контексте «экономического эгоизма и национализма» присутствовал и в дискуссиях форума в Санкт-Петербурге, инициированных президентом Д.Медведевым.

Не первый год, на фоне глобализации, говорят о потенциальной региональной коалиции «Северо-Балтийская Европа». При лидерстве в ней Германии.

Необходимо отметить, что совместное рассмотрение ядерной и нефтегазовой ситуаций для Севера не принято. Например, много сделал для сбора, анализа и распространения информации по каждой энерге-

тической отрасли отдельно, «Bellona» даже в докладе 2007 г. по нефти и газу ядерное соседство и партнерство игнорирует. Однако в том же документе, в некоторых сценариях возможного арктического будущего, для Северной Норвегии, например, не просматриваются благоприятные перспективы, если развитие региона связывать только с нефтью, газом и рыбой. Эта организация критикует, во многом справедливо, недостатки ядерной и нефтегазовой отраслей порознь. И в идеале она хотела бы вообще обойтись без каждой из них.

Доклад-2007: «Беллона» против какой-либо нефтегазовой деятельности в Арктике». «Приехали!» Но как при этом жить?

Предпосылками использования ядерных материалов на Севере Европы, не мешающего поставкам газа, интересы Германии и России не ограничены. Судьба ядерных материалов разной «национальности» в перспективе сама по себе важна.

Философ и политолог И.Валлерстайн (2006 г.) весьма пессимистичен в прогнозах на два последующие десятилетия. По его мнению, упадок американского могущества и конкурирующие интересы множества центров власти практически гарантируют полный распад механизма нераспространения ядерного оружия.

В планах – крупные международные ядерные хранилища на сотни и тысячи лет. Изоляция ядерных материалов – приоритет проблемы нераспространения. Именно в хранилищах сосредоточено сырье для классического и радиологического ядерного оружия военного или террористического назначения. Стоимость «вечного» подземного хранилища Yucca Mountain – 60 миллиардов долларов. Для сравнения: сейчас совокупные затраты на освоение Штокмановского месторождения оценивают в 40 миллиардов долларов. Создание в России на западные инвестиции таких «гигантов» обсуждалось в Москве на международных конференциях МАГАТЭ «Обращение с облученным ядерным топливом: новые инициативы России – 2002» и «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения – 2005». А также в ходе визитов в Россию генерального директора МАГАТЭ (2005 г.) и президента США (2006 г.).

При обилии сейчас у России собственных денег из-за рубежа по-прежнему массированно финансируются российские ядерно-экологические проекты и объекты. В Мурман вкладывают деньги ЕС, а также отдельно – Норвегия, Германия, Великобритания, Швеция, Франция, США. Осталось Японии присоединиться. Тем более, что она уже допущена в России к начальным стадиям ядерного топливного цикла.

На проходившей в Брюсселе апрельской (2008 г.) Европейской ядерной ассамблее управляющий директор Центральной организации по радиоактивным отходам Нидерландов Х.Кодее заявил о необходимости многонационального подхода к обращению с радиоактивными

отходами. Подхода, при котором страны конкурировали бы за строительство общеевропейского глубокого геологического хранилища на своей территории. Х.Кодее считает, что раз другие направления ядерной энергетики, такие, как обогащение урана и электроснабжение, осуществляются на международной основе, нет никаких причин против организации аналогичным образом и обращения с радиоактивными отходами. По его словам, вопрос создания международного хранилища заслуживает изучения, и Международное агентство по атомной энергии уже предприняло ряд шагов в этом направлении.

Глава МАГАТЭ уже несколько лет выступает за изучение многонациональных подходов к обращению с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами. В 2005 году Х.Кодее заявлял журналистам, что Европе следовало бы построить два-три общеевропейских глубоких геологических хранилища, вместо того чтобы проводить «абсурдную» идею создания отдельных хранилищ в каждой стране (Бюллетень Центра общественной информации РНЦ «Курчатовский институт», апрель 2008 г.).

Естественно-научные, технические и гуманитарные исследования приводят к гипотезе о проекте SAMPO: Scandinavian (Slavic, Social) Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation's Oikumene. К гипотезе международного подземного ядерного хранилища «в ближней зоне» Норвегии, Финляндии и Швеции, на территории Печенгского района Мурманской области, вблизи Трифонов-Печенгского монастыря и Храма святых Бориса и Глеба, в зоне угасающего хозяйственно-административного влияния «Норильского никеля» и Кольской сверхглубокой скважины (СГС), вне нефтегазовой инфраструктуры.

Концепция SAMPO адекватна идеям, заявленным в названиях упомянутых ранее московских конференций. Предложениям России о международной системе ядерных центров по всему топливному циклу. Озвученной В.Путиным в послании–2007 Федеральному собранию идее создать специальную корпорацию, в том числе – для внешнего ядерного рынка. И подготовке правовой базы по импорту ядерных материалов, а также политической готовности создавать в стране крупные международные хранилища отработавшего ядерного топлива. Действиям, коррелирующим с аналогичными зарубежными шагами.

Название SAMPO задает вектор философско-политического обобщения. Через противоположный термин Proliferation и образ территориальной локализации Oikumene обозначен ключевой термин ядерной современности Nonproliferation в контексте полного спектра опасностей (классическое ядерное оружие и «грязная бомба») и широкой номенклатуры сырья для таких «изделий». И принцип концентрирования основы всех опасностей – ядерных материалов – в пределах надежной, контролируемой и охраняемой международными усилиями «резервации». Принцип «зарегулированного распространения»

этих материалов от различных, военных и гражданских, мест их возникновения на «вечный или долговременный покой».

Много ядерных хранилищ и «хранилищ» – это распространение. Если их можно на пальцах сосчитать – это ближе к нераспространению. Концепция SAMPO означает полноту, законченность и связь с глобальным явлением. Эта концепция требует рефлексии различных граней ядерного человечества, предоставляет площадку для дискуссий и решений. На максимальном удалении, территориально и ментально, от наиболее тревожной ныне идеологии радикального исламизма. Это вклад устойчивых в социальном и природном смыслах Скандинавии и Севера России в будущее «разогретой» климатическими, энерго-технологическими, демографическими и другими изменениями Центральной Европы, постепенно превращающейся в Евразию.

Российский Север возрождается. Это отмечают многие. Но лишь единицы, как, например, известный писатель и публицист А. Проханов, отмечают односторонность этого процесса. «Экспансию ведут крупные государственные и частные корпорации. Миллиардные вложения. Смелые проекты. Уникальные технологии. Но нет того, что именуется «гуманитарной составляющей».

Там еще нет писателя, который бы изумился зрелищами новых заводов, кораблей, буровых установок, обнаружил бы среди них своих новых героев. Нет художника, чья кисть восхитилась бы, нанося на холст спектральные всплески, помещая среди девственной белизны фантастические сооружения. Нет философа, который бы сформулировал «северное мирознание» русских, объяснил XXI век, как эру «русской альтернативы», заблудившейся в тупиках мировой истории, в которой Россия обрела свой северный вектор, строит державу Полярной Звезды – Вифлеемской звезды русского возрождения.

Только художник, писатель, философ вместе смогут объяснить усилия корпораций, как «Общее Дело» Страны. Сделать соучастником «северного марша» каждого русского, истосковавшегося по Большой Работе, по Большому Проекту, по Большой Идее» («Северный марш» России).

В начале 2006 г. другой известный литератор, С. Переслегин с позиции «трех гео» (геополитика, геоэкономика, геокультура) на заседании экспертного клуба Минпромэнерго РФ обосновал для отечественной и мировой экономики перспективу: «Энергодефицит не за горами». И показал важность обращения при разработке стратегий реального сектора к цивилизационным и межотраслевым тенденциям, а также к нематериальным факторам.

Концепция SAMPO несет позитивный потенциал религиозно-мифологических и духовно-гуманитарных ассоциаций. Это потенциал некоей тайны, думая над которой, как и при философско-политической рефлексии, человечество умнеет.

Приведу примеры.

По полярным территориям Швеции, Финляндии, Норвегии и западной России рассеян маленький и изначально единый народ – саамы (лопари). Ему обязан своим названием минерал лопарит – лучшая кольская «копилка» редких земель, титана, ниобия, тантала и тория. Это базовые элементы настоящей и будущей энергетики по схеме деления ядер. Наилучший в регионе природный поглотитель нейтронов и изолятор ядерного топлива – минерал эвдиалит (местное название «лопарская кровь»). В ареале древней культуры саамов, уже как бы приобщенных к ядерным избранным, и будет, возможно, создано международное ядерное хранилище «Печенга». Их традиционное знание, отношение к жизни и природе неплохо было бы при этом позаимствовать.

Карело-финская «Калевала», с ее «откуда что пошло», чтит Солнце и нечто чудодейственное, жизнеутверждающее, дающее пищу и энергию – Сампо. Сампо, которое было задумано, выковано и укоренено в горе «страны мрака» – Лапландии (Похъёле – Петсамо – Печенге?!). Сампо, которое «мелет меру», поместили «в утес из меди, что за девятью замками». Которое создавалось при мобилизации всех земных и небесных сил. Через потенциально опасные, хотя и внешне привлекательные «инженерные ошибки» «векового кователя» Ильмаринена, выковавшего само небо «раньше всякого начала». Сампо, которое так и не было осмыслено людьми полностью, хотя и превращено ими в символ благополучия. По мысли создателей «Калевалы», неизвестно и неважно конкретное его исполнение. Главное – оно красиво («крышка пестрая прекрасна» – бесхитростный, но мудрый рефрен), полезно и энергично. А «известно», что питали его земля, море и медный утес. И концовка у мифа о Сампо поучительная: «не тяните одеяло на себя» – разобьете благополучие вдребезги.

Спасение сказочного героя З.Топелиуса, смелого и любознательного Сампо-Лопаренка, с удачным по плану будущим, который очень хотел, чтобы Солнце было (даже если и не будет лета со злыми комарами), и вступился за правду о Солнце, как «известно», было результатом возвращения Солнца на небосклон и христианского обряда крещения. Спасение в темную-темную полярную зиму от многочисленных и могущественных поклонников вечной тьмы и вечного холода, многие из которых неосознанно все же радовались Солнцу, когда оно, помимо их воли, всходило. Не так же ли будут рады ядерной энергии многие из ее нынешних хулителей, когда традиционные виды энергии уже не смогут обеспечивать растущие потребности людей, а биотопливо, изменение климата и рост потребностей спровоцируют продовольственный кризис? Сампо-Лопаренка, который уже только благодаря имени своему был обречен на счастье и удачу.

В другое время сказано по-другому: «Как вы яхту назовете – так она и поплывет».

Метафизика и мистика имен и названий...

Образ Хозяйки Медной горы из уральских сказов П.Бажова через ассоциации с «ядерно-медно-никелевыми» Уралом и Красноярским краем сопрягается с гипотетическим подземным хранилищем ядерных материалов Печенги. Не чужая Хозяйка финнам, карелам и саамам. Они из уральских народов произошли. В «судьбе» Хозяйки есть и петербургские мотивы. В императорском дворце Танюшка из «Малахитовой шкатулки» превратилась во «вторую Хозяйку». Может быть, ныне в губернаторе Петербурга мы наблюдаем новое воплощение Хозяйки? В том числе для того, чтобы петербургские ядерные отходы надежно изолировать в печенгском «утесе».

ЛАЭС-2 задумали строить, а куда деть отходы ЛАЭС-1 – не знаем.

У Хозяйки своя «ниша» в духовном мире людей. Но этот образ мотивирует и параллели осмысления феномена ядерной энергии с позиций религии. Возможно, удастся прикоснуться к высочайшему духовному потенциалу фундаментальных символов христианства. Например, камня и ключа – св. апостол Петр, а также пещеры.

Св. апостол Петр изначально был рыбаком. С другой стороны, Петр – камень преткновения для сил зла. Не может бывший рыбак, вобравший с христианством силу земной тверди, не заботиться о безопасности Мурмана, Скандинавии и всего мира. «Печенгская пустынь» может стать аналогом религиозно-ядерных Сарова и Сергиева Посада. Но уже на новых основаниях духовного и гуманитарного опыта. На принципах международного сотрудничества, а не конфронтации.

Даже названия этих мест по первым своим буквам группируются в определенной последовательности (на схеме: слева – исключительно религиозный контекст, справа – с дополнением футурологических мотивов относительно перспектив ядерно-религиозно-мистического Санкт-Петербурга):

Саров Саров Печенга

|||

Сергиев Посад Сергиев Посад

|\|

Печенга Санкт-Петербург

/ ? \

Припять или Печенга

Повторяющееся таинственное объединение в триады родственных явлений, прочно укорененное в различных светских и религиозных субкультурах, налицо и здесь.

И еще. На ПО «Маяк», вблизи евроазиатского и приграничного Челябинска, в «одной корзине», по принципам полувековой давности, которые исчезли из жизни общества, размещать один из будущих

источников энергии и сырья для высоких технологий – ядерные материалы – можно. Можно и свозить туда высокоактивные отходы со всей страны, а также отработавшее топливо. Или планировать создание международного хранилища отработавшего топлива вблизи азиатского Красноярска с потенцией его захоронения там. При мрачных прогнозах о китайском или мусульманском будущем Сибири.

Вспомним тревожную ситуацию после неожиданного развала СССР, когда (хотя и на короткое время) обладателями советского ядерного оружия стали, не имея должного «фундамента», сразу несколько новых независимых государств.

А в противоположной по многим параметрам, более спокойной и безопасной ситуации почти западноевропейской площадки «Печенга» – хранить их нельзя? Вне центров по переработке отработавшего топлива – источников экологических неприятностей и риска распространения материалов для классического ядерного и радиологического оружия, с учетом уже выявленных новых геополитических, научно-технических и экологических достоинств и недостатков, а также культурных традиций разных регионов.

Эта площадка – идеальный вариант международного «инкубатора» для отложенного минимум на 50 лет решения о судьбе ядерных материалов. Чтобы не было соблазна запустить их в дело быстро, «здесь и сейчас», до разработки надежных и безопасных схем и технологий рециклинга этих материалов.

Германия склонна реконструировать свою стратегию изоляции ядерных отходов. Пропагандируется переход от трех эксплуатировавшихся к новому, единому и более безопасному хранилищу. Место для него пока не известно. Такая ориентация мотивирована наличием высокоактивных и долгоживущих отходов, а также не подлежащего переработке отработавшего топлива. Пример – предложения правительственной рабочей группы по исследованиям проблемы выбора места захоронения (Arbeitskreis Auswahlverfahren Endlagerstandorte, 2002 г.).

Может быть, германские отходы «ждет» хранилище в Печенге? Чем не версия «германского нераспространения», учитывая международные тенденции и отношения между Россией и Германией в энергетической сфере? Реакторы бывшей ГДР предопределили не только «срединный газовый путь» Германии. Они делают ее посредником в ядерных делах между Россией и Западом, дают Германии право начать проработку гипотезы SAMPO совместно с Россией, США, бывшими социалистическими странами, Украиной, странами Балтии, Белоруссией, Финляндией, Норвегией и Швецией.

В 2006 г. из Германии в Россию были доставлены для утилизации радиоактивные отходы и уран исследовательских реакторов ГДР. Оплатили расходы США. Не протестовали «зеленые». Начало особых отношений Германии, России и США в сфере отработавших ядерных

материалов и их нераспространения положено. Кроме того, Urenco Deutschland GmbH отправляет в Россию урановые «хвосты». SAMPO – следующий шаг.

Близок вывод из эксплуатации восточных АЭС Германии. Лавинообразно и синхронно с аналогичной фазой для АЭС советского и западного генезиса в других частях Европы. Где будут «преданы земле» останки? В центре Европы с высокой плотностью населения и инфраструктуры это затруднительно. А на Мурмане Германия построила хранилище реакторов в Сайда-Губе с потенцией расширения.

Не станет ли отношение Германии и Европы к ядерной энергетике более позитивным, если европейцы по SAMPO будут обращаться хотя бы с наиболее опасными отходами? И Россия залатает свои экологические прорехи.

Вероятен новый прорыв в европейских делах, аналогично восьмидесятым годам прошлого века. Новый «контракт века». С названием: «Газ & ядерное топливо».

Своеобразное энергетическое встречное движение и энергетическое обменное замещение.

Идеи посредничества и размещения в существующих зонах отчуждения международных ядерных хранилищ не новы после СССР в разных геополитических обстоятельствах: Симушир, Семипалатинск, Чернобыльская АЭС и другие. Возможные региональные версии SAMPO: Scandinavian (or Saamen, Siberian, Salekhard, Sakha, Sakhalin, Simushir, Spitsbergen, Semipalatinsk, Sarov, Seversk, Slavutich) Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation's Oikumene соответствуют базовой идее и названию. Япония в контексте Курил и Семипалатинска, Украина и Казахстан поэтому могут быть особыми партнерами Германии, но, возможно, – конкурентами северного альянса SAMPO по месту реализации проекта. Другими словами, возможны «гомологи» и «клоны»: SAMPOru, SAMPOkz, SAMPOua.

США, Норвегия, Германия и Россия осуществляют на Мурмане проект по континентальному бурению в научных целях, результаты которого могли бы быть полезны при анализе геологической ситуации в рамках обоснования ядерного хранилища в регионе. Хорошее дополнение к информации по СГС и тысячам рядовых скважин. Значительную долю занимает бурение по этому проекту в Печенгском районе. Германия возглавляла с западной стороны Project 408 of International Geological Correlation Programme, одной из целей которого, как и проектов МНТЦ 261, 262, 793 и 794, было оценить условия захоронения отходов вблизи СГС. Немецкая и шведская фирмы по захоронению отходов DBE и SKB – среди инициаторов исследований такого потенциала Мурманска. В регионе налицо также международная интеграция в других сферах науки и образовании.

В Германии прочны традиции общественной, научной и государственной оценки последствий применения техники. Германии принадлежит приоритет начала фундаментального осмысления ядерного социума (К. Ясперс). Ныне в Германии социально-ядерную деятельность осуществляют das Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit, das Büro für Technikfolgen-Abschätzung beim Deutschen Bundestag (TAB), ядерные центры Karlsruhe и Jülich, религиозный центр die Forschungsstätte der Evangelischen Studiengemeinschaft, ряд университетов. Фонд Ф. Эберта в 2006 г. провел форум «Neue Energien, sichere Versorgung – die Brücke ins solare Zeitalter».

В контексте перспектив цивилизации обсуждалось и значение ядерной энергии. Das Institut für Technikfolgen-Abschätzung und Systemanalyse (ITAS) в 2006 г. выпустил книгу о социальных аспектах захоронения радиоактивных отходов. Действуют международные общественные организации. Например, Arbeitsgemeinschaft der Standortgemeinden Kerntechnischer Anlagen объединяет 27 немецких и шведских «ядерных» коммун. Германия обладает развитой энергетикой при безопасной энергетической политике, осмотрительности и осторожности применительно к ядерной энергетике и ее отходам. Она может создать интеллектуально-прагматическую и административную «сеть сетей» на международном уровне для поиска путей решения сложных научных, экономических, финансовых и политических проблем, обусловленных гражданским и военным применением ядерной, а также других видов энергии.

Аббревиатура SAMPO в немецкой транскрипции и традиции может быть представлена выражением: Sicherheit (Symbolismus), Atom, Menschheit – «Perpetuum Ordnung». Что уже в простом переводе дословно связывает важные понятия: безопасность, (символизм), атом, человечество – «вечный порядок». Кроме того, это выражение вызывает ряд ассоциаций и имеет глубокий смысл: двойственный символ атомного человечества – «вечный порядок». Только при правильном ведении «атомных дел» ядерная энергия будет безопасной. С другой стороны, прирученная и безопасная ядерная энергия позволит человечеству долговременно развиваться без кризисов (военно-политических, энергетических, экологических, продовольственных и других) или существенно сгладит влияние этих кризисов.

Название SAMPO – потенциальный бренд. О необходимости создания в российской экономике ярких и весомых брендов говорил на Санкт-Петербургском экономическом форуме в 2008 г. С.Иванов.

Германия может стать лидером Европы. За что борется А.Меркель. Многие и сейчас считают страну «двигателем ЕС». Либо – лидером значительной части Европы, например, коалиции «Северо-Балтийская Европа». И может обеспечить консолидированное западноевропейское присутствие в Заполярье. Как борется канцлер Германии и за сниже-

ние антропогенной нагрузки на климат. При этом баланс между углеводородами и ядерной энергией необходим.

В 2007 г. 55 лет МАГАТЭ, 50 лет объединению Европы, Германия председательствовала в ЕС и «восьмерке», саммит ЕС по энергетике и Берлинская Декларация, 10 лет идеям Баренцрегиона и Программы ЕС «Северное измерение», Международный Полярный год, Германия принимает представителей северных и балтийских стран и участвует в работе дрейфующей станции «Северный полюс – 35». А также – возникновение в России концепции Национального Арктического Совета и практическое «столбление» ею границ своего арктического шельфа. При параллельной демонстрации арктических интересов отдельно Данией, США и Канадой.

Удобный момент для новых инициатив. Обострившиеся взаимоотношения ЕС и России накануне саммита в Хельсинки (2006 г.) скорректировали баланс обсуждавшихся на нем вопросов общеевропейского уровня и «Северного измерения» в пользу региональных. На встрече «ЕС – Россия – Исландия – Норвегия» дан старт обновленной программе. НАТО в 2007 г. поддержало новое «Северное измерение». Доминирование отношений России с Европой по схеме двусторонних контактов с отдельными странами или группами стран сохранится какое-то время. Общеевропейская интеграция может быть дополнительно ослаблена при нарастании этнического сепаратизма, трудностях в экономике и активизации терроризма. Симптомы ослабления – блокирование рядом стран «конституции ЕС».

Опасно оставлять энергию без научно-политической и духовно-гуманитарной рефлексии, без выверенных и эффективных действий. Но особенно это недопустимо при осложнениях между Западом и Россией, а также когда в Арктике, на Балтике и вокруг них становится тесно. С учетом углеводородов, SAMPO приобретает новое измерение: Scandinavian (Slavic) Arctic Mission – the Pipelines Oikumene. Уместен также обобщенный бренд SAMPO&SAMPO: Scandinavian (Slavic, Special, Social) Arctic (Anthropic) Mission – the Power (Prometheus') Obedience. В нем отражено стремление к синтезу в единый композит европейских политических и экономических, а также общечеловеческих философских, творческих и религиозных концептов проблемы. Синхронизированы прагматическая задача и теоретическая идея комплексного рассмотрения взаимосвязи феноменов человечества и ядерной энергии.

Гипотеза соответствует стремлениям России, Германии и Европы. Объекты вписываются в географический контур формируемой границы российских интересов. А ядерно-нефтегазовый симбиоз можно отразить «диаграммой состояний»:

/ Arctic \ / Pipelines \

SAMPO&SAMPO: Scandinavian (Slavic) Mission – the Oikumene.

\Atomic/ \Proliferation's/

Россия и Германия имеют мотивацию совместно с другими странами осмыслить ядерно-нефтегазовую ситуацию Севера Европы и шансы внести весомый и позитивный вклад в ее развитие. Аналогичные взаимоотношения, вероятно, присущи или могут отвечать в будущем «связке» Сибирь и Дальний Восток России – Япония. С новым наполнением бренда SAMPO&SAMPO: Siberian (Simushir, Seversk, Semipalatinsk) Asian (Anthropic) Mission – the Power (Prometheus') Obedience (Omnipotence).

Благодарю Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst и профессоров Brigitte Falkenburg и Thomas Meyer.

В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Александр ДУГИН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Экономика постсоветского пространства – тот фактор, который ставится во главу угла, когда речь заходит об интеграции постсоветского пространства, и от которого зависит динамика интеграционных процессов и влияние России, при помощи тех или иных экономических санкций, на страны, некогда входившие в СССР. Хотим мы того или нет, но на сегодня Россия по факту является частью мировой экономической системы, а значит, вовлечена в процессы глобализации и постмодернизации экономики. В этих рамках создается сеть, которая включает в себя также технологический, информационный и социально-политический сектора. Все это является для России вызовом, который она должна перестать игнорировать и выработать, наконец, свой цивилизационный ответ.

Две стороны глобализации

Принято считать, что глобализация влечет за собой технологическое развитие, информатизацию производства и перевод экономической системы на новый уровень, что сопрягает ее с трендами постиндустриального общества. Однако этот вывод далеко не так однозначен. Процесс модернизации одних сфер в общемировых условиях сопровождается деградацией других, что подробно обосновывается экономической школой академика Осипова, а также в работах экономистов Михаила Хазина и Андрея Кобякова. Формула «глобализация – есть модернизация» – это, скорее, Conventional Wisdom, всеобщая мудрость Соединенных штатов Америки, которую они пытаются навязать всему остальному миру. И хотя это предельно упрощенное обобщение, требующее фундаментальной корректировки, тем не менее даже оно вдохновило наших политиков и экономистов в начале 1990-х годов на еще более спорный вывод о том, что если мы хотим для России

развития, мы просто должны встроиться в сеть глобальной мировой экономики, и тогда модернизация начнется сама собой.

В момент, когда наши политики начали осознать ошибочность этого вывода, наметился крен к патриотизму и попытке сформулировать национальную идею России хотя бы в области экономики. Триггером поворота политической тенденции от ультра-либерализма, глобалистского западничества и атлантизма к патриотизму стало президентство Владимира Путина. Вместе с этим осознание того, что встраивание России в глобальные экономические процессы не влечет за собой ожидаемой модернизации и формула «глобализация = модернизация» ошибочна, привело нас вслед за еще одним экономическим аналитиком, Михаилом Юрьевым, к другому парадоксальному выводу: нам надо «плюнуть» на глобализм и закрыться новым железным занавесом. Сам Юрьев это обосновывает через баланс внешнеторгового сальдо. Все страны стремятся к тому, пишет он, чтобы меньше импортировать и больше экспортировать, то есть чтобы баланс был в пользу экспорта. Но, как правило, этот баланс равен нулю и это считается идеальным вариантом устойчивости системы для любой страны. Здесь Михаил Зиновьевич задается вопросом – а зачем тогда вообще нужна международная торговля, если основная задача свести этот баланс к нулю? Таким образом, Юрьев дает очень простой и понятный аргумент в пользу изоляционистской экономики. Однако этот экстремальный ответ на вызов глобализации атлантистской модели является таким же предельно упрощенным вариантом, как и формула «глобализация = модернизация». Россия уже практиковала подобного рода изоляционистский проект, и ничем позитивным для нее это не закончилось.

В выявлении «золотой середины» между двумя этими формулами и заключается преодоление экономической дилеммы нашей страны – интеграция в глобальную экономику без потери суверенитета. Необходимо, чтобы оба элемента этой модели работали максимально эффективно. Интеграция влечет за собой модернизацию, но она должна быть скомпенсирована сохранением и укреплением суверенитета, чтобы мы могли говорить о России как о самостоятельном субъекте. В конечном итоге у нынешней российской власти возникла формула: наша задача таким образом включиться в мировую сеть, чтобы взять из нее кусок, соответствующий нашим масштабам, и сохранять над ним полный контроль максимально долго. Это создает своего рода фильтр, пропускающий все то, что способствует модернизации российской экономики, и отсекая все, что этому не способствует. С одной стороны, необходимо войти в глобальную модель, и это выражается в ориентации на ВТО, хотя в Кремле эту идею воспринимают, исходя из модели «глобализация = модернизация», что является ошибочным, но безошибочной является другая сторона – власть понимает, что для модернизации необходимо быть в глобальном контексте.

Самостоятельная финансовая сеть

Проблема построения самостоятельной финансовой сети стоит перед российской властью довольно давно, и суть ее заключается в сочетании интеграции в глобальную экономическую систему с сохранением контроля над большим пространством. Немецкий экономист Фридрих фон Лист в этой связи предлагал следующее: для того чтобы сегментам мировой экономической сети хотя бы частично сохранить суверенность, необходимо интегрировать пространственно, культурно, социально близкие экономики. Без этого даже очень большая страна обречена на потерю суверенитета.

Здесь и возникает понятие экономики постсоветского пространства. Все страны СНГ, и дружественные России, и не дружественные, и объединенные уже в интеграционные структуры, и не объединенные, по модели Фридриха фон Листа и его концепции автаркии больших пространств, обладают всеми признаками того, чтобы быть интегрированными в единое экономическое пространство. Для начала интегрируются наиболее близкие по своему уровню экономики, равные по своим темпам развития. Для России государства, чья экономика по всем параметрам очень тесно сопряжена с нашей, – это, в первую очередь, страны СНГ. Но и за пределами СНГ есть государства, которые могут с нами экономически интегрироваться безболезненно для своих экономик, при этом не создавая экономического дисбаланс в свою сторону и для России, – это Монголия, Болгария и Сербия. Хотя очевидно, что, например, у Болгарии существует другой мощный полюс притяжения в виде Евросоюза – это тоже большое экономическое пространство, выстроенное по модели Фридриха Листа. Именно Фридрих Лист является идейным отцом-основателем объединенной Европы. Его принципы таможенного союза легли в основу европейского объединения. Что же касается таких стран, как Монголия, которую мы можем экономически интегрировать так же безболезненно, как любую страну СНГ, или же сами страны СНГ, то они по всем признакам принадлежат к нашему экономическому пространству, причем именно у России с ними наиболее близкий уровень развития, схожее социальное и экономическое хозяйство, обоснованное общим советским историческим наследием. Наши страны объединены не только исторически, но и географически, культурно, поэтому нас объединяет общность судьбы. Между этими странами также существуют промежуточные культуры, которые нас сближают, поэтому постсоветское пространство и является, с точки зрения классических норм геоэкономики, минимальным форматом для достижения той системы автаркии, о которой говорил Лист и которую стремится осуществить нынешняя российская власть. Интеграция же их в Евросоюз малореальна в силу полного различия экономических моделей и огромной пропасти в экономическом развитии.

Для того чтобы реализовать эту задачу, то есть интегрировать российскую экономику в современную глобальную экономическую систему и сохранить над ней суверенный контроль, абсолютно недостаточно границ и пространств Российской Федерации. Вопрос о расширении границ этого экономического пространства является центральным. Стартовые территориальные условия для планового и методичного развития регионального глобализма должны быть больше пространства, заключенного таможенными границами России. Его минимальный объем, в соответствии с теорией Фридриха фон Листа, охватывает не только страны СНГ, но и соседние с ними государства.

Евразийская экономика

На сегодняшний день в Кремле четкого соответствия этой стратегии не наблюдается. Наше руководство все еще питает иллюзии о возможности справиться с задачей экономического подъема в рамках Российской Федерации, а интеграционные, стратегические и политические процессы захватывают в область своих приоритетных задач безопасность, контроль над нелегальной иммиграцией и другие, не менее важные, но не имеющие отношения к развитию экономики темы. Это несоответствие сегодня и лежит между российской властью и евразийским подходом. Еще десять лет назад Кремль и евразийство были противоположными друг другу полюсами. На данный момент их позиции стремительно сближаются, но слияния не произойдет, пока власть не придет к пониманию минимального масштаба экономического пространства, которое способно и интегрироваться в мировую сеть, и сохранить суверенный контроль над значительным ее сегментом. Иными словами – российский сегмент недостаточен для этого, а вот постсоветский сегмент уже вполне достаточен.

Евразийство в экономике – это одно простое утверждение – вхождение в глобализацию с сохранением суверенного контроля возможно в минимальном масштабе постсоветского пространства. Возвращаясь к безопасности экономики постсоветского пространства, становится понятно, что угроза ей лежит в одном – в саботаже процесса экономической интеграции. Конкретно, в том, что делают президенты Украины Виктор Ющенко, грузинский президент Михаил Саакашвили и президент Молдавии Воронин, саботирующие процессы экономической интеграции. Они наносят ущерб не только России, но и губят экономику собственных государств. В этом смысле, с точки зрения эгоизма, России выгодно продавать газ Грузии или Украине по рыночным ценам. Россия получит большие деньги, а Украина получит разруху. Но лидеры этих стран не заботятся даже о своих собственных экономических интересах. Их основная задача – сорвать наш процесс экономической интеграции. Это своего рода вирус или хакерская атака, которая атакует порт нашего экономического интерфейса.

Главным экономическим диверсантом на постсоветском пространстве являются, в первую очередь, политические, а не экономические силы, которые создают дезинтеграционный климат на пространстве СНГ. И уже оттуда проистекают экономические угрозы, передел собственности и, по большому счету, срыв фундаментального евразийского проекта. Поэтому, с точки зрения экономики, никто не наносит России большего ущерба, как те режимы, которые по идеологическим соображениям работают вопреки экономическим интересам своих собственных народов. В этом смысле политика и экономика неразрывно связаны между собой.

Особая функция терроризма

Президент США Джордж Буш обозначает терроризм не иначе, как *мировое зло*, его пособников называет «bad guys», говорит о том, что это «дурные ребята», которых не кормили в детстве, пороли, поэтому они такими выросли. Именно так создается политический смысл терроризма, который заключен в продолжении политики в эпоху, когда классические войны уже сдерживаются ядерным оружием и другими формами противодействия. Не случайно американский геополитик Збигнев Бжезинский называет терроризм *политическим явлением*. Какую бы точку мира мы ни взяли, везде терроризм будет совершенно разным. И нет у террористов никакого общего интернационала. Террористы баскские, террористы ирландские, террористы в Перу, в Израиле или Индонезии – это абсолютно разный стиль. Идеологически, политически это совершенно разные организации. Если же копнуть глубже, мы обнаружим, что терроризм имеет не только политический, но и экономический смысл. А на постсоветском пространстве терроризм выполняет исключительно геополитическую функцию.

Для простоты концептуализации можно выделить терроризм постсоветского пространства в самостоятельную категорию, ибо терроризм на постсоветском пространстве это одно, а терроризм *не на постсоветском пространстве* – это совершенно другое, это разные организации, разные силы, различные модели и задачи. Об этом и говорит Бжезинский, правда, оценивая с обратным знаком – чеченский терроризм хороший, а арабский плохой. России стоит делать то же самое. Тот терроризм, который нас атакует, срывает наши планы, наносит ущерб нашим политическим, геополитическим, национальным и экономическим интересам, – плохой. Другой терроризм, может, и непозитивен для России, но он просто «другой» и направлен в другую сторону. Такое осознание требует некоего философского аказионализма*.

* *Аказионализм* – учение о том, что похожие явления, происходящие в разных географических эпохах и в разных географических контекстах, – не одно и то же явление. И если есть какая-то локальная закономерность, то нельзя ее тут же превращать в глобальную закономерность, о чем написал Карл Шмитт.

Если оторваться от представления о каком-то глобальном, эфемерном *международном терроризме*, можно увидеть, какие цели преследует этот «терроризм» на постсоветском пространстве. Главная цель терроризма здесь – сорвать процесс политической, экономической и стратегической интеграции. Для этих целей используется не только терроризм, но именно терроризм используется *исключительно* для этих целей. Другого терроризма на постсоветском пространстве нет. Все остальное – локальные вещи. Если сделать такой вывод, объединить императив интеграции постсоветского пространства и императив существования России, ее исторической миссии, возрождения ее экономики и, таким образом, контекстуализировать проблему терроризма на постсоветском пространстве, то можно получить концептуальный инструментарий, элементы стратегии для того, чтобы бороться с этим явлением эффективно, не впадая в ненужную схоластику.

Глобальная интеграция и сохранение контроля

Террористические вылазки и провокации в странах СНГ, подобные, например, ситуации в Андижане, всегда ставят перед собой совершенно конкретную цель: спровоцировать такие процессы в обществе, которые должны вызвать цепную реакцию, привести к недовольству в обществе и, как следствие, к переориентации, к большей ориентированности в сторону Запада, к отказу от собственной модели. Президент Узбекистана Ислам Каримов в свое время абсолютно адекватно расшифровал смысл андижанских терактов. И ответил на них, как мог: где-то жестко, грубо, но с геополитической точки зрения абсолютно адекватно, сделав шаг в прямо противоположном направлении, убрав с территории Узбекистана американские базы и начав интеграционные процессы с Россией. Хотя инициаторы андижанских событий рассчитывали на прямо противоположный результат. Теперь уже можно говорить об экономике российско-узбекистанских отношений. До андижанских событий об этом говорить было нельзя.

То же самое следует заметить и в отношении ситуации в Азербайджане, где подъем волны террора и распечатывание ситуации в Нагорном Карабахе направлен на достижение определенных, вполне конкретных целей. После победы алиевской партии в Баку, безусловно, будет запущен в действие механизм развития того сегмента в экономике, который настаивает на разрыве российско-азербайджанских связей, в том числе и с использованием террора. Ведь как можно еще досадить Алиеву, как не активизацией определенных «оранжевых» групп, действующих по технологии идеолога *цветных* революций Джина Шарпа, причем, действующих абсолютно адекватно: сказано сидячая забастовка, они садятся, лежащая – лежат. Камеры снимают,

как их выносят, ибо не могут не снимать, когда кого-то выносят. Следующий этап – это поднятие проблемы признания статуса Нагорного Карабаха как части Армении – это следующий удар. Что Алиев сможет сделать, если американцы начнут продвигать армянское дело? На повестке дня более жесткие сценарии.

Наша общая задача в перечисленных, а также в других подобных ситуациях одна – продолжать интегрировать постсоветское пространство экономически. Следующим шагом – включить уже единое пространство в глобальную экономическую сеть, но с сохранением суверенного контроля над ним. Задача наших геополитических оппонентов – интегрировать его в глобальное пространство по частям, с потерей суверенитета и контроля. Терроризм и другие формы являются в этом случае орудием нашего противника.

Есть силы, которые одинаково хотят либо замкнуть Россию в изоляции, либо интегрировать ее в мировую сеть без сохранения контроля. Это не значит, что американцы плохие. Просто они не согласны с тем, чтобы Россия контролировала свою часть глобальной сети, поэтому для них мы хороши лишь в качестве узкого националистического шовинистического образования, которое само отбрасывает от себя своих союзников, либо как послушный для них, беспроblemный сегмент глобальной мировой сети. Для них третьего не дано, но судьба России лежит только в третьем – и в интеграции в мировую экономику, и в сохранении полного стратегического контроля над ее сегментом в формате постсоветского пространства.

Расим АГАЕВ (*Азербайджан*)

ЕВРАЗИЙСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Россия, внося некоторые коррективы в свою геополитическую стратегию, может модернизировать систему межгосударственных взаимоотношений на евразийском континенте, составляющих глубинные пласты ее исторического развития. Для этого требуется как минимум инициативная политика возрождения атмосферы доверия и взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего, с тюркским окружением.

Сложившаяся после Второй мировой войны конфигурация мировых сил, при доминантной роли США, все же представляется переходной. Ее последующие контуры будут вырисовываться по мере реализации американского проекта переустройства мира, в котором передел СССР, дробление Югославии, война в Ираке и его расчленение, бросок в Афганистан представляются лишь первым этапом глобальной военно-политической операции США. В Вашингтоне, несмотря на очевидные неудачи наступления на евроазиатском фронте (продолжающееся сопротивление талибов, крупные физические потери в Ираке и морально-политический урон на Балканах и далее по всему миру) преисполнены решимости довести его до логического конца, поскольку было бы непростительной глупостью не воспользоваться исключительными возможностями, предоставленными, кажется, самой историей.

Феноменальная мощь США как единственной сверхдержавы – военной, экономической, технологической и информационной – не требует доказательств. Но в некоторых формирующихся центрах миропорядка вызревает убеждение, согласно которому опыт взаимоотношений в условиях однополярности подводит к переосмыслению глобалистской тенденции в мировой политике. Ныне становится очевидной реальностью тот факт, что ни у одного государства или группы государств нет достаточных ресурсов для навязывания миру односторонне ориентированной глобальной модели сосуществования.

Вытекающее из этого обстоятельства лидерство США напоминает о трех, старых, как мир, истинах, актуальность которых тем выше, чем менее склонны сильные мира сего считаться с ними. Перечислим их, никоим образом не претендуя на оригинальность.

Первая – мировой порядок может покоиться только на определенном противовесе сил, определяющем общечеловеческий прогресс. Вторая – стремление к мировому господству есть химера, оно неизбежно приводит к катастрофам, масштабы которых потрясают основы человеческой цивилизации, подрывают жизненные силы, прежде всего, претендента на эту роль. Третья истина – стремление к мировому господству на нынешнем этапе цивилизации вовсе не самоцель и тем более не имеет ничего общего с экспортом демократии. Причина его до банальности проста – возрастание стратегического значения мировой энергетики в международных отношениях и как следствие – желание взять под контроль ее основные источники, что рассматривается Вашингтоном и как средство обеспечения собственной безопасности.

С некоторых пор Америка настойчиво внушает миру мысль, которая при иных обстоятельствах и во времена иные могла быть воспринята как объявление войны: энергоресурсы мира (читай: Ирака, Ирана и России) принадлежат всем. В условиях растущей экономической мощи Евросоюза, Китая, а теперь и России, обостряющейся борьбы за углеводородные запасы планеты Америка может обеспечить свое лидерство только посредством и в рамках безусловного господства – к такому выводу, очевидно, пришли американские стратеги (О.Тодд. «После империи Pax Americana – начало конца»).

Известно и другое – суммарный объем ВВП Китая, Индии, России и Бразилии к 2050 году превзойдет американский. Это означает появление новых потоков капиталов вне контроля Вашингтона, как и политических решений, направленных на усиление экономической, а значит, и военно-политической мощи новых центров мировых сил. Разумеется, если не управлять этим процессом. Таким образом, американская гегемония может быть в дальнейшем обеспечена только при условии взятия под контроль Соединенными Штатами основных источников энергетического сырья и энергетических коммуникаций.

Этот грандиозный план ныне вступает, возможно, в решающую фазу. Судьба ИРИ предрешена. Не является секретом и американское видение будущего России: «Сделанный Россией... выбор... предоставил Западу стратегический шанс. Он создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества всё дальше и дальше в глубь Евразии... и в первую очередь в некогда заповедную зону российского «ближнего зарубежья» (Зб. Бжезинский. «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство»).

Заявление лидера международного «Евразийского Движения» Александра Дугина, сделанное в Стамбуле (2003 г.) о том, что Турция,

как и Россия, отнесена атлантистскими идеологами к разряду «torn country», «стран, предназначенных к распаду», судя по всему, ныне находит практическое подтверждение.

Настойчивость, с которой Вашингтон реализует план создания курдского государственного образования в Ираке, в конечном итоге угрожает территориальной целостности Турции (а также Ирана, Сирии и, не исключено, Азербайджана). На фоне скандальной истории с принятием резолюции о геноциде армян во времена Османской империи он подтвердил то, о чем уже многие догадывались: для Вашингтона Анкара потеряла свое стратегическое значение. Более того, их интересы пришли в явное противоречие. Прорыв через Турцию в прикаспийскую зону посредством расчленения тюркско-мусульманского массива, лишение Анкары ее лидирующей роли в рассматриваемом регионе стоят, видимо, союзнических обязательств.

России, хоть и с немалыми потерями, удалось отвести угрозу окончательного распада, погасить внутренний сепаратизм (Чечня), приостановить наступление «оранжевых» революций на своих границах. Однако относительная политическая стабильность и экономический подъем последних лет вовсе не означают, что угроза миновала окончательно. Подтверждением тому – упорная борьба за политическое и военное влияние в Казахстане, Украине, Грузии, последовательность и решимость, которую проявляют США в стремлении выдавить русских из южнокавказского и центральноазиатского геополитического ареала. Реализация этих планов может привести к устранению России как евроазиатской державы, не без оснований полагают многие аналитики, в том числе и в Москве. Их обеспокоенность вполне объяснима, если учесть, что путинская Россия озабочена экономическими и военными аспектами государственного строительства в той же мере, что и поисками определения «государственной идентичности».

В Москве давно осознали, что в главных политических и военных структурах Европы – Евросоюзе и НАТО – никто Россию не ждет. Она просто не «поместится» туда ни экономически, ни политически, ни географически, заявляет даже А.Чубайс.

Под сим подразумевается, что в русском национальном сознании Россия мыслится в контурах, обозначенных еще Петром Великим, – «то не страна, то континент». Точнее, некое супер-государство, фундаментальная ценность которого определена как держатель северной Евразии.

Незадолго до ухода с поста президента В.Путин сделал несколько заявлений относительно своего видения СНГ, подчеркнув, что отныне этот дискурс «становится важнейшим направлением внешней политики России». Можно предположить, что таким образом обозначена новая стратегия государственного развития. В пользу этого говорит тот факт, что российский лидер озвучил свое видение значения СНГ после

политической оценки, данной созданию Комитета по тарифам Содружества, названного им первым наднациональным органом, первым шагом в направлении союза. Вопрос – какого? Очевидно, что идет поиск новых ориентиров развития. И это без труда прочитывается в активной дипломатии Москвы по периметру геополитического треугольника Турция–Иран–ШОС. Формирование нового вектора внешнеполитических устремлений вызывает тем больший интерес, что он наметился на фоне обостряющихся противоречий с США, которые, хоть и не привели к прямому противоборству, но все более кажутся непреодолимыми.

В аналогичном положении пребывает и другое евразийское государство, официальное название которого – Турецкая Республика. Стратегическое направление, по которому следовала эта страна после Второй мировой войны, ныне многим представителям политической элиты, в том числе и правящей, видится тупиковым. Евросоюз фактически отказывается принять ее в свои ряды. США перестали патронировать своего союзника, стратегический потенциал которого вытекал из ее обязательств по прикрытию южного фланга НАТО. Эти обязательства в отсутствие СССР теряют свой смысл, равно как и «натовский зонтик», некогда рассматривавшийся турецкими политиками в качестве гаранта безопасности их страны.

Скандал вокруг резолюции о геноциде, по существу, вскрыл нарыв накопившегося турецкого недовольства Вашингтоном, беспардонно ограничившим желание своего союзника утвердиться на Большом Ближнем Востоке в качестве региональной державы. Надежды Турции после развала СССР закрепиться в Закавказье и Средней Азии были перечеркнуты Вашингтоном, объявившим оба геостратегических и богатых энергоресурсами региона зоной жизненно важных интересов США. Вашингтон бесцеремонно отказался от посредничества Турции и стал действовать в этой части постсоветского пространства самостоятельно. В ответ Анкара совместно с Россией реализовала газовый проект «Голубой поток» и, несмотря на недовольство Вашингтона, предприняла шаги по сближению с Шанхайской организацией сотрудничества, в которой, наряду с Китаем, стержневую роль играет Россия. Одновременно турецкая инициатива «Черноморская гармония» свела к нулю стремление Вашингтона иметь собственный Черноморский флот (с согласия Грузии, Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии).

Впервые за последние 60 лет в Турции подвергается сомнению выбор, сделанный последователями Ататюрка, – союз с Америкой. Налицо кризис национальной стратегии – опросы, проведенные в ходе перепалки с Вашингтоном в связи с намерениями Анкары приступить к обезвреживанию курдских террористов в Северном Ираке, показали, что подавляющее большинство населения (90%) не доверяют США. Несостоятельными оказались давние проекты реанимации Великого

Турана – новой редакции мифического турецкого государства, простирающегося от Босфора до Алтая.

Как и в далеком 1945 г., Турция находится перед выбором новой стратегии. Разочарование в США принуждает турецких политиков пристальней взглянуть в контуры меняющейся диспозиции мировых сил. Геополитическое своеобразие Турции – ее местоположение – своеобразный мост между Азией и Европой, ее значение второго (после России) по масштабам евразийского государства может предопределить политическое направление поиска. Если этому движению придать встречный характер, то в диспозиции мировых сил может произойти, образно говоря, сдвиг тектонического характера. Существуют ли для этого достаточные основания?

Длительная русско-турецкая вражда, приведшая, в конце концов, к тому, что Черное и средиземноморские моря перестали быть внутренними морями имперской Турции, давно стала частью далекой истории, так же, как и фобии периода «холодной войны». В результате распада СССР отпало главное препятствие, разделявшее Турцию и Россию, – угроза коммунистической экспансии. Турецко-российские контакты и расширяющееся разностороннее сотрудничество двух стран подтверждают этот вывод.

Русско-турецкое сближение, обусловленное программой «Совместные действия во имя Евразийского сотрудничества» (подписана в 2001 г.), показало свои широкие возможности и перспективность. Это особенно заметно в налаживании сотрудничества в области энергетики и вооружений, которое осуществляется в условиях непрямого противодействия США.

Успешно подключившись к прокладке международных энергетических коммуникаций из постсоветского пространства, Турция может внести серьезные коррективы в американские планы направить их в обход России.

Немаловажно и то, что Россия рассматривается Турцией и как возможный выгодный альтернативный поставщик вооружений, основной гарант диверсификации источников получения вооружения и военной техники в случае очередного нажима со стороны западных союзников при возникновении, например, противоречий по региональным проблемам.

Все это – на фоне резкого повышения интереса деловых кругов Турции к российскому рынку и невиданного наплыва россиян в соседнюю страну, которая привлекает своими коммерческими возможностями и современным туристским сервисом...

Объективную основу геополитической синергетики – сближения двух полюсов Евразии – Северной и Южной – составляет неоспоримый факт исторического сосуществования русских и многочисленных народов тюркской этнической группы в рамках российской государственности. Русская цивилизация испытала серьезное культурно-

историческое влияние многих народов, в разные века и даже тысячелетия населявших ее просторы, вобрав в себя многие элементы древневосточной туранской культуры. Россия остается, пожалуй, единственной христианской страной, располагающей наибольшим опытом гармонизации христиано-исламских отношений.

В последние годы в России издано немало серьезных исследований, прослеживающих многовековую и глубокую взаимосвязь, взаимовлияние, общность тюркской и русской культур. Сближение на новом витке исторических судеб двух великих этносов – куда логичней, чем вражда и недоверие, внесенные в их отношения в прошлом.

Евразия, где проживает большая часть человечества и где сосредоточена основная деловая активность планеты, постепенно становится центром притяжения мировой экономики. Россия, несмотря на переживаемый ею глубокий кризис, по-прежнему остается единственным и уникальным лидером-государством на всем постсоветском пространстве. По мнению некоторых аналитиков, состояние смуты, циклически повторяющейся на всем протяжении ее тысячелетней истории, в котором ныне пребывает Россия, еще не вошло в кульминационную стадию. И только по завершении кульминации определится будущность страны и народа (В.Соловей).

Хотя исторический прецедент не может служить доказательством, однако успешное преодоление чудовищных критических фаз начала XVI и XX веков рассматривается многими знатоками России, как свидетельство того, что она и на сей раз в состоянии преодолеть внутренний надлом, обрести былую мощь основного игрока всемирной шахматной доски. Факт, что Россия вновь становится действующим лицом международной жизни. Неизвестно только, как велика будет Россия, каковы будут ее идейно-политические предпочтения, а также архитектура будущей евразийской державы.

Москве нужен дееспособный геополитический курс, некая новая политическая роль, не повторяющая родимые пятна советского опыта, проистекающая из внутренних потребностей и объективно складывающихся мировых реалий. Эта роль, не будет преувеличением сказать – историческая миссия России – просматривается в инициировании новой Евразийской стратегии как долговременного, многоэтапно-геополитического проекта.

Это подсказывается стратегическим реализмом и тем обстоятельством, что США при всех своих преимуществах имеют одну структуральную проблему – географически отдалены от Евразии. Реализация такого проекта во многом зависит от отношения к самой идее Турции – естественному географически, исторически и, в высшей степени, экономически соседу России, курс на сближение с которым подсказывается всем ходом политических перемен в этой части планеты. Несколько лет активного сближения Южной Евразии с ее естественным продолжением

– Северной Евразией растопит ледяные торосы отчуждения, коренным образом преобразит политическую атмосферу в самой России, ее тюркско-мусульманском массиве и окружении. Социально-экономические преимущества этого встречного движения очевидны. Ее политические последствия, с точки зрения роста авторитета России в условиях надвигающегося отчуждения США, усиления влияния на новые богатые ресурсами регионы (прежде всего арабо-африканский, мировой мусульманский массив) также лежат на поверхности. И самое главное. По существу, создается цивилизационное поле, предлагающее международному сообществу реальную модель жизненно важного диалога – христианско-исламского, мирного сосуществования цивилизаций.

Важнейшей предпосылкой сближения, помимо политической воли правящих элит и преодоления сопротивления отечественных атлантистов, является высокая степень способности к интеграции, что обоим государствам присуще почти генетически. Такое сближение, став целью практической политики, представляет собой хоть и не простой, но уникальный и эффективный механизм, в котором роль России сводится не к односторонней силе, а реально может быть превращена в многосторонний фактор.

Эта точка зрения встречает понимание на обоих полюсах Евразии. «Сохранить нашу целостность мы можем только в стратегическом союзе, в рамках справедливого и многополярного мира» – считает А.Дугин, и эта позиция встречается общественностью страны Атаюрка с пониманием, на которое еще недавно трудно было рассчитывать.

Такое переустройство России и Евразии в целом, как видится, отвечает международным потребностям приведения к общему знаменателю многообразных интересов всех членов мирового сообщества. Не есть ли это тот самый международный дискурс, в рамках которого, как полагают некоторые прозорливые европейцы, «будущее развитие должно привести к достижению всеобъемлющей договоренности» (Ж.Делор)? Ибо теперь уже ясно всем: «Наличие в глобальной политике более двух ведущих игроков диктует необходимость коллективного лидерства как средства гибкого регулирования международных отношений» (С.Лавров, министр иностранных дел РФ).

В условиях равноправного партнерства, обеспечивающегося системой экономических, военных и политических соглашений, они смогут выработать новые принципы планетарного взаимодействия, стабильность и, что особенно важно, – справедливость нового миропорядка.

В статье использованы материалы из журналов «Россия в глобальной политике» (№ 1, 3 – 2007, №2 – 2008), «Вестник аналитики» (№4 – 2007, №1 – 2008), «Литературная газета» (январь 2007): С.Караганов. «Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить»; В.Гусейнов, А.Денисов, Н.Савкин, С.Демиденко. «Большой Ближний Восток»; интервью с турецким политологом Г.Кучукбуюком и азербайджанским тюркологом Н.Гулиевым.

Владимир ДЕРГАЧЕВ (Украина)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЫМА

«Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас».
Максимилиан Волошин

Саммит НАТО в Бухаресте отсрочил последнее наступление Запада на Восточную Европу. А празднование 225-й годовщины Черноморского флота еще раз продемонстрировало остроту проблемы. Но все это уже в прошлом, может быть, стоит успокоиться до тех пор, когда натовский петух не клюнет в очередной раз уязвленное самолюбие России?

Несмотря на осторожные заявления Московского Кремля, в российском аналитическом сообществе какая-то обреченность о неизбежности вступления Украины в НАТО. Политики постоянно повторяют, что российское государство осталось в одиночестве и ни на кого не может положиться в вопросах национальной безопасности. Некоторые российские «демократические» силы не видят в возможной очередной геополитической утрате ничего предосудительного. Но так ли это?

На фоне бесспорных российских достижений последних лет мало кто задумывается, каковы будут психологические последствия раскола восточнославянской цивилизации и перехода миллионов русских под ядерный зонтик преимущественно западно-христианской цивилизации, что позволит не только осуществить тотальную украинизацию русских на Украине, но нанести невосполнимый удар по русскому языку и культуре. До декабрьского саммита министров иностранных дел стран – участниц НАТО осталось не так много времени. Поэтому обратимся к самой острой проблеме.

В Восточной Европе индикатором процессов геополитической трансформации является Крым, где вместе с Новороссией сосредоточен крупнейший за рубежом России массив русских и других нетитульных для Украины народов. Именно этот регион в традиционной геополитике выступает в качестве важнейшего геополитического узла не

только Восточной Европы и Черноморья, но и Евразии, наряду с Балканами и Афганистаном. Не случайно аналитики проводят параллели между Косово и будущим Крыма.

«Забытый гул погибших городов» Тавриды

Кто владеет Крымом, тот контролирует Восточную Европу, Черноморье и значительную часть Евразии. Эта забытая геополитическая формула тысячелетиями определяла его геостратегическое положение. Крым – евразийский микрокосмос, многомерное коммуникационное пространство, на геополитических, геоэкономических и социокультурных рубежах которого вырабатывались отношения между народами, человеком и природой.

За многовековую историю Крым неоднократно был рубежом вражды и мира. Военно-стратегическое положение превратило Крым в арену геополитических, этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов, в полигон выяснения отношений между странами, разрешения вопросов евразийской и мировой политики. Но Крым никогда не был бедным придатком слабого государства. Против этого восстает сама Природа Тавриды.

Особенность геостратегического положения Крыма за историческое время, насчитывающее более 2,5 тысячи лет, определялась общностью судьбы с мировыми евразийскими государствами и империями. Среди которых – Афинский морской союз и империя Александра Македонского, Римская и Византийская империи, Тюркский и Хазарский каганаты, Монгольская империя (Золотая Орда). Это Киевская Русь и Великое княжество Литовское, Османская и Российская империи. Свыше пяти столетий Таврида развивалась под влиянием культуры Древней Эллады, более трех веков – Древнего Рима, тысячелетие – Византии, около трехсот лет – под покровом Османской империи и двести лет – Российской империи и СССР. Здесь оставили свой след генуэзские города-колонии с черноморской столицей в Кафе (Феодосии), княжество Феодоро и Крымское ханство. Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Крымское ханство объявлено независимым от Турции, а по Ясскому миру 1791 г. произошло окончательное присоединение Крыма к России.

В Крыму – истоки православия на Руси. Здесь около 988 г. киевский князь Владимир принял крещение, что способствовало приобщению Руси к высокой Византийской культуре. Крымский микрокосмос являлся сплавом местных и византийско-греко-христианских традиций в противовес генуэзцам-католикам и мусульманам. В Крыму сфокусировались в миниатюре не только раскол православия, противостояние католического Запада и мусульманского Востока, но и вырабатывалась конфессиональная терпимость. Этноконфессиональный

конфликт явился одной из причин Восточной войны, эпицентром которой была Крымская кампания 1855–1856 гг. Россия, утратившая геополитические позиции на Балканах и Ближнем Востоке, приняла попытки укрепления православия в Святых местах Иерусалима и Вифлеема, что вызвало протест Запада. Формальным поводом послужил франко-русский религиозный конфликт. Крымская военная кампания ускорила проведение Великих российских реформ XIX века. Российский Крым никогда не знал крепостного права.

За последние полтора века Крым трижды был эпицентром военных конфликтов (Восточная, Гражданская и Великая Отечественная войны). В борьбе за Крым, включая русско-турецкие войны, Российская империя/СССР потеряла три миллиона человек.

В прошлом на Крым претендовали все великие державы, включая Российскую, Британскую и Германскую империи, Третий Рейх, а также мировая еврейская диаспора, крымские татары, украинцы и, наконец, американцы. И даже пламенные революционеры¹. Только в двадцатом столетии в 1917–1921, 1929–1930, 1941–1944, 1954 и 1991 годы Крым становился объектом внешнего геополитического давления.

После Великой Октябрьской революции в Таврической губернии было создано Крымское краевое правительство белых (1918). Но еще 26 ноября 1917 г. национальный совет крымско-татарского населения избрал в Крыму национальный парламент (Курултай) и правительство. Но крымско-татарское национальное правительство продержалось недолго и в 1918 г. прекратило существование. Как пишет генерал Деникин, на фоне слабого двоевластия судьба Крыма оказалась в руках Черноморского флота и матросской черни, вдохновляемой пришлыми элементами инородцев, включая латышей и евреев.

В 1918 г. гетман Скоропадский предъявил требования о полном слиянии Крыма с Украиной. В крымской газете «Таврический голос» 3 октября 1918 г. был опубликован документ на имя Председателя украинского правительства, подписанный представителями земских и городских самоуправлений Крыма. В нем подчеркивается, что большинство населения Крыма считает единственной родиной Россию и живет надеждой на ее возрождение и воссоединение. Главнейшими народностями Крыма являются великороссы, татары и немцы, которые не желают быть украинцами. Автономия Крыма является наиболее верным путем умиротворения внутренней вражды².

¹ Как стало известно из открытых архивов, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. лейтенант Шмидт собирался после отказа царя созвать учредительное собрание отрезать Крым от России и возглавить на полуострове независимую республику. (Ольга Ильницкая. Я больше не люблю лейтенанта Шмидта. // Известия, 26 февраля 2000 г.)

² Багров Н. Крым: время надежд и тревог. Мемуары. Без указания года и места издания.

Крымское краевое правительство вело переговоры с Блестящей Портой об отторжении Крыма от России и присоединении полуострова к Турции. Крымско-татарский Курултай надеялся на помощь немцев в создании независимого нейтрального ханства с опорой на германскую и турецкую политику. Но в роковой 1918 г. в самой Германии произошла революция, и немецкие войска покинули Украину, Новороссию и Крым. В период Гражданской войны в Крыму провозглашались Советская социалистическая республика Таврида (1918), Крымская ССР (1919) и Правительство Юга России (1920).

В начале 1920-х годов после освобождения Крыма от Врангеля полуостров превратился в «расстрельную стенку» для белых офицеров и дворянского сословия. Макс Волошин пишет, что за первую советскую зиму было расстреляно 96 тыс. из 800 тыс. крымского населения, из каждых трех крымских интеллигентов погибло двое. Народная молва окрестила Крым «Всероссийским кладбищем». Главными исполнителями красного террора были председатель Крымского ревкома Бэла Кун (венгерский революционер и журналист, переживший поражение в своей стране) и секретарь Крымского обкома РКП(б) Розалия Землячка (урожденная Залкинд)³.

В 1921 году в Крыму была воссоздана Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика на принципах территориальной автономии. Чтобы «наказать» Крым за поддержку белого движения, Кремль поставил во главе автономии местных татар. В Крыму проживало 719,5 тыс. человек, из них 370,9 тыс. русских и украинцев, 184,6 тыс. татар, 42,6 тыс. немцев, 23,9 тыс. греков, 11,9 тыс. болгар и 11,7 тыс. армян. После красного террора и массовых расстрелов трагедия Крыма продолжилась. Невиданная засуха 1921 г., нашествие саранчи и проливные дожди 1922 г. вызвали голодомор (1921–1923), в результате которого погибло около 100 тыс. человек, в том числе 76 тыс. татарского населения. В 1927 г. очередные стихийные бедствия – недород и землетрясение.

В конце Великой Отечественной войны под предлогом, что многие крымские татары активно сотрудничали с оккупационными властями, Крымская АССР была упразднена и вместо нее образована Крымская область в составе РСФСР. В 1954 г., в период борьбы за власть перед XX съездом КПСС, волевым решением Хрущева Крым передается Украинской ССР, а с 1992 г. является частью самостоятельной Украи-

³ Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. – Симферополь: Таврия, 1991. Комендантом Крымского ЧК был знаменитый советский полярник, дважды Герой Советского Союза и кавалер восьми орденов Ленина Иван Дмитриевич Папанин (1894–1986). Бывший чекист пишет в мемуарах «Лед и пламень» (1984, с. 66), что был одним из «санитаров революции». От многочисленных расстрелов «давила тяжесть не столько физическая, сколько моральная». Рекомендовала Папанина в ЧК Розалия Землячка, которую он называл своим главным ангелом-хранителем.

ны. Тогда в Крыму было принято единственно правильное решение о создании территориальной, а не национальной автономии, что спасло украинскую государственность от «балканизации».

Как отмечает Н.В.Багров⁴, понятие «коренной народ» для Крыма имеет относительный смысл. У большинства крымских народностей (татары, караимы, крымчаки, греки, армяне, болгары) есть большая родина, связи с которой в определенный период истории были утрачены или сведены к минимуму. В результате в крымском «плавильном котле» появились новые качества и традиции, что привело к появлению приставки «крымский». В отличие от Балкан, где народы на стыке цивилизаций были разведены по национальным «квартирам», в Крыму удалось избежать крупного этнонационального и этноконфессионального конфликта. Но микрокосмос Крыма всегда притягивал великие державы.

Желанный геополитический приз

В геополитических концепциях Всемирной революции, «жизненно-го пространства» и неолиберальной глобализации Крым рассматривается как главный приз для победителей. Существовал **геополитический проект создания Еврейской Советской Социалистической Республики**⁵, или «Крымской Калифорнии». Вероятнее всего, что он появился у большевистских вождей-евреев еще в период Гражданской войны. К 1917 г. на территории Российской империи проживало 5 млн. евреев, или больше половины всех евреев. После окончания Гражданской войны, сопровождаемой еврейскими погромами, советские евреи оказались в трудном положении, их хозяйства оказались непригодными к государственной экономике. Но, наряду с этой распространенной в советской историографии версией, была и другая, более весомая причина.

После провала экспорта русской революции в Европу и на Восток еврейские коммунистические вожди стали прагматично думать о геополитическом «призе» – новой земле обетованной – за их руководящую роль в Мировой революции, а также в революционном движении в России и Гражданской войне. И начали расчищать пространство для будущего еврейского государства к югу от Московской Руси, устроив геноцид в отношении российского и украинского казачества. В Центральной еврейской секции при ЦК РКП(б) была подготовлена запис-

⁴ Багров Н.В. Крым: время надежд и тревог. Мемуары. Без указания года и места издания.

⁵ «Записка о Крыме» на имя И.В.Сталина и В.М.Молотова о необходимости создания еврейской советской республики была направлена руководителями Еврейского антифашистского комитета в феврале 1944 года. (Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. Ред. Ш.Редлих и Г.Костырченко. – М.: Международные отношения, 1996, с. 136–139.)

ка в правительство о целесообразности еврейской земледельческой колонизации северного Крыма и казачьих земель юга Украины и России⁶. В 1923 г. в Советском Союзе появилась идея создания в Крыму, наряду с крымско-татарской, еврейской автономии в обмен на международную экономическую помощь. Один из проектов еврейской автономии включал, кроме Северного Крыма, украинское Причерноморье и Приазовье и российское Черноморское побережье Кавказа вплоть до Абхазии. По договоренности с советской властью главным источником финансирования программы переселения стала американская еврейская организация «Агро-Джойт», израсходовавшая на эти цели до 1938 г. 30 млн. долларов⁷.

Идея еврейской колонизации Крыма встретила противодействие местного крымско-татарского руководства, мотивировавшего свои действия возникшей необходимостью забронировать свободные земли для татар-эмигрантов. Переселение евреев вызвало обострение этнонациональной обстановки из-за земельного вопроса, имелись случаи погромов еврейских поселений. Планы по формированию еврейской национальной государственности были прерваны войной.

Геополитический проект Третьего рейха. Во время немецкой оккупации (1941–1944 гг.) при создании местных управ многие представители национальных меньшинств в Крыму (не только татары) стремились доказать свою лояльность новой власти и дистанцироваться от русских. В считанные дни от дружной семьи «советских народов» остались одни воспоминания. Но Берлин не собирался отдавать предпочтение местным меньшинствам, его планы были другие.

Экономистами Третьего рейха был разработан долгосрочный проект европейской интеграции после победы фашистской Германии над Советским Союзом, согласно которому Крым должен был получить название Готенланд (страна готов) и войти в состав Германской империи. Севастополь переименовывался в Теодорихсхафен. От Берлина до Винницы/Жмеринки и далее скоростная железнодорожная магистраль прокладывалась в Крым, здесь сооружался мост через Керченский пролив, и дорога шла через Кавказ в Персию. Крым превращался в один из крупнейших европейских курортов, райский сад, заселенный немцами из Палестины, Южного Тироля и Транснистрии.

В начале Великой Отечественной войны около 20 тыс. крымских татар было призвано в Красную Армию. За мужество и отвагу многие из них были удостоены высоких наград, а летчик Ахмет-хан Султан удостоен звания дважды Героя Советского Союза. При немецкой оккупации крымские татары

⁶ Чеботарева В.Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы. // Вопросы истории, 2006, № 12.

⁷ Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. – www.moscow-crimea.ru

создали татарский комитет и воинские формирования в помощь немцам для «охраны Крыма». В июле 1942 года на службе нацистов находилось восемь крымско-татарских батальонов. С помощью татар немцам удалось уничтожить несколько партизанских групп. Однако требование немцев – очистить Крым от партизан – татары не выполнили, и эта задача была поручена румынским воинским подразделениям⁸. Вместе с тем в партизанских отрядах сражались и крымские татары.

Крым был освобожден Красной Армией в мае 1944 г., после почти трех лет оккупации. В ночь с 17 на 18 мая по обвинению в сотрудничестве с нацистами были полностью депортированы крымские татары. Впоследствии эта участь постигла крымских греков, армян и болгар. Всего в 1944 году было депортировано 187,9 тыс. крымских татар, 9,6 тыс. армян, 15,0 тыс. греков, 12,4 тыс. болгар. В дальнейшем число депортированных увеличилось за счет демобилизованных воинов. Депортация оставшихся крымских татар и других народов (зачистка) продолжалась до 1948 года. В результате войны, оккупации и депортаций население Крыма уменьшилось втрое и составило к осени 1944 г. 379 тыс. человек.

В конце Второй мировой войны в Советском Союзе была **реанимирована идея создания еврейской автономии** на всей территории полуострова в обмен на американскую финансовую помощь в восстановлении разрушенной войной советской экономики. Создание Еврейской Советской Социалистической Республики в Крыму было исключительно выгодно для реализации США военно-стратегических и геополитических задач в Евразии. Этот проект рассматривался как непременное условие выплаты долга по ленд-лизу, как ключевое условие распространения «плана Маршалла» на Советский Союз. Американцы предложили инвестировать в экономику Крыма фантастический капитал в 10 млрд. долларов. При условии, что в новую союзную республику могли бы переселяться евреи со всего мира, а Крым будет объявлен демилитаризованной зоной. А по неподтвержденной информации Черноморский флот должен был перебазироваться из Севастополя в Одессу или на Черноморское побережье Кавказа⁹.

Проект обсуждался в июне 1944 г. во время встречи американского посла Аверелла Гарримана со Сталиным и Молотовым. Американцы предложили на пост лидера будущей еврейской республики Соломона Михоэлса (1890–1948), возглавлявшего во время войны Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Крест на Проекте был поставлен 30 июня 1945 г., когда Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область РСФСР¹⁰. В

⁸ Лашкевич Х.Г. Дневники (1941–1942 гг.) // Альманах «Москва–Крым», № 5, М.: 2003.

⁹ Горбачев С. Крымская Калифорния. // Остров Крым, 1999, № 5.

¹⁰ Руководители антифашистского еврейского комитета (АЕК), претендующие на руководящие должности в Еврейской ССР (С.М.Михоэлс и др.), были уничтожены или

дальнейшем Москва выступила в поддержку образования еврейского государства на Ближнем Востоке и позиция Советского Союза в ООН в 1948 г. предрешила создание государства Израиль.

В Крыму на Ялтинской конференции 1945 г. были заложены основы нового мирового биполярного порядка, включая принцип незыблемости границ. Но геополитические утраты установившегося баланса сил начались уже после смерти Сталина (Крым, Порт-Артур). В период перестройки в борьбе за власть Горбачев разрушает Ялтинский мир (распустил Варшавский Договор), не имея проекта нового мирового порядка. Символично, что первый и последний советский президент был временно пленен в Крыму. По мнению американских государственных деятелей, находившихся у власти в США в начале 1990-х годов, Ялтинский мир был разрушен из-за геополитического невежества советской власти.

В настоящее время с позиций геополитики абсолютно логично желание единственной американской сверхдержавы на военно-политическое присутствие в Черноморье. Впервые на это претендует не евразийская держава. Несомненно, в Восточной Европе главным призом Соединенных Штатов за победу в «холодной войне» будет военное присутствие в Крыму. Самоубийство Советского Союза представило оставшейся единственной сверхдержаве исключительный шанс для создания вблизи России геополитического «пояса верности». И здесь самыми последовательными союзниками стали украинские националисты.

Нужно отдать должное последовательной антиевропейской (американизм и «нацификация») и антирусской политике киевской националистической власти, которая справедливо считает, что она заслужила расположение Америки. Украина внесла весомый вклад в раскол восточноевропейского геополитического пространства, сыграв роль «пятой колонны» Запада. Стратегической целью украинских националистов является передача суверенитета Западу в обмен на свою легитимность. В политическом поле Украины, с учетом численности электората, они являются маргинальной силой, не способной самостоятельно осуществить украинизацию русскоязычных территорий. Поэтому заявленный курс на вступление в НАТО нужен националистам лишь в качестве фигового листка в борьбе за создание моноэтнического националистического государства на фундаменте панукраинизма. При этом озвученные объяснения причин вступления в НАТО рассчитаны на

репрессированы. Важной причиной послужило то обстоятельство, что руководители АЕК начали делить должности в руководстве будущей союзной республики. Как известно, государственный Сталин выступал последовательно против союзного устройства государства и пресекал любые попытки национального самоопределения в границах Советского Союза. За попытки усилить роль Российской Федерации были расстреляны ленинградские партийные деятели, русские по национальности.

наивных дураков. От сказки о том, что на территории Украины не будет американских баз, до светлого будущего и качества жизни под ангельскими крылышками военного блока, когда вступление в НАТО позволит украинцам пить экологически чистую воду из водопроводного крана.

Не стало и не станет преградой для экспансии США в Черноморский регион и международное право. Согласно Конвенции Монрё о статусе Проливов (1936) за торговыми судами всех стран сохраняется свобода прохода через Черноморские проливы как в мирное, так и в военное время. Для кораблей нечерноморских государств введены существенные ограничения по классу, тоннажу и срокам пребывания. В Черном море не могут размещаться военно-морские базы третьих стран. Поэтому Соединенные Штаты, которые во имя «безграничной справедливости» могут нарушить любой международный акт, нашли и здесь выход. Вопреки распространенному мнению об американских военных базах, в Болгарии и Румынии де-юре их нет, а де-факто они именуются объектами совместного использования под местным флагом и командованием. Американская армия только использует эти базы без арендной платы в тренировочных целях с частой ротацией военнослужащих¹¹. Чтобы они смогли изучить потенциальный театр военных действий в целях защиты очередной «зоны жизненных интересов» США.

Соединенные Штаты никогда не откажутся от военного присутствия в Восточной Европе (Украине), чтобы не допустить усиления Германии и России в глобальной конкуренции и завершить геополитическую агонию России. В военно-политическом пространстве стратегической целью США является недопущение военного союза Украины с Россией и сохранение элементов конфронтации между «братьями славянами». По оценкам многих американских политиков и аналитиков (а не только Бжезинского), в этом заключается главная геостратегическая задача США в Восточной Европе.

Утвержденный Конгрессом США в марте 2007 г. Законопроект о расширении НАТО позволяет превратить Севастополь в американскую базу НАТО уже в 2012 г., а не в 2017 г., когда заканчивается договор с Россией об аренде. Фактически упрощается задача поддержки со стороны США националистов у власти в Киеве всего на ближайшее пятилетие. Верхняя палата американского Конгресса 19 мая 2008 г. вновь единогласно утвердила резолюцию сената от 28 апреля № 523 в поддержку стремления Украины и Грузии стать членами НАТО, принявшего обращение к министрам иностранных дел стран – членов НАТО о необходимости присоединения Украины и Грузии к ПДЧ.

¹¹ Попов А. Иностранные военные базы в Украине возможны. // Еженедельник 2000, 20–26 июня 2008 г., <http://bulgaria.usembassy.gov>

Согласно геополитической логике, после того, как Соединенные Штаты обрушили «ценности демократии» на Балканы и Афганистан, следующим в Евром мире протекторатом единственной сверхдержавы должен стать Крым. Он превратится в «непотопляемый» броненосец американской геополитики в Евразии и позволит осуществлять контроль за ракетно-ядерными силами России и нарушениями принципов «честной» российской демократии, контроль над энергетическими коммуникациями из России, Каспия и Большого Ближнего Востока в Европу.

Как известно, после 2017 г. возможен исход из Севастополя российского Черноморского флота. Свято место пусто не бывает. Самостийная Украина, где успешно был разграблен торговый флот, не способна создать крупные военно-морские силы. После ликвидации российской военно-морской базы в Севастополе осуществится мечта Пентагона обосноваться в «сердце» Черноморья. Будет создан американский форпост в Крыму, военно-морская база США разместится в Севастополе (после ухода русских моряков), а в крымских степях – военно-воздушная база.

Вряд ли Севастополь станет городом американской славы, по той же причине, по которой не стали Сайгон, Белград, Кабул и Багдад. Но эффективно дестабилизировать обстановку в новой зоне «жизненных интересов» самая «правильная» страна в мире может. И тогда украинские националисты потеряют все, включая награбленное советское добро, хранящееся в сундуках на персональных еврохуторах.

Американское военное присутствие в Крыму нарушит военно-политический паритет в Черноморье. Против выступает мусульманская Турция. Казалось бы, парадоксальная ситуация. Турция является членом НАТО, но американских баз на ее территории нет. Когда-то Черное море было внутренним озером Османской империи, затем доминировала военно-морская мощь Российской/Советской империи. После распада последней здесь главенствуют военно-морские силы Турции. И Анкара, исходя из чувства суверенного достоинства, не желает здесь видеть янки. Чтобы избежать конфликта с союзницей по НАТО, создание мусульманского Крымско-татарского государства позволит Америке устранить трения с Турцией. Ну а что же будет делать Россия?

Останется ли Севастополь городом русской славы?

С упорством достойного другого применения в России эксплуатируется этот миф. В прошлом Севастополь действительно был городом славы, но не только русских, но и украинцев, и других народов империи. В условиях знаменитого российского бездорожья¹² регулярная армия во время Крымской войны пополнялась в основном выходцами из Новороссии и Малороссии.

¹² Обычно курьер покрывал расстояние от Санкт-Петербурга до Крыма за 10–14 суток.

После Великой Отечественной войны длительное время Севастополь не являлся субъектом государственного устройства, оставался в составе Крымской области, с которой и был передан Украинской ССР в 1954 г. С 1948 г. Севастополь был самостоятельной административно-хозяйственной единицей и выделялся с 1949 г. отдельной строкой в законе о бюджете РСФСР, а с 1955 г. – в законе о бюджете УССР. Только в Конституции УССР 1978 г. Севастополь, наряду с Киевом, выделяется как город республиканского подчинения советской Украины. В Конституции РСФСР к этой категории были отнесены Москва и Ленинград. Что было зафиксировано даже в школьных учебниках по географии. В Большой Советской Энциклопедии (третье издание) написано: «Севастополь, город республиканского подчинения Крымской области УССР» и точка.

Проблема Севастополя берет отсчет с падения Порт-Артура, ознаменовавшего начало распада Российской империи. В настоящее время **военно-политическое положение Крыма** характеризуется утратой Российской Федерацией своих позиций. В результате дележа военноморского флота между Россией и Украиной Восточная Европа впервые после падения Османской империи утратила военный паритет в Черноморье. Черноморский флот России, дислоцированный в основном в Севастополе, вместе с украинским флотом уступают по боевой мощи турецкому флоту в 4,5 раза и Шестому американскому флоту в Средиземноморье – в 20 раз.

В интервью о возможном вступлении Украины в НАТО бывший российский президент пообещал направить ракеты на Украину. Как будто в Кремле не знают, что американские базы будут размещены в Крыму и Новороссии. И лучшего подарка самостийным националистам не будет, если русские Украины будут уничтожены российскими ракетами, а не за счет постепенного выдавливания русского языка и культуры.

Закономерно, что в стране Большой трубы и шоу-бизнеса очередной российско-украинский конфликт после многоголосного пустословия завершается телевизионным шоу. Позиция Московского Кремля, последовательно сдающего геополитические позиции, напоминает бесконечные словесные предупреждения коммунистического Пекина в адрес «бумажного тигра» сорокалетней давности¹³. Московскому Кремлю каждый раз что-то или кто-то мешает дать адекватный ответ. Возможно, из-за опасности потерять дополнительное место в нелегитимном с позиций международного права клубе «Большой семерки». Или власть имеет реальное представление о состоянии военно-промышленного комплекса, отличное от ежедневных оптимистических телевизионных картинок на эту тему.

¹³ Сегодня китайская власть и общество молниеносно реагируют на любые недружественные проявления из-за рубежа, независимо от того, от кого они происходили – со стороны президента западноевропейского государства или американской актрисы.

Российские аналитики аргументированно подчеркивают, что было бы неоправданным рассматривать решение Бухарестского саммита НАТО как победу российской политики и дипломатии. Украина потеряна для России в качестве стратегического партнера¹⁴.

Последнее падение Севастополя будет самым болезненным ударом не только по имперским амбициям Москвы. Хотя Крым для России уже был потерян де-юре после Беловежского сговора, вступление Украины в НАТО и приход американцев в Севастополь будет, несомненно, огромным психологическим ударом по России. Станет вершиной окончательного унижения России после распада Советского Союза. Исход русских из Крыма и Севастополя будет означать окончательный распад православной цивилизации и приведет к дестабилизации в России, особенно на Северном Кавказе. Вступление Украины в НАТО явится самым сильным психологическим ударом по российскому менталитету¹⁵. Не только миллионы русских окажутся в сфере влияния западной цивилизации, но произойдет окончательный раскол православной церкви и усиление западного христианства и его передового «ордена» – евангелистского фундаментализма. Уже в настоящее время украинская националистическая власть выдавливает из Крыма не только русскую культуру, но и каноническое православие. Вакансии в местных приходах замещаются молодыми священниками с Западной Украины.

Наступление западного христианства, наряду с углублением капиталистических отношений (индивидуализации человека), приведет к психологическому дискомфорту православного человека, лишенного общинного (коллективного) самосознания. И, в конце концов, у него возобладают чувства крови и почвы в самой очевидной их форме – радикальном национализме. Таким образом, украинская власть получит вместо идеологии галичанского панукраинизма национализм Новороссии и радикализацию русского и крымско-татарского движения в Крыму. Это сделает абсолютно невозможным формирование украинской нации и приведет к этнонациональным и этноконфессиональным конфликтам и, в конце концов, завершится распадом государства. Русские украинцы окажутся примерно в том же положении, в котором находились западные украинцы в составе Польши и Австро-Венгрии. Каким будет реальный сценарий, нынешняя украинская власть не способна просчитать.

Сегодня понятны чувства российского патриотизма по отношению к Крыму и Севастополю, его героическим защитникам. Но, приобретя Крым, Россия на протяжении двух веков упорно шла к его утрате.

¹⁴ Денисов А., Савкин Н. Россия и НАТО – диалог на перепутье // Вестник аналитики, 2008, № 2.

¹⁵ Дергачев В. Демократическая «петля Анаконды»: новые рубежи евразийской геополитики США // Вестник аналитики, 2007, № 3.

Страна интенсивной исторической жизни была изъята из средиземноморского культурно-исторического пространства. Полуостров на долгие годы превратился в глухую провинцию и военно-морскую крепость на южных рубежах империи.

Поэт и философ Макс Волошин, чья жизнь и творчество пронизаны энергетикой Тавриды, дал следующую оценку: «Крым – слишком мало для России и, в сущности, почти ничего, кроме зла, от русского завоевания не видел за истекшие полтора века. Самостоятельным он быть не может, так как при наличии двенадцати с лишним народностей, его населяющих, и притом не гнездами, а в прослойку, он не в состоянии создать никакого государства. Ему необходим «завоеватель» (письмо к А.М.Петровой от 10 мая 1918 г.)¹⁶. Эта же мысль содержится в стихотворении «Дом Поэта» (1926):

*За полтораста лет – с Екатерины –
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.*

Утрата лидирующих позиций в черноморской торговле. На протяжении тысячелетий главной экономической функцией Крыма в многомерном коммуникационном пространстве Евразии была свободная торговля. За двухсотлетнее вхождение полуострова в российское геополитическое пространство этот коммуникационный узел был разрушен. Из-за вечной российской проблемы (плохих дорог) и ограниченности связей с внутренним рынком не удалось поднять торговую значимость крымских городов. В Крыму вблизи руин вольного Херсонеса, откуда самый короткий путь к Босфору, была создана крупнейшая военно-морская база, а южными торговыми воротами империи стала Одесса, правопреемница торговых функций Крыма.

Последствия депортации коренных народов Крыма. Крупномасштабная депортация крымских татар и других местных народов подорвала фундамент местной экономики. Лишившись большинства торгового и земледельческого населения, адаптированного к местным условиям, Крым пришел в запустение. 18 августа 1944 г. в целях заселения полуострова и быстрее освоения плодородных земель ГКО принимает решение переселить в Крым из различных областей РСФСР и УССР «добросовестных и трудолюбивых колхозников». К середине XX столетия коренное население Крыма практически заменили мигранты. Они принесли другую культуру земледелия, что в сочетании с чрезмерным развитием промышленности, особенно химической, привело к дефициту пресной воды, засолению почв, антропогенному загрязнению. Русские мигранты жаловались администрации, что плохо растет «картоха». Была разбалансирована местная, существующая

¹⁶ Цит. по: Пинаев С. Максимилиан Волошин, или себя забывший Бог. – М.: Молодая гвардия, 2005, с. 468–469.

щая тысячелетия экологическая система: пресные подземные воды – орошаемое земледелие – питьевая вода.

Экологическая катастрофа. Рубежность ландшафтов, теплое лето, мягкая зима, чистый воздух, напоенный ароматом горных лесов и степных трав, близость моря создают неповторимое сочетание природно-климатических ресурсов. Это хрупкое равновесие между человеком и ландшафтом было нарушено во второй половине XX столетия. К распаду Советского Союза, несмотря на титанические усилия по переброске днепровской воды, Крым был на грани экологической катастрофы. Экологическое бедствие терпит Южный берег Крыма. При отсутствии крупных инвестиций с каждым годом усиливается роль природно-стихийного фактора (оползни, разрушение дорог, берегов и пляжей, дефицит питьевой воды, гибель архитектурных памятников и уникальной флоры). Многие возведенные сложные инженерно-природные системы в береговой зоне могут в процессе саморазрушения вызвать техногенные катастрофы.

На фоне широко обсуждаемой в России проблемы «города русской славы» Севастополя и раздела Черноморского флота практически незамеченным оказался «дрейф» Новороссии. Это самый крупный «отколовшийся» геополитический «остров» с преимущественно русскоязычной культурой¹⁷. Россия, второй раз в XX веке после трагедии дальневосточной Желтороссии и русского Харбина, демонстрирует приоритет «железа» (дележа железной дороги и флота) над судьбами русскоязычных территориальных общин.

Полигон испытания украинской государственности

После провозглашения независимости Украины в Крыму проживало 2,5 млн. жителей, из них 1,7 млн. русских, 624 тыс. украинцев, 126 тыс. крымских татар, а также 50 тыс. белорусов и 17 тыс. евреев. За последнее два десятилетия число русских уменьшилось с 65,6 до 58,3%, а число крымских татар возросло с 1,9 до 13%. Русский язык считают родным 77% населения Крыма, украинский язык – 10,1%, а татарский язык – 11,4%. Две трети крымских татар считают себя мусульманами.

Во всесоюзной специализации Крым выделялся курортно-рекреационным хозяйством, как главная южная военно-морская база и часть военно-промышленного комплекса. С падением «железного занавеса» Крым оказался не только в другом государстве, но и возвратился после

¹⁷ Новороссия до революции не входила в состав исторической Украины (Малороссии). По требованию В.И.Ленина и Я.М.Свердлова местные партийные организации РСДРП(б) в целях создания «единого фронта против австро-германских империалистов» перешли вместе с подведомственными территориями от РСФСР к УССР. (Гуров И. Новороссия – земля руссоукраинцев // Обозреватель, 1992, № 2–3.)

двухсотлетнего «затворничества» на северную периферию средиземноморского геоэкономического пространства, где его хозяйство оказалось неконкурентоспособным, а исторические функции транзитной торговли утрачены. Индустрия отдыха и экология требуют огромных инвестиций, которыми Украина в обозримом будущем не будет располагать.

Украинские организованные партийные группировки после прихода к власти в Киеве ведут между собой, как агрессоры, ожесточенную борьбу за крымскую курортную собственность и участки земли. ЮБК становится «серой курортной зоной» Черноморья с разрушающейся инфраструктурой и возводимыми еврохуторами, принадлежащими «слугам народа». В ближайшем будущем курорты Крыма окончательно утратят лидерство в Черноморском регионе. Крупные инвестиции будут направлены в развитие Большого Сочи, где состоятся зимние Олимпийские игры 2014 г., и из консолидированного бюджета ЕС – на развитие румынских курортов.

Бедное украинское государство криминально-коррупцированной демократии с идеологией панукраинизма не сможет на протяжении длительного времени удерживать без внешней помощи в своих границах полиэтнический Крым. Поэтому самой неотложной задачей для Вашингтона является сохранение в Киеве прозападной власти националистов до завершения российской аренды Севастополя. Или в результате «управляемых» политических кризисов получить от «патриотов» отечества досрочное приглашение Киева на защиту «честной» демократии. Детонатором «балканизации» Крыма может стать попытка националистической власти в Киеве лишить Крым территориальной автономии и преобразовать в административную область. Это спровоцирует усиление радикализации крымско-татарского и русского движения в Крыму.

Крымско-татарское государство под американским протекторатом. Крым является месторазвитием крымских татар, адаптированных к вскормившим их ландшафтам и выработавших экологически сбалансированное отношение человека и природы. Под покровом Османской империи, правопреемницы Византии, прошел золотой век культуры крымско-татарского народа, превратившего родину в цветущие сады и виноградники.

В настоящее время в Крыму особенно остра проблема вернувшихся на родную землю крымских татар¹⁸. Курултай крымско-татарского народа еще в 1991 г. принял «Манифест о национальном суверенитете крымско-татарского народа». Политические группировки украинских нацио-

¹⁸ В конце 1970-х годов у Кремля появился план создания в южном Узбекистане Мубарекской автономной республики крымских татар взамен утраченной родины. Но идея искусственного воссоздания «земли обетованной» не была воспринята крымскими татарами. (Багров Н.В. Крым: время надежд и тревог. Мемуары. Без указания года и места издания.)

налистов («Рух», «Наша Украина») в тактической борьбе за власть традиционно делали ставку на крымских татар, каждый раз не выполняя своих обещаний. У последних заканчивается терпение, и они все чаще прибегают к силовым действиям по захвату земель. Пока Киев борется с «русским сепаратизмом», набирает силу татарское движение, ориентированное на радикальный ислам. Крымско-татарский фактор используется в большой геополитической игре против России. Крымских татар поддерживают международные неправительственные фонды.

Вне всякого сомнения, в ближайшие годы умеренные лидеры крымско-татарского «Меджлиса», делавшие ставку на украинских националистов, потерпят окончательное поражение и будут сметены радикальными лидерами, выступающими под лозунгом национальной государственности. И они ее реально могут получить не от Киева, где идет непрекращающаяся борьба за власть, а от США и НАТО. Как показывает балканский опыт, этническое преимущество русских в Крыму может быть изменено в пользу крымских татар в результате движения «прогрессивной» международной общественности за возвращение всех крымских татар на свою Большую Родину не только из России, но и из Турции и других стран. И численность татар в Крыму за короткий срок может быть увеличена с 13% до доминирующих величин. По опыту косовских албанцев параллельные органы власти крымских татар уже существуют и могут быть преобразованы в действующие институты управления. Радикальные группировки ведут подготовку боевиков, которые в «час X» могут составить ядро Армии освобождения Крыма во главе с «честными» и «демократически» ориентированными полевыми командирами. Евroatлантическое сообщество поддержит право крымско-татарского народа на политическое самоопределение¹⁹.

В качестве главного дестабилизирующего фактора в Крыму выступает не Черноморский флот, а власть в Киеве. Если украинские националисты доведут страну до распада, после многолетней гражданской войны на Украине Соединенные Штаты выступают в роли главного миротворца и будут подписаны очередные Дейтонские соглашения. Российский Черноморский флот уйдет из Севастополя, а военно-морская база будет предоставлена на основе долгосрочной аренды Соединенным Штатам.

Крым, возможно, не будет ни российским, ни украинским. Когда двое дерутся – выигрывает третий. Мировая империя «добра» поддержит стремление крымских татар к независимости. Будет провозглашена Крымско-татарская государственность под американским протекторатом²⁰. Начнется массовый исход русских с полуострова, дестабилизирующий обстановку в России. Протесты русского Крыма будут

¹⁹ Олег Рябцев. Косово и Крым // <http://odnarydyna.ru/articles/1/37.html>

²⁰ Двадцать лет назад тоже было немыслимым представить американские базы на территории югославской республики Сербии и возможную независимость Косова.

подавлены силой. Этническая чистка будет сопровождаться грабежом и насильным захватом собственности, разрушением православных церквей и монастырей. В Косово Соединенными Штатами уже эффективно отработаны технологии, позволившие в короткий срок «организовать» массовый исход сербов и уничтожение православных храмов при прямом попустительстве западных «миротворцев». Тем более, что в отличие от косоваров, этнически близких к албанцам, у крымских татар нет другого национального государства.

В Крыму с приходом американцев, по сложившейся традиции (Албания, Косово, Афганистан), будет создан крупнейший транзитный узел наркотрафика. Американские спецслужбы договорятся с местными полевыми командирами, чтобы те не отстреливали янки, за это будут закрывать глаза на криминальный наркобизнес, несущий смерть в Россию и Европу. Курорты Южного Берега Крыма придут в запустение, так как с исходом русских уйдет и традиционный российский турист и отдыхающий. Других желающих отдыхать в криминальном протекторате практически не будет.

А что Россия? Реалии таковы, что за последние два десятилетия Россия не только утратила большинство союзников, но даже в отношении разделенной русской нации не имеет четкой политики.

Русское государство. После возможного распада Украины в Крыму с помощью Черноморского флота может быть провозглашено Русское государство. Но под давлением Запада Россия вряд ли поддержит диаспору. Утопичен сценарий, описанный Василием Аксеновым в романе «Остров Крым». У Белого дома нет планов создания еще одного русского государства под американским протекторатом.

Осуществить полное геополитическое и духовное разъединение русских и украинцев можно, лишь вытеснив Россию из Крыма и Севастополя, что будет окончательным решением Восточного вопроса. Кроме того, Крым и Кавказ геополитически всегда были абсолютно неразрывно связаны и опирались на российские позиции на Черном море: «Если бы Россия не сдала Севастополь, Чечня была бы невозможна, как и претензии спешно переселяемых на турецкие деньги крымских татар. Не был бы возможен мятеж косовских албанцев, поддержанный Западом, – этот второй после Чечни (явно тщательно подготовленный и скоординированный по всем Балканам) акт драмы на поствизантийском пространстве»²¹.

Является наивным заблуждением, что возможен российско-украинский диалог на основе европейской логики с националистической властью Киева. Радикальные националисты пойдут до конца, если даже во имя своей цели они разрушат государство. И их устремление в НАТО не остановят никакие угрозы свертывания военно-технического сотрудничества или введения визового режима со стороны России. И

²¹ Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. – М.: Международные отношения, 2003, с. 441–442.

лучших, чем украинские националисты, стратегических партнеров для американских буреизвестников демократии невозможно найти. Россия же в очередной раз ошиблась, сделав в недавнем прошлом ставку на олигархическую Партию регионов, не только предавшую свой электорат на Юге и Востоке Украины в отношении вступления в НАТО и статуса русского языка, но и идущая на сговор с националистами. По существу, эта Партия преданных регионов, пользующаяся, как и все «честные» демократы, советами заокеанских политехнологов, сыграла роль американского «тройного коня», превратив в политическую пустыню русскоязычную Украину.

После геополитического самоубийства кулаками не машут

Ошибочное утверждение о распаде СССР как геополитической катастрофы затрудняет восприятие очевидного – Советский Союз закончил свое земное существование самоубийством. И сегодня попытки по-другому интерпретировать произошедшее недостойно великой российской державы. Тем более, что прошло больше десятилетия после подписания украинско-российского договора о дружбе.

В современной геополитической трансформации Восточной Европы Крым занимает особое место, испытывая на прочность православную цивилизацию, геополитическую мощь России и целостность украинской государственности. В начале XXI столетия долгая дорога русских и украинцев к черноморским рубежам, за которую заплачено дорогой ценой, закончилась утратой геополитических и геоэкономических позиций славянского мира в Черноморье. В обозримом будущем геополитическая обстановка в регионе будет характеризоваться проблемами вступления Украины и Грузии в НАТО и возможной «балканизацией» Крыма.

Россия и США являются гарантом целостности Украины. Согласно геополитической логике объяснимо стремление единственной сверхдержавы к военно-политическому присутствию в Крыму – важнейшем коммуникационном евразийском полюсе. Черное море становится зоной «жизненных интересов» Соединенных Штатов, что уже по сложившейся традиции может превратить его в самый нестабильный регион в Евразии. Америка никогда не откажется от военного присутствия в Черноморье, независимо от того, кто будет хозяином Белого дома. Вне всякого сомнения, главным призом за победу в «холодной войне» будет военное присутствие США в Крыму. Так же, как к этому стремились в прошлом все мировые державы. Учитывая постоянную конфронтацию в российско-украинских отношениях, существует большая возможность реализации этого сценария.

В отличие от Соединенных Штатов, сделавших ставку на украинский национализм, Российская Федерация не имеет четкой политики в отношении Украины. На фоне американского прагматизма, граничащего

иногда с цинизмом, Кремль проявляет неслыханную политкорректность в отношении русских в ближнем зарубежье. На российско-украинских встречах на высшем уровне, как правило, не поднимается вопрос о положении 10 млн. русских на Украине, преимущественно в Новороссии. За геополитикой «Большой трубы» Украина видится из Кремля как транзитное государство, а не самое большое за пределами пространства русского языка и культуры. Если Кремль проиграет последнюю битву за Восточную Европу и целостность православной цивилизации, можно будет поставить крест на возрождении великой державы.

Время не стоит на месте. **Современная геополитическая мощь государства определяется, в первую очередь, не материальными ресурсами, а силой духа.** Соединенные Штаты эффективно используют технологии новейшей геополитики, направленные на подрыв силы духа возможного противника или конкурента. А, как известно, **высшей формой проявления человеческого духа является язык и вера, ставшие геополитическими категориями.** Сегодня, чтобы подорвать мощь страны, не обязательно разрушать материальные объекты, главным направлением удара является разрушение пространства языка и национальной культуры, перекодировка православной цивилизации. А рубежная русская культура и русский язык пока остаются самым величайшим завоеванием и стратегическим ресурсом России, ее главным энергоносителем. Поэтому защита русского языка и культуры, канонического православия должна стать приоритетной во внешней политике Московского Кремля.

Внешняя политика России должна быть ориентирована на поддержание целостности и возможного нейтралитета и федерализации Украины, защиту последнего самого крупного зарубежного форпоста русского языка и культуры. Россия не сможет вернуть всех русских на большую родину, но она может стать привлекательной державой и региональным интегратором, если продемонстрирует успешную модернизацию и трансформирует олигархическую модель государства в социально ориентированную. И станет притягательной для интеграции других народов.

Будущее Украины зависит не только от возможных путей преодоления кризиса государственности, но и создания геополитического баланса внешнеполитических векторов в треугольнике ЕС – США – Россия. Если Украина выберет вместо нейтралитета проамериканскую или пророссийскую сторону, она будет разорвана без особого сожаления для основных геополитических игроков в Восточной Европе.

Крым вновь может стать у истоков созидательного развития или вражды на рубежах цивилизаций. Игнорирование этих реалий, популизм, откуда бы он ни исходил, опасен для его геополитической судьбы. Нужно спешить предвидеть возможные варианты развития событий, чтобы своевременно предвидеть опасные тенденции, помня «забытый гул погибших городов» Тавриды.

Павел ГУРЕВИЧ

ОБ ИЗНАНКЕ ФЕНОМЕНА

Порой кажется: вот она, национальная идея, негаданная, влекущая, уже нарождается, крепнет, готовится взмыть. Все ее призывают, и она, еще чуток, кажется, отзовется.

...Внушительно напоминает о себе смертоносное оружие, развернутое во всю мощь на военном параде. Россия, поднимайся с колен! Неожиданную правду-матку слышат из уст руководителя державы зарубежные политики. Знай наших! Футбольные фанаты оглашают окрестности неистовым ревом. Россия, вперед! Призывает к сбережению народа писатель, все еще числящийся властителем дум. Приступив к своим обязанностям, только что всенародно поддержанный глава государства заявляет о неотъемлемости правового сознания и верховенстве права...

И каждый всплеск национального воодушевления сам по себе хорош. Но нет в нем, в этом накате, настоящей и окончательной правды. Нет размаха и неукротимости. Не рождается ощущение всеобщего полета. И мог бы этот всплеск вознести страну, но мешает инфляция, происки врагов, рост нищеты, разложение правящей элиты, коррупция... Не формулируется национальная идея, не предъявляет себя.

А ведь есть-таки, наверное, такое слово, которое способно всколыхнуть нацию, увлечь ее, поднять ярость масс, как говорилось у известных писателей. Есть, но почему-то не обнаруживает себя, не складывается, не заявляет себя в своей прельстительной наготы, как полуобнаженная Свобода на парижских баррикадах. А сколько трудов положили. Собирали титанов мысли на загородной вилле, вызвали к интеллигенции и делали даже откровенные подсказки. Вот, мол, путеводная нить, а дальше качайте энтузиазм в заданном русле – справедливости, социальной защиты, заединства, правовой огражденности.

Увы, национальная идея не рождается на заказ. Она вырастает из глубин народного сознания и в положенное ей историческое время поддерживается социальной реальностью, фактическим положением дел. Представляется также, что она, национальная идея, в известной степени анонимна. Иначе говоря, никто не знает, кому принадлежит авторство, скажем, американской мечты или британского колониального величия.

Национальная идея – феномен исторический, судьбический.

Социальные философы давно признали, что национальная идея играет огромную роль в политической практике. Так назвали одухотворенную интегративную концепцию национального самосознания. Она выражает судьбу данного народа — этноса, его предназначения и мобилизует огромную национальную энергию для реализации поставленных целей.

Национальная идея как оправдание оппозиции усиливающемуся государству возникла не сразу. Даже в Англии, отражающей по уровню социально-экономического развития другие европейские страны, такая идея выкристаллизовалась лишь в первые десятилетия XVII в. в условиях конфликта между короной и парламентом, представляющим «страну» и защищавшим древние права и вольности англосаксонской нации от монархии.

Во Франции национальная идея также сформировалась в условиях конфликта с абсолютизмом и восторжествовала во время Французской революции, однако приобрела весьма специфическое содержание: нацию стали рассматривать не столько как особую группу людей, обладающих общей «культурной сущностью», особыми правами и привилегиями, сколько как совокупность граждан, обладающих универсальными общечеловеческими правами и составляющих источник законной власти. Этот универсализм не позволил национальной идее во Франции преобразоваться в националистическую доктрину.

Таким образом, национальная идея является неременным, но недостаточным элементом националистической доктрины, акцентирующей своеобразие нации, хотя и может утверждать универсальные принципы.

Националистические доктрины, как и «национальная идея», возникали как идейное обоснование оппозиции государству. Даже европейский «объединительный национализм» XIX в. в Германии, Италии и Польше, провозгласивший своей целью создание единого национального государства, был движением оппозиционных элит и имел ограниченную поддержку в массах.

Большинство авторов оценивает национальную идею как феномен положительный. Она консолидирует нацию, обеспечивает единство и прорыв в новое цивилизационное пространство. Но мало кто прослеживает развитие национальной идеи, ее логику, становление и вхождение в период, когда она утрачивает почву и влияние и начинает давать парадоксальные всходы. Иначе говоря, феноменология национальной идеи как духовного явления, по сути дела, не исследована.

Можно ли удивляться в связи с этим, что в современной политической практике национальная идея опущена, девальвирована. Отечественные философы, изучавшие русскую идею, ценили в ней, прежде всего, духовно-мессианское начало. Никто не рассматривал национальную идею, скажем, в аспекте чистой экономики или в плане усиления страны на международной арене.

Такое толкование этого феномена показалось бы Н.А.Бердяеву, Б.П.Вышеславцеву, В.В.Зеньковскому, П.А.Сорокину, Г.П.Федотову, Г.В.Флоровскому и другим русским мыслителям не только дилетантским, но и попросту обесцененным. Русский философ Н.Я.Данилевский полагал, что в будущем Россия станет передовой экономической державой. Но он не называл это национальной идеей. Это была, скорее всего, экстраполяция

наметившихся тенденций. Когда же речь заходила о национальной идее, возникала совсем иная стилистика, другой метафизический план. Г.П.Федотов писал о пробуждении дремлющего до сих пор национального самосознания, Н.А.Бердяев рассуждал о напряженных духовных и социальных исканиях. Г.В.Флоровский оттенял в философском пробуждении благочестие. Б.П.Вышеславцев толковал о гражданской и правовой свободе. Русские философы полагали, что предназначение народа является его жребием, предначертанием Бога. В.С.Соловьев писал о том, что идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности...

В 1857 г., когда страна готовилась к неизбежным реформам, великий русский поэт и мыслитель Ф.И.Тютчев писал: «С моей точки зрения, все будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная ее осуществить, выше в нравственном отношении? Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений, ее нравственного и религиозного credo... Отвечает ли власть России всем этим требованиям? Какую веру исповедует и какому правилу следует?»

Как поразились бы, надо полагать, эти мыслители, прознав, до какой утилитарности доведена сегодня рефлексия о национальной идее. Кое-кто утверждает, что достаточно России стать газовым жандармом – и в качестве вечного поставщика энергетических ресурсов страна духовно всколыхнет нацию. Другие запальчиво толкуют о том, что надо реанимировать ВПК. Вот оно, национальное призвание – поставлять танки и самолеты для разрешения локальных конфликтов, но, разумеется, в те места, которые далеки от наших государственных границ. Как будто локальные распри не чреваты глобальным окрасом и нет такой войны сегодня, которая не коснулась бы любого землянина, где бы он ни проживал. Но на идейный рынок брошены и другие идеи. Назад к земле, к почве, которая дышит рядом с судьбой. Наладим безостановочное производство зерна. Наше спасение не в газе, а в пшеничке. Но где же на земле те аграрные страны, которые достигли богатства и благоденствия? Все же можно помыслить национальную идею в более современном ключе. Спасение принесет наука, которая предложит какую-нибудь неслыханную электронику, что-то вроде биочипов, нанотехнологий или унитарной квантовой физики. Тогда держись, Америка или Китай. Смог же Сингапур научить Китай новым методам хозяйствования. А мы что же... Весь комментарий в данном случае укладывается в незатейливую фразочку – «Мечтать не вредно...».

И если говорить о врожденном дефекте всех этих современных исторических проектов, то нетрудно заметить, что в них нет ценностного измерения. В расчет берется экономическая логика, финансовая конъюнктура, внешнеполитический расклад. Нет только духовного пласта, морального напряжения, метафизических исканий. Можно подумать, будто национальная пассионарность провоцируется сводкой последних биржевых новостей. Но было ли такое в истории?

Каким образом все-таки великое Провидение выносит на историческую арену национальную идею? Чем обусловлено национальное пробуждение? Откуда берутся немыслимые катализаторы духа и исторического взлета?

Великий исход пророка Моисея

О Великом законодателе Израиля создано много легенд, мифологических сказаний, научных исследований. Не обошлось и без домыслов. Фрейду, к примеру, поместилось, что Моисей вовсе не был евреем, а был египтянином. На протяжении столетий ученые пытались отсеять из потока материалов сведения исторического характера. Они пытались создать хоть приблизительный, но реальный портрет этой грандиозной личности. Фигура Моисея актуализирует важнейшие аспекты истории, культуры, религии. Через эту фигуру осмысливаются философские и нравственные основы для возникновения и развития целых цивилизаций.

Юнг раскрывает огромную роль мифа в человеческой истории. Но он в то же время показывает, что миф — это не фикция. Он состоит из непрерывно повторяющихся фактов, и их можно наблюдать снова и снова. Миф сбывается в человеке, и все люди обладают мифической судьбой не меньше, чем греческие герои.

Моисей представлен в истории как «культурный герой». Греческая философия подчеркивала в нем характер Воспитателя народа — носителя высшей человеческой морали. Римская мифология углядела в нем черты строгого законодателя Ликурга или аскетичного царя Нумы Помпилия. Новоевропейская традиция ставила на первое место праведность Пророка — неутомимого сокрушителя ереси.

В каждом из таких мифоисторических документов, как «Труды и дни» Гесиода, диалоги Платона или древнееврейские тексты, четко различается естественный этический порядок и сверхъестественный, или моральный порядок. Когда древние размышляли о смысле истории, они были убеждены в том, что когда Богу было необходимо высказать свое мнение, он делал это при помощи событий. История, следовательно, рассматривалась как последовательность событий, являющих собой послание Бога. Могли ли древние евреи остаться в египетском рабстве? Могли, если бы Пророк не донес до них волю Бога и не позвал их в мучительный исход. Но и в этом контексте воля каждого иудея становилась экзистенциальным актом. Сошлось все — Божье повеление, муки рабства, тоска по свободе и единению.

Рассказ о великом Моисее — это поэма освобождения от гнета, история массового единения, исхода из рабства. Об этом с восторгом писал немецкий просветитель Г.Лессинг. Многие поколения черпают вдохновение в этом великом мученичестве ради свободы. Но обозначилась и разница в интерпретации Божьего послания. Многие политические группы, игнорирующие друг друга, пытались сформулировать свою точку зрения на три принципиальных вопроса: о смысле истории, о личности Мессии и о природе Израиля, «народа Божьего». Для христианских теологов главным событием было явление Иисуса. В качестве доказательства выступал аргумент: обращение в христианство империи, дотоле выступавшей в качестве его гонителя. Наступала новая эра: Царство Божье на земле. Поэтому, обращаясь к книге Бытия, христианские теологи превращали историческое повествование в целостный нарратив, в котором целью истории было пришествие Христа, бытие воспринималось как предвестие и пророчество о нем.

В палестинском же Талмуде мессия тоже оказывался целью и смыслом истории. Причем речь шла о вполне конкретной личности – было определено, когда придет мессия, какого рода он будет и даже как его зовут и что должны сделать евреи для его пришествия. Спасет ли мессия мир? Христиане отвечали: уже спас. Евреи не соглашались: только в будущем.

Еврейская национальная идея значима. Но у нее есть и изнанка. Это представление об избранности народа, которое завершилось проповедью закрытой этничности. История может позвать на подвиг, но мессианская идея способна обернуться и герметичностью, узостью социального мышления. «Еврейство, – писал Н.А. Бердяев, – придавало религиозное значение крови, связало неразрывно момент религиозный с моментом национальным. Мессианское сознание народа всегда есть явление еврейского духа. Еврейству была свойственна исключительность, исключительная приверженность к своему и своим... Если расизм на почве еврейства имеет свое оправдание, то он не имеет никакого оправдания на почве христианства».

Христианство провозгласило не этничность, а вселенскость, где нет ни «еллина, ни иудея». Расовая теория с христианской и просто с человеческой точки зрения, безусловно, антигуманна. Между тем национальная идея потому и называется национальной, что она не откликается на эту вселенскость. В ней есть опасность религиозного фундаментализма. Десять лет назад «Независимая газета» напечатала диалог писателя Георгия Давыдова и Льва Аннинского о судьбе России. Но знаете, какой заголовок дала газета, публикуя этот материал: «Русской истории нужен Моисей». Но почему именно Моисей – пророк мессианской этничности? И вот писатель Георгий Давыдов разъясняет: «Русский народ, единственный законный наследник античности и христианской имперской идеи, несет в истории мессианскую идею. Мировое призвание России состоит в настоящее время в том, чтобы остановить гибельное движение западной цивилизации».

Мы видим, что право крови отозвалось здесь из еврейской традиции. И великий пророк назван не случайно. Правда, состав крови здесь уже другой. Но десять лет спустя для многих стало очевидным, что результатом этих соблазнов избранничества оказался большевизм (см. А.Ципко. Снова «Красный проект»? // ЛГ, 2008, № 26, с. 4).

Что можно извлечь сегодня из названных духовных исканий? Глобализация по определению привела к кризису национальную идею. Государство стало утрачивать привычный суверенитет. Часть своих полномочий оно вынуждено делегировать крупным межрегиональным структурам, а часть у него явочным порядком отбирают корпорации. Князями современного мира являются владельцы и менеджеры крупных транснациональных корпораций, ведущие финансисты, регулирующие потоки мировых денежных средств, интеллектуалы, занимающиеся геополитическим стратегированием, медиамагнаты, политики, имеющие серьезные экономические ресурсы.

Обнаружилась парадоксальная ситуация. Исповедуя глобалистские ценности, осознавая магистральность исторического процесса, мы одновременно толкуем и о национальной идее. Не является ли это идеологическим коктейлем? Нет ли здесь опасности снова оказаться на обочине истории?

Судьба американской мечты

Но разве американская мечта не подтверждает справедливость упований на исторический прорыв? Почему здесь родились всевозможные мессианские идеи, согласно которым Америка выступала в роли спасительницы древней Европы, поводыря человечества? Восхождение к личному успеху было нормальной иллюзией экономической истории США. Она поддерживалась реальными фактами социальной практики. Абсолютизация ценностей индивидуализма была в Америке не случайной. Дело в том, что феодализм и его традиции были устранены здесь раньше и в гораздо большей мере, чем в Европе. Поэтому же в XVIII в. Новый Свет, с присущими ему социальными порядками, культурным и психологическим укладом, весьма отчетливо противостоял Старому Свету.

Америка — необычная страна. Отметим хотя бы, что в ее истории существовала только демократия. Никаких других политических систем страна не знала. По интеграторам демократических ценностей — защита личности и частной жизни, прав собственности и человека, свободы прессы и т.д. — США оставили далеко позади себя новоевропейские демократии. С одной стороны, это благо для страны, а с другой, в известном смысле обнаруживается скудость политической истории. Не здесь ли кроется причина, не позволяющая американцам — как рядовым, так и их лидерам — понять, что происходит в других странах, которые имеют свои политические особенности? Американцу крайне сложно представить, как можно построить демократию в стране, где она отсутствовала.

Если сопоставить политический опыт США и, скажем, России, Украины или стран Центральной Азии, то окажется, что вековые политические традиции способны так «усвоить» демократические институты, что они дадут абсолютно недемократический результат. Американцам это непонятно. «Где же демократия?» — спрашивают они, не фиксируя реальной политической динамики в этих странах.

Еще столетие назад Америку можно было рассматривать как большую ферму, значительная часть которой была не только не освоена, но и не заселена. Но тем не менее уже существовал культ частной собственности. Она была неприкосновенной. В этой ситуации казалось естественным создать каждому возможность для проявления личной инициативы, достижения индивидуального успеха. Благодаря этому за последние полвека Америка, население которой составляет всего лишь четыре процента человечества, стала лидером мировой экономики. Сюда едут со всех концов земли, стремясь начать здесь новую жизнь. Рядовому американцу непонятно, почему остальные народы не могут взять их историю за образец, создать похожую экономику и обеспечить себе достойную жизнь. Вот почему американцам казалось единственно верной полная и быстрая приватизация в нашей стране. Они настаивали на резком снижении роли государства в экономике и ослаблении налогового бремени.

Американец с детских лет привыкает полностью полагаться только на себя. Ему трудно понять, что заставляло российское общество в течение многих столетий возвращать общинную культуру и психологию. Отчего, думал

американец, русские отвергают индивидуализм во всех его формах и усматривают справедливость в равенстве? Тем более американец не в состоянии уразуметь, почему крушение принудительного экономического равенства русские оценивали как разрушение целой системы социальной справедливости.

Еще одна самобытная черта США – более 30 млн. ее граждан приехали из других стран или имеют родителей-мигрантов. Эта страна создавалась представителями не одного, а очень разных народов. Нет просто американцев, есть «американцы через черточку»: американцы-ирландцы, американцы-индусы, американцы-китайцы. В США практически отсутствует понятие «иностранец». Поэтому массовое американское сознание легко восприняло идею «правильного котла», способного любого человека превратить в рядового американца.

Названные американские ценности обеспечили Америке успешное развитие. Но история обнаружила изнанку у этой национальной идеи. Суровое испытание принесла, прежде всего, Великая депрессия прошлого века. Сталась катастрофа. Разве разразилась война, вспыхнула революция или случилось землетрясение? Ничего этого не было. Все выглядело прежним – стоят дома, колосятся нивы, едут иммигранты. США накануне Великой депрессии – самое процветающее государство мира. «Страна может с удовлетворением взирать на настоящее и с оптимизмом в будущее», – писал Конгрессу в прощальном письме президент Кулидж в декабре 1928 г. Он все еще считал, что ничего страшного не происходит. А кризис уже начался. И в одночасье все рухнуло.

Причиной Великой депрессии экономисты считали кризис перепроизводства, без которого не обходится «классический капитализм». В 1933 г. четверть трудоспособного населения США не имела работы. Большинство сидело на неполной занятости. Недавние преуспевающие менеджеры стояли в очереди за бесплатным супом. За купленные в кредит дома платить было нечем, людей выселяли, и вокруг крупных городов выросли «бомжатники» – бидонвили – скопления хижин из ящиков, досок, картона. Средний класс – гордость Америки – практически исчез. В 1931 г. в Нью-Йорке было зафиксировано более 2 тыс. голодных смертей (говорят, всего за время депрессии в странах, попавших в зону кризиса, от голода умерло до миллиона человек). Шло массовое разорение фермеров. Разорившиеся не владели землей, а арендовали ее, живя на полунатуральном хозяйстве или просто пополняли многомиллионную армию бродяг.

Куда же делась великая американская мечта? Почему обманула, поманила и предала?

Может быть, и не надо полагаться на нее. Социальная реальность стала отрезвлять. Зато возникла уверенность в пользе социальной мифологии. По мере развертывания истории западного мира все чаще стали возникать сомнения по поводу принципиальной самобытности США. Действительно ли Америка располагает какой-то оригинальной культурой, если последняя сложена из разнородных элементов? Способен ли «плави́льный котел» из множества своеобразных культур создать нечто целостное и уникальное? Попытки раскрыть неповторимость американской культуры, доказать ее своеобразие, принципиальное отличие от европейской то и дело приводили к

прямо противоположным результатам. Получалось, что духовная жизнь Нового Света мало чем отличается от европейской. И все же справедливости ради многие признавали, что, хотя американские мыслители находились под сильным влиянием европейского идейного наследия, они тем не менее при- давали ему особую трактовку.

Известно, скажем, что американские интеллектуалы восприняли основы английского пуританизма. Однако они сообщили ему мессианистский оттенок. Именно поэтому в американском общественном сознании стали укрепляться универсалистские провиденциалистские идеи, согласно которым Америка будто бы может в противовес Европе стать истинным проводником религиозных и гражданских свобод, воплотить в жизнь священные заветы.

Современные американские мыслители, пытаясь проанализировать самобытность культуры Нового Света, в большинстве своем, конечно, понимают, что история Америки дала пищу для несбыточных упований. Однако отсюда делается парадоксальный вывод: да, иллюзии сопровождали летопись Америки, а история показала их беспочвенность, но именно эта социальная мифология и содействовала формированию совсем иной, нежели европейская, культуры.

Например, американский историк Дж. Робертсон в работе «Американский миф, американская действительность» (*Robertson G.O. American myth, American reality. N.Y., 1980*) отмечает, что мифология, основанная на подчеркивании девственности Нового Света по сравнению со Старым, находит свое регулярное воплощение в двух национальных праздниках — дне рождения Дж. Вашингтона и Дне Благодарения. Оба праздника представляют собой ритуальное воспевание американских мифов, отражают своеобразие американской культуры.

Исторически американское национальное сознание включало в себя глубокую веру в исключительность происхождения и судеб развития страны. Сложившаяся здесь культура была пропитана мыслью о том, что американцы — новый народ, который, сформировавшись из тех, кто искал свободу в Новом Свете и обрел ее, в последующие десятилетия был обязан выполнять свое миссионерское предназначение.

Миф о Новом Свете не был оторван от других, более древних мифов. Он вобрал в себя представления о рае, о «золотом веке», о Риме и варварах. Основу этого мифа составляют три сюжета: Новый Свет был открыт Колумбом, он был новым и пустынным; аборигены были нецивилизованными народами, они были «ниже» тех, кто пришел позже на эти земли.

Изнанка национальной идеи обнаружилась в осознании того факта, что любое лидерство приносит стране миллионы исковерканных жизней и полумертвых судеб.

Православие, самодержавие и народность

Глубинная философская рефлексия русских мыслителей и политическая практика России, как это очевидно, не всегда совпадали. Русская православная церковь рассматривала русский народ в качестве уникального хранителя и проповедника православной веры, обреченного на страдания во имя

очищения всего человечества. Так родилась, например, идея «Москва – третий Рим». Русские философы полагали, что предназначение народа является его жребием, предначертанием Бога.

Формулируя русскую идею, министр просвещения В.В.Уваров, как известно, предложил своеобразную идеологическую триаду. Он писал: «Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Монахова. Самодержавие составляет главное условие политического существования России... Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность».

В этой формуле, по словам русского философа Г.Г.Шпета, наименее ясным представлялось начало народности как «национальное начало». Если это не тавтология, то какой положительный смысл вкладывал В.В. Уваров в понятие народности? – спрашивал русский мыслитель. Действительно, из сопоставления его с двумя другими нельзя установить даже отрицательных его признаков, не говоря уже о том, что строго логический анализ был бы здесь бесполезен, так как он требовал бы исключения из понятия нашей народности из двух других начал (см. *Шпет Густав. Очерк развития русской философии.* – М., 2008, с. 260).

Русский философ сетовал, что разъяснения, которые дает В.В.Уваров, не идут дальше общих мест. Не вдаваясь в подробности, которые ведут к сомнениям, можно характеризовать данное начало (народность) как отражение европейского романтизма. Г.Г.Шпет считал, что народность можно принять как некую социальную задачу. Ее можно было бы задать русскому просвещению, но не ставить принципом. Русский философ отмечал, что эту задачу В.В.Уваров переписал из западноевропейских тетрадок. Но понимал ли он, что идея национального возрождения, охватившая Европу и знаменовавшая собою выступление новой интеллигенции, прямо противоречила тому, что происходило в России?

В Европе национальное возрождение было народным и правительства могли присоединиться или не присоединиться к истинным репрезентантам народности. В России же народности просто-напросто не было, потому не было соответствующей репрезентации, и само правительство могло взять на себя эту роль. Вместо «народности» в России осуществлялась идея национализма самодержавного государства.

В программу В.В.Уварова понятие народности вводилось с крайней неопределенностью. Каждому было предоставлено право толковать ее по-своему. И действительно, вся русская мысль 30–40-х гг. XIX века предалась разгадке этого сфинкса. Одни слишком откидывались назад в поисках разгадки народного духа, другие же – рвались вперед, исповедуя беспредельную преданность в повиновении самодержавию.

Изнанка национальной идеи в данном случае обнаруживает, что идеологические формулы, которые без особенного напряжения закладываются в национальную доктрину, не имеют абстрактного смысла. Они историчны в предельном смысле этого слова. То, что сегодня рассматривается как выстраданное, прогрессивное, может оказаться реакционным и даже нереальным завтра.

К примеру, идея евразийства. В ХХI в. она переживает очевидное возрождение. Некоторые авторы считают, что ренессанс евразийства закономерен, поскольку Россия не только Европа, но и азиатская держава. В ней все переплетено. Россия действительно охватывает огромные территории. Но сегодня в условиях массовой миграции, транскультурных связей США смотрится уже не только как афроамерика или евроафроиндейская цивилизация. Можно ныне считать Англию евроиндией, Францию или Бельгию как афро-европу или евроафро. А Испания разве не смесь культур, этносов и религиозных конфессий?

Посттравматический синдром

Национальная идея, по определению, рассматривается обычно как продукт пассионарности и духовности нации. Мало внимания обращают на то, что она возникает нередко как результат посттравматического синдрома. Таким синдромом социальные психологи называют состояние психологической подорванности, ущемленности и уязвимости. Оказавшись в ситуации катастрофы, крушения идеалов, нация пытается сохранить себя с помощью компенсаторных механизмов. Воображение рисует картины не только неожиданно обретенного счастья, но и исторического возмездия.

Так проросла идея нацизма. О том, как поражение Германии в Первой мировой войне, крах националистических иллюзий в конечном счете позволил Гитлеру прийти к власти, написаны классические работы Т.Адорно, Э.Фромма, Э.Эриксона. Сошлемся лишь на мнение известного канадского ученого и писателя Джона Ролстона Сола, который в книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе» (М., 2006) пишет о том, как на гребне посттравматического синдрома рождается феномен националистической идеи.

«Небольшого роста, некрасивый, незаконнорожденный, выходец из низов, неудавшийся живописец стал настолько знаменит, что со времен Наполеона Бонапарта такого не видавали. И все же Гитлер пришел к власти не потому, что победил врагов Германии. Он не был даже искусным заговорщиком. Вместо этого он, подобно Наполеону III, сочетал в себе таланты гения обработки общественного мнения с мастерством по части секретности и полицейской власти, которые постепенно развивались со времен Макиавелли, Бэкона, Лойолы и Ришелье. Гитлер освоил эту науку подковерных манипуляций и поднял ее на новые профессиональные высоты, умело маскируя ее убогость пиаровской ширмой славы и чистоты Героя. Этот парнишка, несмотря ни на что, стал чемпионом. Он – воплощение самых смелых фантазий. Это – если закрыть глаза на подробности его карьеры, его расизм, склонность к насилию, психическую неуравновешенность – модель, которая и сегодня используется имиджмейкерами и приверженцами рациональной цивилизации» (с. 498).

Уязвленное национальное самолюбие – сложный феномен. Но он не является лучшей почвой для произрастания национальной идеи. Между тем последние годы мы усиленно эксплуатируем сложный замес массовых чувств, связанных с посттравматическим синдромом. Мы призываем Россию

подняться с колен. В этом пока нет ничего тревожного. Но когда мы рассуждаем о том, что нам не следует стыдиться своей истории, что кровь миллионов людей ничего не стоит по сравнению с историческими вызовами, когда мы говорим: в других странах преступлений было не меньше, то нечего и удивляться тому, почему в стране, уничтожившей нацизм, фашистские идеи находят своих сторонников.

Не может не вызывать удивления логика многих нынешних политиков и ведущих политологов, которые меряют историческое преступление не праведностью, а криминальным деянием. Зачем нам стыдиться своей истории, когда в других странах тоже творились черные дела? — задается вопросом губернатор Кемеровской области Тулеев. Жертвами революции и Гражданской войны в России стали 16 млн. человек — цифра колоссальная, — вторит ему талантливый публицист В.Д.Соловей. И продолжает: но в отношении к общей численности населения Франция в эпоху своей Великой революции понесла потери больше, чем Россия, или в случае минимальных оценок, сопоставимые с российскими. Не говорю уже о Германии, цена капиталистической революции (так нередко называют Тридцатилетнюю войну) в которой оказалась еще выше. Сравнение трагических страниц истории разных народов уместно. Но ведь вовсе не для того, чтобы оправдывать преступление. Такие цифры и доводы возможны в бухгалтерской ведомости, но вызывают чувство боли, когда речь идет о человеческих жертвах. Их невозможно оправдать ссылкой на чужое горе. Позор национальной истории предполагает раскаяние, а не оправдание чужими злодеяниями.

Сбережение народа

Хорошая мысль, не правда ли? Не оригинальная, конечно. Уже артикулировалась в истории. Но все-таки воодушевляющая. Однако на пути к национальной идее эта мысль претерпела серьезные превращения. Заговорили уже не о сбережении народа, а о сбережении населения. А это уже, извините, нечто иное. В России все отчетливее ощущаются последствия демографического застоя. Несмотря на денежные выплаты и посулы, российские женщины не торопятся рожать. Просто какой-то беспредел! Вот и сексуальная революция прошумела, и национальные проекты появились, а детей не прибавляется. Хуже того, людей, настроенных на семейную жизнь, домашние добродетели и воспитание детей, становится все меньше. Разумеется, сбережение народа может стать центром и средством обновления социальной жизни. Но он предполагает целую систему гуманизации политической жизни, социальных отношений, бытовой культуры. Можно на уровне официальной идеологии толковать о сбережении народа, но изменится ли жизнь людей, которые живут за чертой бедности? На уровне идеологии можно говорить о бережном отношении к достоинству, здоровью, имуществу, мнению каждого человека. Но как соотнести это с реальностью?

Особенно мучительно слышать, как наши ведущие политики пытаются приватизировать такие глубокие метафизические понятия, как «справедливость», «смысл жизни», «человеческие ценности». Тяжело читать или слышать, как философские концепты подверстываются под утилитарные поли-

тические цели. Например, С.Миронов полагает, что россияне задумались над смыслом жизни, потому что в стране стало меньше хаоса, неопределенности, уныния. Вот и возникла у людей иное отношение к собственной судьбе. Как все это убого, прямолинейно, прагматично. Вероятно, именно С.Миронову следует говорить не о справедливости, а о том, как народ страдает от несправедливости. Никакой рост ВВП не в состоянии сгладить чувство растерзанной и поруганной справедливости. Тотальная государственность, при которой не слышен голос общества, чревата серьезными катаклизмами. Но С.Миронов, обосновывая национальную идею, предпочитает говорить о том, почему народ ведет себя не всегда правильно. Россиян, мол, из всех сил пытаются убедить, что смысл жизни в навороченных тачках, красивых шмотках, пепси-коле, пиве, сникерсах, в развлечениях и удовольствиях. Но какое все это имеет отношение к пенсионеру, который не может позволить себе купить билет в баню каждую неделю, кусок хозяйственного мыла, примитивную растительную пищу? Выходит, сбережение народа понимается не как порыв общества сохранить себя как нацию, сообщество, а как идеологическая болтовня про сникерсы.

Гламурный вариант национальной идеи

Наибольшее беспокойство вызывает гламурный вариант национальной идеи. Он напрямую связан с футбольно-музыкальными победами России. Недавние успехи российской сборной объединили всех мужчин и всех женщин. Они спяли представителей разных возрастов, народностей, специальностей. Чего же еще надо, если на улицах целовали даже милиционеров? Но все это выглядит уже злым гротеском. Неужели пьяные крики болельщиков, пытающихся «возбудить» нацию, и есть искомая идея? Разве оружие фанаты внесли свой вклад в победу футболистов? Отстроили новые стадионы? Пресекли пьянство и бессмысленный кураж? Национальная идея рекрутирует не корпус налогоплательщиков или поклонников популярного кумира. Разве речь идет только о футбольных болельщиках, которые внесут в жизнь страны некий высокий градус?

На этом фоне понятна и усталость от поисков национальной идеи. Теперь вот нередко говорят: долгие поиски «национальной идеи» не привели ни к чему, кроме самой элементарной из возможных: выжить, наперекор «искателям». Наверное, все существующие в мире «национальные идеи» ненамного сложнее и различаются в зависимости от состояния общества. И, похоже, нужно искать не «национальную идею», а государственный стиль. Так формулирует мысль Давид Завольский в «Литературной газете».

Еще раз подчеркнем: идеология, вообще говоря, рождается не по указке сверху. Она вызревает в лоне коллективного бессознательного, в недрах народной души. Однако, может быть, стоит немного пожить без идеологического замеса, в пространстве свободного и разностороннего выбора?

Максим БРАТЕРСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЙ¹

Подавляющее большинство исследователей вопросов эффективности международных компаний концентрируют свое внимание на взаимодействии фирмы с экономической средой, в которой она работает. Большинство авторов рассматривают данную проблематику с точки зрения организационной теории (структура отрасли диктует стратегию компании, а та, в свою очередь, определяет успех компании на рынке)² или с точки зрения теории транзакционных издержек (при сбое рыночных механизмов компания должна воссоздавать внутренние национальные рынки, что влияет на ее издержки)³.

Проблемам взаимодействия международной компании с политической средой иностранного государства, где она работает, до недавнего времени уделялось сравнительно мало внимания. В некоторой степени такая ситуация объяснялась инерцией исследователей, так как большинство из них пришли в исследования тематики международного бизнеса из сферы изучения национального предпринимательства.

Тематика исследований проблем международного бизнеса уделяет политическим аспектам бизнеса гораздо больше внимания, чем исследования бизнеса, действующего в рамках национальных границ. Большинство исследователей склонны рассматривать роль иностранных правительств в качестве переменной, а не константы, так как международным компаниям (экспортерам, импортерам, инвесторам) приходится работать за рубежом в условиях различных и постоянно меняю-

¹ Под «международной компанией» в данной работе понимается любая компания, ведущая операции в зарубежных странах, независимо от ее формы организации. В тех случаях, когда необходимо провести различие между национальными и многонациональными компаниями, это оговаривается в тексте специально.

² См. *Egelhoff, W.G.* Strategy and Structure in Multinational Corporations: A Revision of the Stopford and Wells Model. *Strategic Management Journal*, 9, 1988, pp. 1–14.; *Porter, M.E.* Competition on Global Industries: A Conceptual Framework. in Porter, M.E. (ed.) *Competition in Global Industries*. N.Y., 1986.

³ См. *Kogut, B.* Joint Ventures. Theoretical and Empirical Perspectives. *Strategic Management Journal*, 9, 1988, pp. 319–332.

щихся политических режимов, которые, в свою очередь, оказывают непосредственное влияние на компанию на всех этапах бизнес-цикла: при выходе на рынок, ведении бизнеса и при уходе с рынка.

Специалисты обратились к вопросу о политических условиях ведения бизнеса за рубежом в конце 1960-х гг. Тогда же был определен и объект исследования: Дж. Файервезер указал, что согласование интересов и разрешение конфликтов между международными компаниями и политическими силами в своей стране и за рубежом и взаимоотношения с принимающим обществом является ключевыми элементами стратегии международной компании⁴. В 1980-х гг. С.Прахалад и И.Доз ввели в оборот концепцию политического императива, которая фокусирует внимание на вмешательстве государства в деятельность международных компаний и может выражаться в создании новых производств, изменений условий конкуренции в существующих отраслях экономики и в защите (закрытии для иностранного участия) отраслей экономики, связанных с оборонной промышленностью⁵.

С тех пор и до 2000-х гг. специалисты-международники почти не обращались к вопросам политической составляющей и политической среды деятельности международных компаний, на что существовали вполне весомые причины. Запад в свою пользу завершил «холодную войну» и находился в состоянии эйфории от глобализации не только своей экономической модели, но и политической системы. Казалось, в политическом плане мир становится гомогенным и условия работы компаний на зарубежных рынках впредь не будут отличаться от условий, существовавших в странах происхождения и базирования международных компаний. Определенное переосмысление такого сверхоптимистического подхода пришло в середине 2000-х гг., когда, с одной стороны, Запад столкнулся с определенным кризисом своего политического влияния (Ирак, Афганистан), а с другой, авторитарная модель капитализма вступила в противостояние с либеральной моделью.

Вместе с тем «классические» исследования бизнеса уделяли политической проблематике международного бизнеса гораздо меньше внимания или вообще не рассматривали этот вопрос. В центре внимания классической школы находились вопросы экономических и организационных возможностей компании, а рынки рассматривались как чисто экономические механизмы. Вопрос о политических рынках не поднимался вообще, а политические факторы, если им вообще уделяется внимание, рассматривались исключительно в качестве ограничений и никогда в качестве возможностей для деятельности компании.

В результате такого различия в подходах разработка вопросов взаимосвязи международного бизнеса и политики оказалась сконцентрирована исключительно в работах специалистов-международников.

⁴ *Fayerweather, J.* International Business Management. N.Y., 1969

⁵ *Prahalad, C.K., Doz, Y.L.* The Multinational Mission. N.Y. 1987.

Политическая деятельность международного бизнеса

Политической деятельностью (или политической активностью) компаний называют действия бизнеса, направленные на приобретение, усиление, удержание и использование влияния в отношении противостоящих сил (деловых и политических), причем влияние понимается как способность игрока преодолевать сопротивление других игроков⁶. Политическая деятельность компаний имеет свой объект: правительства, группы интересов, интеллигенция, общественное мнение, и выражается в определенных действиях, среди которых можно выделить исполнение предлагаемых компании решений; уклонение от их исполнения; ведение переговоров; создание коалиций и союзов; кооптация представителей противоборствующего игрока в компанию⁷.

Политические методы разрешения проблем компании весьма привлекательны для бизнеса, и на это существует несколько причин. Во-первых, действия правительств нередко приводят к выигрышу или проигрышу отдельных компаний или отраслей экономики, поэтому успешная в политической области компания может создать себе существенное конкурентное преимущество, не делясь им с другими компаниями. Во-вторых, политическая деятельность не обязательно требует от компании серьезных финансовых вложений, она может основываться и на других ресурсах (личном времени, организационных способностях, привилегированной информации, доступе к власти предержащим). В-третьих, в то время как в реальной рыночной ситуации коллективный сговор (создание картелей и проч.) ограничивается законодательством, в политической сфере никаких ограничений на создание союзов не существует. В-четвертых, компания может сохранять политическое влияние дольше, чем экономическое и финансовое, поэтому политические методы нередко позволяют компании сохранять конкурентные преимущества дольше и в более устойчивой форме, чем чисто экономические действия. Наконец, в ситуациях, когда правила игры в существенной степени начинают определяться политическими решениями, игроки могут избегать отрицательных последствий инициированных ими действий и решать свои проблемы за счет политически дистанцированных игроков. Примером такой ситуации является протекционизм, когда политическое решение правительства защищает небольшую часть бизнеса за счет остальной, большей его части.

Вместе с тем политическая деятельность не является конечной целью бизнеса, она является лишь средством достижения стратегиче-

⁶ *Astley, W.G., Sachdeva, P.S.* Structural Sources of interorganizational power: A Theoretical Synthesis. *Academy of Management Review*. No. 9, 1984, pp. 104–113.

⁷ Подробнее о формах политической деятельности можно прочитать у *Oliver C.* Strategic Responses to Institutional Processes. *Academy of Management Review*. No. 16, 1991, pp. 145–179.

ских целей компании. Политическая деятельность работает на экономический результат компании, хотя в некоторых ситуациях может выходить и на первый план. Кроме того, политическая деятельность протекает не в вакууме, она во многом определяется типом компании, отраслью экономики, где она работает, а также средой, в которой ведется бизнес. В последнем случае огромное значение приобретают нерыночные компоненты среды, например политика правительства.

Политическую деятельность бизнеса можно классифицировать по форме и интенсивности. Политическая деятельность может принимать непереговорные формы (исполнение, уклонение, обман) и переговорные формы (конфликт, сотрудничество). Очевидно, что политическая деятельность может принимать более или менее интенсивные формы. Политическое поведение компании также обуславливается определяющими факторами (характеристиками компании и отрасли), чье влияние, в свою очередь, находится во взаимозависимости с нерыночными переменными. И, наконец, существует взаимосвязь между формами и интенсивностью политической деятельности, определяющими факторами и стратегическими задачами компании (повышением эффективности, приобретением влияния на рынке и укреплении своей легитимности). Очевидно, что достижение разных стратегических целей предполагает использование разных по форме и интенсивности политических действий.

Определяющие факторы

Политическое поведение международного бизнеса определяется тремя группами факторов. Во-первых, политическое поведение компании зависит от ее типа. Международные компании (экспортеры, импортеры, прямые инвесторы за рубежом) сталкиваются с принципиально другими задачами, угрозами и возможностями, чем многонациональные компании, которые используют другие методы производства товаров и услуг за рубежом (например, лицензирование, франчайзинг и т.д.) Эти разные типы компаний по-разному формулируют свою политику в отношении не только поставщиков, клиентов и конкурентов, но и нерыночных игроков: правительств, профсоюзов, объединений предпринимателей.

Во-вторых, политическая деятельность бизнеса в существенной степени определяется отраслью экономики, в которой она работает, так как отрасли различаются между собой по структуре и прибыльности. М.Портер, например, проводил различия между многонациональными и глобальными компаниями⁸ в зависимости от того, в каких географических рамках компания ведет конкурентную борьбу: в каждой стране отдельно, как, например, происходит в розничной банковской деятельности, или

⁸ Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations. N.Y., 1990.

глобально, как работают, например, производители электроники и компьютерной техники. Соответственно, такие политические стратегии, как «Поддержка отечественного производителя» или «Обеспечение свободы торговли», характерны для представителей разных отраслей.

Наконец, политическая деятельность компаний во многом определяется нерыночными факторами, которые существенно различаются между собой и по структуре, и по степени воздействия на бизнес. Правительства (политические режимы), как правило, включают в себя несколько ветвей власти (законодательную, исполнительную, судебную) и множество структур (министерств, агентств, департаментов), которые находятся между собой в сложном взаимодействии, нередко в конфликтном. Компании приходится выстраивать отдельные отношения с разными политическими игроками, обладающими разным весом. Различные государства обладают разными возможностями в плане преследования собственных целей в своем взаимодействии с международными компаниями, другими словами, можно сказать, что они обладают различными уровнями суверенитета и разной способностью влиять на деятельность компании. Кроме того, местным правительствам приходится взаимодействовать не только с зарубежными компаниями, но и с множеством других заинтересованных сторон: политическими партиями, профсоюзами, общественным мнением внутри страны и за рубежом, зарубежными правительствами.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что *политическая деятельность международного бизнеса подвержена влиянию одновременно целевых характеристик самой компании; характеристик отрасли экономики, в которой та работает, и нерыночной среды, в которой компания действует*. Особое значение в предлагаемом выводе приобретает слово «одновременно». Распространенной ошибкой во многих исследованиях, посвященных политическим рискам международного бизнеса, являлось как раз то, что политические риски рассматривались как универсальные для всех типов зарубежных компаний, работающих в разных отраслях⁹. Будет также неверным применять закономерности, выявленные при анализе взаимоотношений бизнеса и государства на национальном уровне, к международным ситуациям, так как в международном бизнесе наблюдается гораздо большее разнообразие факторов, формирующих нерыночную среду бизнеса. В качестве иллюстрации этого положения можно привести таблицу потенциальных политических рисков и их влияния на деятельность фирмы, составленную П.С.Рингом¹⁰. Таблица объеди-

⁹ См., например, *Butler, K.C., Joaquin, D.C. A Note on Political Risk and the Required Return on Foreign Direct Investment. Journal of International Business Studies, Vol. 29, No. 3, 1998, pp. 599–607.*

¹⁰ *Ring, P.S., Lenway, S.A., Govekar, M. Management of the Political Imperative in International Business. Strategic Management Journal, vol. 11, 1990, p. 144.*

няет политические риски, возникающие для компании в стране пребывания (принимающей стране), и политические риски, генерируемые в стране происхождения (стране базирования) компании. Таблица также указывает, какая сфера финансовой базы компании (транзакции или контроль над собственностью) подвергается риску.

	Влияние на транзакции	Влияние на контроль над собственностью
Принимающая страна		
Международный встречный товарообмен	x	
Импортно-экспортное законодательство	x	
Ограничения на импорт	x	
Бойкоты	x	
Ограничения на вывоз иностранной валюты	x	
Местное запретительное законодательство	x	
Особые требования по экспорту	x	
Война и революция	x	x
Национализация и экспроприация		x
Протесты, забастовки, бунты		x
Терроризм		x
Превращение зарубежной компании в местную		x
Экологические стандарты		x
Политика создания совместных предприятий		x
Давление с целью вывести компанию с рынка		x
Требования участия местных граждан в собственности компании		x
Страна базирования компании	x	
Международный встречный товарообмен	x	
Особые требования по экспорту	x	
Налогообложение	x	
Ограничения по импорту	x	
Ограничения по кредитованию	x	
Ограничения по передаче технологий	x	
Законодательство о противодействии коррупции в зарубежных странах	x	
Экономические санкции, эмбарго		x
Ценовое регулирование, регулирование минимальных зарплат		x
Контроль над производством		x
Требование по лицензированию		x
Давление с целью возврата капитала на родину		x
Международные факторы		
Война	x	x
Внешиполитические конфликты	x	x
Торговые войны	x	
Блокады	x	
Эмбарго	x	

В литературе, исследующей политическую деятельность бизнеса на национальном уровне, представлены два тезиса, применимость которых для политической деятельности международного бизнеса также

вызывает серьезные сомнения. Первый тезис состоит в том, что любой бизнес имеет политические интересы в своей стране и стремится их защищать, и, следовательно, принципиальной разницы между национальной и международной политической деятельностью бизнеса не существует¹¹. Второй тезис, явно и неявно представленный в литературе, предлагает рассматривать правительства и других политических игроков исключительно как данность, или как ограничители для бизнеса и отказывается признавать за правительствами роль фактора производства, который может быть создан или контролироваться международной компанией.

Исследования политического поведения международного бизнеса отталкиваются от того факта, что экспортер, импортер или инвестор при пересечении национальной границы попадает в другую среду, которая требует адаптации к ней. Соответственно, утверждается, что поскольку политических режимов в мире много и они разные, то компания, работающая в разных странах, должна будет реагировать на большее количество политических раздражителей, чем при работе на своем национальном рынке. Все отмеченное выше, без сомнения, верно, однако и так достаточно очевидно. Проблема состоит в том, что большинство авторов не видят разницы между вхождением в зону чужого политического суверенитета и вхождением в зону чужого экономического пространства.

На самом деле, в границах зарубежного государства находятся несколько типов ресурсов: природных, экономических, социальных, культурных, политических. Первые четыре типа ресурсов связаны с концепцией страны, а последний – с концепцией государства. Существование, размеры и формы международного бизнеса определяются как раз его взаимодействием с иностранными государствами, которые по своей воле принимают, запрещают или модифицируют деятельность международных компаний. Такая ситуация создает для международного бизнеса дополнительные сложности, но она же предоставляет международным компаниям дополнительные возможности. В условиях зарубежных политических суверенитетов бывает возможно делать то, что запрещено у себя дома, к тому же компания может воспользоваться поддержкой одного правительства против другого, тем самым ограничивая политический суверенитет последнего.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что политическая деятельность международной компании является не дополнением к ее экономической деятельности, а лежит в основе ее бизнеса. Доступ к зарубежным рынкам контролируется политиками дома и за рубежом, и деятельность международной компании с самого начала должна иметь политический характер, так как без явного или неявного разре-

¹¹ *Sundaram, A.K., Black, J.S.* The Environment and Internal Organization of Multinational Enterprises. *Academy of Management Review*. No. 17 (4), pp. 729–757.

шения политиков экономическая деятельность за рубежом может оказаться вообще невозможной. Нужно помнить и о том, что политический императив присутствует в международном бизнесе всегда, так как правительства могут отозвать данное компании разрешение в любой момент, и многочисленные случаи применения эмбарго и экономических санкций дают тому множество примеров.

В анализе политической деятельности международных компаний центральное место занимает государство. Это естественно, так как государство обладает эксклюзивным правом легитимного использования силы на подконтрольной ему территории. Оно же контролирует доступ к ресурсам на своей территории, включая и доступ к разного рода рынкам. Конечно, суверенная власть государства не всегда используется и может носить виртуальный характер. Государство может не использовать свои права сознательно, его эффективность может быть парализована в результате внутренних конфликтов, действия государства могут быть ограничены другими, более сильными государствами. Вместе с тем обычно государство рассматривается как институт, олицетворяющий национальные интересы, а возможности бизнеса влиять на политику государства считаются ограниченными.

Существует, однако, и другая точка зрения, которая рассматривает государство как ресурс или агента, которые могут быть использованы международными компаниями в своей деятельности¹². Согласно этому подходу, политические посреднические продукты, создаваемые правительствами, не являются данностью – они создаются в результате политической деятельности компании. В обмен на экономические и внеэкономические блага чиновники могут предложить фирмам такие ценные политические продукты, как разного рода разрешения и лицензии, защиту от национальных внутренних рисков и сравнительные конкурентные преимущества перед другими компаниями (субсидии, протекционизм, монополии, государственные заказы). Эти посреднические продукты продаются, для них существует своеобразный рынок.

Формы политической деятельности международных компаний и ее интенсивность

Политическая работа с правительством как системой агентов может принимать различные формы: исполнение, уклонение, обман, конфликт, сотрудничество. Эти формы политической деятельности можно разбить на переговорные и непереговорные.

Исполнение (решений правительства) и уклонение (от исполнения) являются, по сути, двумя сторонами одного и того же процесса. Прави-

¹² См. *Mitnick, B.M. Corporate Political Agency: The Construction of Competition in Public Affairs. Newbury Park, 1993.*

тельства создают как препятствия, так и стимулы для проведения финансово эффективной стратегии международных компаний. Данная ситуация отражает иерархический характер отношений между правительством и бизнесом: правительство, как суверен, обладает монополией на законную власть, а международные компании обладают лишь делегированной властью, данной им в качестве привилегии на основании выданного разрешения выйти на местный рынок и работать на нем.

Большая часть международных компаний вполне удовлетворены условиями и стимулами работы на зарубежных рынках, сформулированными их собственными и принимающими правительствами. В большинстве случаев они просто исполняют существующие требования, так как последние не приносят существенных ограничений на деятельность компаний, предоставляют существенные выгоды (отсрочки по выплате налогов и налоговые каникулы), а также и потому, что конкретная компания в одиночку все равно не может эти требования изменить (или затраты, требуемые для изменения правил игры, превышают возможную выгоду).

Некоторые международные компании, напротив, отказываются следовать предложенным правилам и выбирают путь уклонения, то есть уходят с рынка конкретной страны или отказываются от выхода на этот рынок.

Другой непереговорной формой политической деятельности компаний является обман. Примером обмана является контрабанда, незаконное растаможивание товаров, использование подставных лиц для сокрытия реальной структуры собственности компании и так далее. Такая форма деятельности несет в себе существенные риски для легитимности компании, и компания, соответственно, оценивает соотношение своей выгоды и убытков, если ее обман вскроется.

Таким образом, мы можем сделать два достаточно очевидных вывода, касающихся форм политической деятельности международных компаний. Международные компании выполняют требования правительств в том случае, если решения правительств несущественно затрагивают деятельность компании, если решения правительств выгодны для компании и если у компании недостаточно ресурсов, чтобы бороться с политической властью. Можно также предположить, что международные компании уклоняются от работы в конкретной стране или обманывают местное правительство в том случае, если выгоды от такой стратегии перевешивают возможный ущерб для легитимности компаний.

Все три формы деятельности предполагают ситуацию, при которой компания не вступает в диалог с правительством, а принимает решения в соответствии со сложившейся в государстве ситуацией.

Конфликтные и партнерские формы деятельности компаний предполагают, что международные компании хотят экспортировать, инве-

стировать в зарубежных государствах, они заинтересованы в союзах с другими компаниями с целью повысить свою прибыль и увеличить свою долю на глобальном рынке, они хотят диверсифицировать географические риски, получить доступ к важным ресурсам за рубежом и т.д. В то же время правительства формулируют свои собственные стратегические задачи: они хотят уменьшить свою зависимость от зарубежных стран и компаний, повысить эффективность и конкурентоспособность национальных экономик. Вместе с тем влияние правительств на зарубежные компании всегда остается ограниченным, так как никакое правительство не может заставить компанию прийти на свой внутренний рынок. Попытки избавиться от иностранных фирм путем применения эмбарго или путем экспроприации обычно также требуют ведения переговоров о компенсациях. В отношениях с международными компаниями правительства выступают как лишь частичные суверены, и далеко не всегда они могут просто приказать. В большинстве случаев правительствам приходится вступать в переговоры с иностранными фирмами. Переговоры с правительством в той же степени необходимы и международным компаниям, так как в их ходе компании могут вступить в политическое взаимодействие с нерыночными игроками, определяющими политические правила бизнеса в той или иной стране.

В ходе конфликта между правительством и международной компанией правительство пытается присвоить доход (или его часть) от операций компании в своей стране, а компания пытается удержать свой доход или найти другие источники дохода для компенсации своих потерь. Эту ситуацию можно рассматривать с нескольких точек зрения. С точки зрения теории контроля над ресурсами, правительство и компания играют на одном и том же поле (хотя позиции у них не одинаковы) и пытаются завоевать власть над противником, используя свои возможности контроля внешнего ресурса (политические и экономические связи за рубежом, доступ к альтернативным поставщикам и иностранному кредиту, альтернативные возможности инвестирования в других странах). С точки зрения теории ренты, международные компании в конфликте с правительством используют свои политические ресурсы для завоевания или удержания частных экономических выгод. С точки зрения организационной теории, политические затраты рассматриваются как транзакционные расходы, направленные на завоевание эффективного влияния на решения правительства.

Независимо от того, положениями какой школы мысли мы будем руководствоваться при анализе конфликта между международной компанией и правительством, мы придем к следующему выводу. *Конфликтное поведение в политической деятельности международной компании преобладает в том случае, если политические шаги компании или правительства затрагивают стратегические интере-*

сы противоположной стороны, если обе стороны рассматривают сложившуюся ситуацию как игру с нулевым результатом, а также если обе стороны обладают достаточным влиянием, для того чтобы повлиять на итог торговли между ними.

В отличие от конфликтного поведения, партнерство основывается на видении взаимоотношений между правительством и компании как игры с положительным результатом. Кроме того, участники диалога в этом случае нацелены не на разовый немедленный результат, а на продолжительные взаимоотношения в будущем. В основе диалога лежит не конфликт, а сотрудничество, а атмосфера диалога характеризуется не оппортунистическими соображениями, а доверием.

Отношения сотрудничества позиционируют международную компанию в ее отношениях с государством принципиально другим образом, чем в ситуации конфликта. В случае сотрудничества компания черпает свое влияние в своем участии в социальных и политических сетях принимающего государства. Влияние компании в этом случае основывается не на внешних ресурсах, которые компания использует для противостояния с принимающим государством, а ее статус во взаимодействии с государством не является изначально подчиненным. Международные компании в этом случае выступают как проводники интересов принимающего государства, а их влияние основывается на ключевой роли в процессах производства, распределения и потребления в данном обществе.

В рамках данного подхода к взаимодействию с принимающим государством, международным компаниям следует создать для себя нишу в нерыночной (политической) среде принимающего государства. На первое место выходят не транзакции, а система отношений между компаниями, влиятельными гражданами, организациями и группами. Управление этими системами взаимоотношений объединяет в единое целое как конкуренцию, так и сотрудничество. В ходе подобной деятельности компания широко использует такие инструменты, как найм влиятельных людей к себе на работу, кооптацию местных политиков и чиновников в свои органы управления, создание разного рода коалиций. В результате система связей компании с принимающим государством перестает носить чисто экономический характер и приобретает существенные социальные характеристики.

Как и в ситуации конфликта, при сотрудничестве компания не рассматривает существующие политические условия для своей деятельности как данность. Она нацелена на корректировку как политической среды вокруг себя, так и самой фирмы, с тем чтобы во взаимодействии с принимающим государством обеспечить себе конкурентные преимущества в отношении других компаний.

Высшая, идеальная с точки зрения компании форма партнерства состоит в превращении местных политиков и чиновников в агентов

фирмы путем включения их во внутреннюю иерархию компании. На сегодняшний день такая практика встречается редко, так как в большинстве стран она запрещена законодательно, она дорога и часто просто не нужна, так как такое «слияние» можно заменить другими формами взаимодействия – например, доверием. Сегодня в основном используются другие методы стимулирования политиков и чиновников, с тем чтобы они действовали в интересах компании.

Кроме прямого подкупа, существует масса способов заинтересовать правительственных чиновников в процветании международной компании. Им можно предложить другие ценные услуги: новые технологии, работу для их родственников и знакомых, помощь в экспорте товаров и услуг, помощь в формировании капитала национальных компаний, взносы в политические фонды, личные услуги, а также ценную информацию, необходимую для принятия правительственных решений. Такими методами компания может гармонизировать свои отношения с правительством, и эти взаимоотношения будут выгодны обеим сторонам. Политическое партнерство между международными компаниями и правительствами наиболее вероятно в тех случаях, когда обе стороны оценивают свои взаимоотношения как игру с положительным результатом, а также когда у обеих сторон имеется достаточно мощи, чтобы повлиять на распределение благ, которые будут созданы в ходе их взаимодействия.

Интенсивность и стратегические задачи политической деятельности компаний

В предыдущих параграфах мы пытались показать, что политическая деятельность органически присуща всем международным компаниям. Возникает законный вопрос, почему одни международные компании политически более активны, чем другие. Видимо, это зависит от нескольких факторов, и основными среди них являются три. Во-первых, политическая активность компаний будет выше в тех случаях, когда их бизнес в высокой степени зависит от политической среды, в которой работает компания. Во-вторых, на интенсивность политической деятельности компании влияет уровень конкурентной борьбы в данной отрасли экономики. Наконец, компания может обладать или не обладать необходимыми для политической деятельности компетенциями, то есть в ней может просто не быть людей, организационных структур и воли, необходимых для политической деятельности. Интенсивность политической деятельности международных компаний возрастает в тех случаях, когда ставки в конкурентной борьбе достаточно высоки, когда существует много возможностей корректировать политику правительства, а также в тех случаях, когда фирма хорошо владеет политическими инструментами.

Формы и интенсивность политической деятельности международной компании зависят от ресурсов, находящихся в ее распоряжении, от методов конкуренции, используемых компанией и от географии ее операций. Так как задачей любой компании является получение прибыли, то в конечном счете этой же задаче подчинена и политическая деятельность компании.

Прибыль, как известно, формируется тремя источниками: эффективностью, уровнем контроля над рынком и легитимностью компании. Первые два источника прибыли самоочевидны. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и легитимность может являться источником прибыли, так как многие компании эксплуатируют свое национальное происхождение (покупайте японское), приверженность определенным социальным нормам (престиж или наоборот, доступность), социальную ответственность (экология, найм на работу инвалидов), а также свою общую репутацию.

Политическая деятельность может являться источником эффективности, влияния на рынке и легитимности компании, причем в международном бизнесе политическая деятельность является более эффективной, чем при работе в собственной стране, так как международный контекст предоставляет компании гораздо больше возможностей. Политическая деятельность является для международных компаний естественной и необходимой, так как выход за национальные границы заставляет компанию взаимодействовать с другим политическим суверенитетом.

Сегодня стала весьма распространенной точка зрения, согласно которой в результате глобализации, унификации правил международной торговли и уменьшения роли национального государства в международных экономических отношениях политический фактор уходит на второй план, а компаниям следует сосредоточиться на совершенствовании своей организационной структуры, улучшении управления, инновациях и проч.

Определенная доля истины в таких утверждениях, несомненно, есть. Вместе с тем, поскольку политическая деятельность позволяет компании получать конкурентные преимущества, недостижимые экономическими способами, а национальные государства (с разными уровнями суверенитета) все еще существуют, политика есть и останется составной частью бизнеса фирмы, работающей за пределами национальных границ.

Владимир ПАНЬКОВ

РОССИЯ И ВТО

Коротко об истории переговоров

Переговоры по вопросу о присоединении России к Всемирной торговой организации, если считать с момента их официального инициирования, длятся небывалый для ВТО срок – 14 лет. За это время много раз менялись точки зрения на отношения ВТО–Россия, персональный состав переговорщиков. Мы ведь еще в 1993 г. подали заявку в секретариат ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), исторического предшественника ВТО. Потом ГАТТ преобразовался в ВТО, включив в себя еще три основополагающих для новой организации соглашения: по услугам (ГАТС), интеллектуальной собственности и ее защите (ТРИПС), инвестициям (ТРИМС).

Начиная с января 1995 г. Россия пытается договориться уже собственноручно с ВТО, однако переговоры в прошлом десятилетии вообще шли ни шатко ни валко, что было неудивительно: наша экономика на тот момент была крайне слаба и мало адаптирована к требованиям ВТО. В 2001 г. Владимир Путин объявляет вступление в ВТО главным приоритетом внешнеэкономической политики России, и только тогда процесс серьезно ускорился.

Присоединение России к ВТО: кому это выгодно и зачем это нужно?

Не надо забывать, что общеэкономические национальные интересы и интересы отдельных отраслей нашей экономики, предприятий и фирм далеко не идентичны. После вступления России в ВТО кто-то достаточно быстро получит выгоды, а кто-то окажется в непростом положении вследствие неизбежной либерализации нашей экономики и соответствующего ужесточения конкуренции. Что же касается перспектив развития, то это вообще отдельный разговор.

Проблема нашего вступления в ВТО сильно политизирована. Думаю, что сегодня для того, чтобы не принимать нас в ВТО, нет никаких деловых оснований. Надо понимать, что де-факто мы и так уже ведем всю свою внешнюю торговлю согласно действующим международным правилам и требованиям ВТО. Не сомневаюсь, что сегодня Россия куда более соответствует принципам ВТО, чем, скажем, Китай, вступавший туда в 2001 г. Но та же Грузия – явно по политическим соображениям – встала на пути многосторонних системных переговоров с РФ. Нет, они, конечно, ведутся, но с торможением и с известной оглядкой.

Ясно, что с точки зрения нынешней товарной структуры российского экспорта мы не нуждаемся во вступлении в ВТО, тем более, по принципу «любой ценой и как можно скорее». Известно, что 80% нашего экспорта – товары сырьевой группы. Львиную долю в этом объеме составляют энергоносители, и они по большей части ограничениям ВТО не подвергаются.

Если мы и впредь будем торговать в основном нефтью и газом, то дальнейшая либерализация наших внешнеторговых отношений, которую принесет вступление в ВТО, России мало что даст. Иная картина уже с продукцией невысоких стадий обработки, к примеру, в черной металлургии или крупнотоннажной химии (минеральные удобрения и др.). Отчего г-н Мордашов, руководитель «Северстали», так ратует за вступление России в ВТО? Оттого, что именно продукция низких стадий обработки черной металлургии прежде всего подвергается антидемпинговым расследованиям, и здесь против нас принимаются серьезные меры. После вступления в ВТО у российских металлургических и химических компаний появится возможность обращаться, в случаях возбуждения против них антидемпинговых и компенсационных расследований, в орган ВТО по разрешению споров: как говорится, голыми руками нас тогда уже не возьмешь. А ведь ежегодная цифра потерь в отраслях готовой продукции низких стадий обработки, по подсчетам экономистов, довольно внушительная – 1 млрд. долларов.

Выгоды, причем в долгосрочном, а не краткосрочном аспекте, будут, если нам удастся решить стратегическую задачу – диверсифицировать структуру нашего экспорта в сторону резкого повышения доли готовой продукции, особенно высокотехнологичной, о необходимости чего разговор идет, по сути, еще с брежневских времен. Если мы сможем резко повысить долю готовых изделий, особенно высокотехнологичных, тогда во вступлении в ВТО будет реальный смысл. В развитых странах доля готовой продукции в стоимости экспорта составляет, как правило, более 70%. По данным Всемирного банка, в настоящее время у США этот показатель достигает 82%, Германии – 84%, Великобритании – 77%, Франции – 83%, Италии – 88%, Канады – 60%.

Поскольку Канада – крупный сырьевой экспортер, то Россия с ней вполне сопоставима. Однако у нас доля готовой продукции в совокупном экспорте составляет лишь 21%. Что касается доли высокотехнологичной продукции в экспорте готовых изделий, то у России это всего 9%, в то время как у США – 32%, Великобритании – 24% и т.д.

Что в итоге получается? Если мы действительно хотим стать развитой державой, то обязаны модернизировать нашу экономику, максимально увеличить ее инновационную составляющую. Собственно, эту цель как приоритетную в экономике провозгласил президент. Но на сегодняшний день наша готовая и, прежде всего, высокотехнологичная продукция, даже имея вышеназванный объем, как раз и встречает главные препоны на мировом рынке (чем выше стадии обработки товаров, тем выше таможенные пошлины и другие ограничения экспорта). Поэтому в стратегическом плане вступление в ВТО для нас просто необходимо, иначе и модернизация экономики во многом будет затрудняться.

И еще раз подчеркну вот что. Торгуем мы, к примеру, с ЕС по правилам ВТО уже с 1995 г. (т.е. после введения в действие торгового раздела Соглашения о партнерстве и сотрудничестве Россия–ЕС), но при этом не имеем возможности влиять на изменение правил ВТО или обращаться в те или иные инстанции ВТО для защиты своих интересов при возникновении спорных ситуаций.

В общем, с обязанностями у нас все в порядке, а вот с правами... С одной стороны, для получения реальных преимуществ от участия в мировой экономике надо, чтобы и наша экономика была максимально либеральной. С другой, как только мы вступаем во ВТО, то и в либерализацию нашего экспорта-импорта втягиваемся сразу – тут уже лишь говорить о диверсификации экономики не отделаешься.

ВТО и субсидирование сельского хозяйства

Замечу сразу, что уровень нашей поддержки сельского хозяйства, по сравнению со странами, задающими в ВТО тон, невелик. Без оговорок разрешенными субсидиями (к ним приравниваются налоговые и другие финансовые льготы) являются субсидии из так называемого «зеленого ящика» – на обеспечение экологии сельского хозяйства, развитие племенного скотоводства и элитного семеноводства, совершенствование инфраструктуры.

В «желтом ящике» находятся в принципе незапрещенные субсидии, однако если кто-либо из стран-членов ВТО выражает протест по поводу их использования (например, когда предоставление каким-либо государством целенаправленных льгот своим конкретным отраслям и производителям ведет к искажению условий конкуренции на рынках пострадавшей от этого страны), по линии ВТО может быть

возбуждено соответствующее расследование. Если говорить о субсидиях из «желтого ящика», то, по данным ВТО за 2005 г., в среднем на душу одного жителя ЕС пришлось 9653 долларов, США – 7238, Канады – 3605. Каждый житель России довольствовался всего лишь 350 долларами.

В прошлом десятилетии государственная поддержка сельского хозяйства снизилась в десятки раз. Наши субсидии аграрному сектору и сегодня низкие, они составляют 2–3 млрд. долларов в год. Однако наше государство экономически крепнет, и мы уже в ближайшей перспективе способны резко увеличить помощь сельскому хозяйству. Эта тенденция наших западных торговых партнеров пугает, они опасаются нового крепнущего конкурента (например, на мировом рынке зерна) и хотят зафиксировать размер субсидий на возможно низкой отметке. Министр сельского хозяйства Алексей Гордеев весной прошлого года заявил, что Россия и ВТО договорились о 9,5 млрд. долларов как о верхней границе. Мы не можем заглянуть за кулисы переговоров по этой проблеме, но способны предположить, что и эту сумму ВТО сегодня требует уменьшить, при уже отмеченном выше росте финансовых возможностей России помочь своим сельхозпроизводителям.

На этом поле (и в аграрном смысле, и в переговорном) четких правил и ограничений нет, поэтому можно сказать, что мы имеем дело с «дипломатией воли и нервов»: кто сколько выторгует и сколько уступит. В последние годы Россия стала заметным экспортером зерна даже при очень ограниченной поддержке государства. А что будет, если наше государство раскроет для аграриев кошелек пошире? Кроме того, теперь зерно активно идет еще и на производство моторного топлива – этанола. Это привело к резкому увеличению спроса на зерно на мировом рынке и, соответственно, повышению цены на него. Что, кстати сказать, обостряет продовольственную проблему для развивающихся стран. Короче говоря, производство зерна – перспективнейшее дело, и тут у России немало козырей. И потому нас побаиваются, сдерживают в развитии всеми способами.

Ветеринарный и фитосанитарный контроль

В области ветеринарного и фитосанитарного контроля хотят, чтобы мы смягчили наши нормы, которые более строги, чем, скажем, в США и ряде других стран. Понятно, что за этим стоит желание больше продавать нам продукции того же животноводства. Но кому, как не России, развивать производство своего молока, мяса, яиц? Или частые и громкие разговоры о перспективах российского фермера – пустой звук?

Соблюдение прав интеллектуальной собственности

Претензии к нам в области соблюдения прав интеллектуальной собственности вполне обоснованны. Хотя следует заметить, что абсолютным чемпионом мира по контрафактной продукции, например, является Китай – член ВТО. Пусть мы, по западным оценкам, в этом деле вторые, что трудно отрицать. Однако, думаю, в любом случае российская ситуация в этой сфере не может быть преградой на пути вступления в ВТО. Ведь наше нынешнее законодательство по интеллектуальной собственности и четвертая часть Гражданского кодекса соответствуют нормам и требованиям ВТО. Российские правоохранительные органы активизировали борьбу со всеми видами нарушений прав интеллектуальной собственности – это факт. Другое дело, что не все сразу получается.

Проблема таможенных пошлин

У нас таможня дает 40% дохода госбюджета (в развитых странах эта цифра равна 1–3%). Резко и сразу снижать импортные пошлины по соображениям как защиты внутреннего рынка и отечественных производителей, так и наполнения госбюджета мы не можем. До сих пор на переговорах с ВТО по таким пошлинам на промышленные и аграрные товары наши переговорщики достигали взаимоприемлемых компромиссов: умеренное снижение тарифов в течение более или менее длительного переходного периода. Кроме импортных пошлин, мы, в отличие от развитых стран, практикуем и экспортные пошлины – прежде всего, на сырьевые продукты (нефть, газ, древесину и др.), и они весьма весомые. Кроме выполнения фискальной задачи, экспортные пошлины также защищают наш внутренний рынок. Как известно, цены, к примеру, на нефтепродукты, на российском внутреннем рынке ниже, чем на мировом. Отменим экспортные пошлины, и наши нефтяные компании бросят максимум своего продукта на экспорт, что неминуемо создаст серьезные проблемы для отечественного потребителя.

Почему Запад хочет убрать эти пошлины? Логика тут простая. Есть пошлины – меньше нашей нефти на мировом рынке и выше цены на этот продукт, что нехорошо. Но и у нас не менее доступная арифметика. Снимем пошлины – меньше нефти на внутреннем рынке, поднимаются цены на этот продукт, а вместе с энергоносителями дорожает все вокруг: страдает наша экономика и, главное, население.

В ВТО нет правил, по которым от нас могли бы потребовать отмены или снижения экспортных пошлин. Однако дело в том, что если наличие экспортных пошлин (тем более высоких) не подпадает под букву требований ВТО, то духу этой организации, безусловно, противоречит. В перспективе России, конечно же, придется экспортные пошлины

хотя бы снижать, иначе трудно будет вести разговор о либерализации в тех областях, где нам это действительно выгодно (вспомним о готовой продукции, о высоких технологиях).

Развитые государства вообще экспортных пошлин не практикуют, но там сложилась другая ситуация. Возьмем Канаду. У нее внутренний уровень цен на энергоносители близок к мировому, что делает неактуальной проблему «опустошения» своего рынка экспортом. Что до фискальной части, то Канада, как и все развитые страны, научилась собирать внутренние налоги, не рассчитывая на экспортные пошлины.

В этом году в России резко повысились экспортные пошлины на необработанный лес. И это тоже спорная проблема в рамках наших взаимоотношений с ВТО. Положение в этой области у нас сложилось катастрофическое. До последнего времени шла безудержная торговля элементарным кругляком, в то время как абсолютное большинство развитых стран торгуют только готовой продукцией из древесины. Ту же Читинскую область превратили в полупустыню, сплавляя лес в Китай – дикая ситуация, которая долгое время находилась абсолютно вне государственного контроля. Повышение экспортных пошлин сразу дало серьезный результат: экспорт необработанной древесины значительно упал. Но надо идти дальше, организовывать свое обрабатывающее производство, хотя бы первичное – по изготовлению шпунтованной доски, фанеры, вагонки и т.п., а еще лучше – мебели и других изделий с высокой добавленной стоимостью. Но с этим сложнее. С мебелью всегда были проблемы. Хороший гарнитур в советское время ввозился как минимум из стран соцлагеря, лучшей бумагой считалась финская... Разумеется, и сегодня финны хотели бы получать наш кругляк, а потом продавать России бумажные рулоны и мебель, но это никак не в наших интересах. Тут опять-таки надо держаться дороги в будущее: по максимуму переходить на торговлю готовой продукцией, которая во всех отношениях выгоднее, чем продажа сырья.

Вступление в ВТО и экономика Москвы

Столица не добывает нефть или уголь, не сеет и не жнет, ее экономика сбалансирована, мобильна, поэтому Москве вряд ли стоит ожидать резких изменений. Тем не менее к вступлению России в ВТО экономика Москвы должна готовиться.

Московская фармацевтика, скажем, не особенно заметит новации, так как она в основном производит недорогие медикаменты, а снижение импортных пошлин предусматривается здесь совсем небольшое. Однако снижение пошлин на дорогие импортные лекарственные препараты будет иметь для московского бюджета существенное значение. Например, многие онкологические лекарства у нас не производятся, та

же Москва их покупает по очень высокой цене, а потом субсидирует из бюджета для граждан льготных категорий. Ниже импортные пошлины – легче городской казне, которая может направить вырученные средства на иные, не менее насущные, но пока не удовлетворенные нужды граждан.

В швейной и обувной промышленности эти пошлины снижаются до 2,5–5%, однако московские предприятия в этой сфере больше испытывают конкуренцию не со стороны официальных зарубежных производителей и поставщиков на наш рынок, а челноков с их товаром. По свинине, говядине и мясу птицы ситуация с пошлинами и квотами сохраняется до 2009 года: подмосковные производители, питающие столицу, могут работать спокойно.

Главное для Москвы вот что: здесь сосредоточены высокотехнологичные производства, предприятия с высокими стадиями обработки. Все они сразу не почувствуют выгоды от вступления в ВТО, но им даются хорошие возможности для перспективного развития. Москве, как крупнейшему городу России, обладающему современной экономикой, будут даны дополнительные шансы для промышленного и финансового роста – надо только умело ими воспользоваться.

ВТО и российский потребитель

Какие выгоды способно принести членство в ВТО отечественному потребителю? Насчет снижения цен не уверен, пусть уменьшение импортных пошлин по идее и должно способствовать удешевлению товаров. Но вот ассортимент и качество услуг для населения, без сомнения, должны претерпеть изменения в лучшую сторону. Непросто придется, например, страховым компаниям. Возможность иностранных вложений в их основной капитал возрастет с 25 до 50%, в конце переходного периода сроком в 9 лет зарубежным страховым компаниям будет разрешено создавать у нас оффшорные филиалы. Все это означает непростую жизнь для тех, кто, извините, привык работать слишком просто. Однако пора заканчивать с тем убогим перечнем услуг, которые нам нередко предлагают иные страховые кампании, рассчитывая при этом получать от клиентов значительные суммы.

Или вот банковское дело. Центробанк уже в 1990-е годы объявил о допущении иностранной доли в основном капитале и активах отечественной банковской системы в пределах 12%. Однако в реальности она до недавнего времени не превышала 5–6%. В перспективе доля иностранного капитала должна возрасти до 50%. Ассоциация российских банков уже забила тревогу, требуя ограничить квоту 25%. Можно, конечно, пожалеть наших банкиров в связи с ожидающими их трудностями, но ведь есть еще и население, вкладчики этих самых бан-

ков. Где это в мире видано, чтобы банк давал кредиты под 15% и более, а проценты по текущим вкладам выплачивал в 1%? У нас попросту происходит грабеж на базе того, что на кредитном рынке доминируют «продавцы» кредитов, а не их «покупатели». Наши банки, по сравнению с зарубежными, во-первых, маломощны (поможет реструктуризация, слияние), а во-вторых, им надо учиться уважать клиента, особенно в лице простых граждан (поможет иностранная конкуренция).

Членство в ВТО и стратегическая задача

Вступление в ВТО поможет решить нам главную стратегическую задачу – диверсификацию экспорта и экономики в целом. Это хорошо, но здесь мы получаем только шанс на будущее, а не сиюминутные блага. При этом в текущем плане надо быть готовыми получить массу проблем, связанных с либерализацией нашего импорта, которая снизит уровень защиты отечественных производителей от внешней конкуренции.

Так что лучше бы России не рваться в ВТО без оглядки, платя любую цену за вступление в нее как можно скорее. Вместе с тем надо еще более активно к такому вступлению готовиться. Без модернизации нашей экономики у нас нет будущего – ни с ВТО, ни без.

Редакция продолжает публикации работ молодых исследователей, пробующих свои силы в сфере политической аналитики. Непредвзятость и свежий взгляд на актуальные проблемы современности в сочетании с хорошей эрудицией, умение органично включаться в дискуссии и четко формулировать свои позиции, высказывать суждения, нередко расходящиеся с авторитетными мнениями, – одна из характерных примет работ, привлечших внимание редакции.

Сегодня на страницах «Вестника» – статья студента 3-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ Аскара Валитова.

Аскар ВАЛИТОВ

ЭКСПОРТ ДЕМОКРАТИИ: ПОМОЩЬ ИЛИ УГРОЗА?

После распада СССР в мире осталась одна сверхдержава – Соединенные Штаты Америки. Эта победа, венчавшая полувековое противостояние двух систем, стала ассоциироваться с победой либеральной доктрины над доктриной коммунизма-ленинизма. Либеральная демократия была признана залогом жизнестойкости государства. Страны с недемократическими режимами стали считаться нецивилизованными. Возникли количественные критерии демократичности государства. Возник также новый феномен международной политики – «экспорт демократии». Право на экспорт естественным образом получили исключительно Соединенные Штаты как носитель «самой развитой» демократии. Это стало основой американской внешней политики конца XX – начала XXI века.

Основой для определения понятия «экспорт демократии» является тот смысл, который вкладывается в слово «демократия». Сегодня торжествует институциональный подход к изучению этого феномена. Политический строй свели к набору социально-политических институтов. Научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин в своей книге «Приживется ли демократия в России» приводит семь признаков демократичности государства. Это набор институтов, «при нормальном функционировании которых можно говорить, что в

данной стране есть «демократия»¹. Они включают в себя выборы, разделение властей, свободные СМИ, свободу и права граждан. Институционалисты утверждают, что это и есть демократия. Они не специфицируют ни субъекта, ни объекта власти.

Лишь подобный подход делает экспорт демократии возможным. Во-первых, он позволяет оценить, где демократия есть, а где ее нет. А во-вторых, институты можно транспортировать. Проследим, как мир дошел до этого представления.

Философия Аристотеля

Аристотель был первым философом, который анализировал и идеализировал различные формы правления. Он разделяет их по количественному признаку на три типа: монархия, аристократия и полития. Монархия характеризуется тем, что в государстве власть принадлежит лишь одному человеку – монарху, при аристократии власть находится в руках немногих, а при политии (республике) государство управляется большинством. Последнюю форму правления философ рассматривал как идеальную. Свободные и равноправные граждане, по его мнению, способны управлять государством наилучшим образом.

Аристотель задается вопросом, обладает ли преимуществом большинство перед меньшинством? И отвечает на него положительно в том смысле, что хотя каждый член меньшинства лучше каждого члена большинства, в целом большинство лучше меньшинства, хотя среди большинства каждый обращает внимание лишь на одну какую-нибудь часть, но все вместе видят все. Иначе говоря, правители из Москвы или Санкт-Петербурга, какими бы умными и благородными они ни были, могут упустить какие-то процессы, скажем, на Камчатке. Поэтому лучше, если в управлении государством, в принятии решений принимают участие и Калининград, и Владивосток, и Краснодар, и Москва, и Петербург. То же касается и политических движений.

Таковы правильные формы правления. Каждой из этих форм политического устройства соответствует по одному искажению. И это уже качественный критерий классификации Аристотеля. Монархия может обернуться тиранией, аристократия – олигархией, полития – «демократией». Здесь демократия – это когда власть распределяется между всеми жителями, включая тех, кто к власти реально не имеет никакого отношения. Тем самым размывается субъектность власти.

Еще в древние времена произошла путаница с понятиями. Последователи Аристотеля позже стали называть политию демократией – отнюдь не в ругательном смысле этого слова, поскольку подразумевалась именно ограниченная демократия, власть граждан, а аристотелевскую демократию – охлократией (от греч. *охлос* – толпа).

¹ Ясин Е.Г. Приживется ли в России демократия? – М.: Новое издательство. 2005. С. 38.

Философия Нового времени

Однако в философских кругах идеи Аристотеля не вызвали большого резонанса и не обсуждались вплоть до Нового времени. Великая французская революция разожгла споры вокруг «воли народа» и воскресила понятие «демократия». Руссо, например, понимал свободу, как суверенитет народа от власти. При этом законотворчество принадлежит народу – народ сам определяет «правила игры», по которым он сам же потом и играет. Таким образом, Руссо развил идею Канта об источнике права, превратив ее в самопрограммируемый механизм жизни народа. Эта идея вполне отвечала духу времени. Но поскольку единая воля народа может проявиться лишь в форме общих, абстрактных законов, то эту волю необходимо определить в некоторую операцию, чтобы исключить все интересы, которые нельзя обобщить. Поэтому эти законы должны гарантировать свободу и равенство (хотя бы правовое) всем гражданам. Общество договаривается лишь о правилах поведения, а все остальные решения принадлежат индивиду.

Так Кант и Руссо дополнили понятие «демократия» понятием «свобода». Следует отметить, что свобода здесь уже не та, что была у Аристотеля, так как она служит разным целям. У античного философа свободный человек мыслит иначе, нежели подвластный, и способен принимать правильные решения. Следовательно, все граждане (те, кто фактически управляет страной) должны быть равными и свободными. У современников Французской революции все наоборот: свобода нужна потому, что общество не способно постоянно принимать совместные решения, значит, надо собраться и определить границы этой свободы так, чтобы один человек в своей свободе не нарушал свободы другого. Далее, в определенной тебе ячейке ты можешь творить, что хочешь, главное – не переходить границы вседозволенности.

Иначе говоря, Руссо изначально ориентируется на то самое искажение политики – на «демократию». Он фактически рассуждал над тем, как сделать «демократию» социально приемлемой. Аргументом в пользу искажения служит то, что политика – слишком идеализированное понятие для современного мира. К этому также подталкивала Французская революция – народ бы не принял идеи об избранности человека для государственного управления. Реальность требовала философского обоснования власти толпы.

По сути, в очередной раз произошла подмена понятий. Идеальной формой правления стала называться та, от которой еще в античные времена предостерегал Аристотель. Причем поменялись не только слова, но и смыслы, и отношение к ним.

Вклад Юлиуса Фрёбеля

Немецкий философ Юлиус Фрёбель в своем памфлете 1848 г. развил идеи Руссо и Канта. «Правила игры» для народа, по его мнению, должны формироваться в результате свободной дискуссии и голосования. Фактически Фрёбель приписывает общественному дискурсу такую роль, которую Руссо отводил лишь форме закона, т.е. решениям, с которыми все соглашаются и соблюдают. Общественная коммуникация есть путь к поиску истинного, правильного решения.

В отличие от Руссо, народ, в понимании немецкого философа, не носитель законной монопольной власти, а среда, в которой происходит многоголосый процесс формирования мнения большинства. В дискуссии все утверждения, предложения, законопроекты проверяются и отбираются лишь самые стойкие к критике (принимаются большинством). Т.е. важен сам процесс коммуникации, в котором закон проходит процедуру легитимизации.

Таким образом, Фрёбеля можно считать основоположником институционального подхода к идее демократии – именно он делает акцент на *процедуре* принятия решений. Он же описывает и механизмы, и институты демократического общества: многопартийная система, свободные СМИ, свободные выборы – т.е. то, что понимает под словом «демократия» Е.Г.Ясин и другие современные политологи. (Хотя у самого Юлиуса Фрёбеля это понимание было, безусловно, значительно шире.)

Описать дальнейшую эволюцию понятия «демократия», ссылаясь на конкретных авторов, сложно. Просто в один момент все дружно стали понимать под этим словом набор социальных институтов. Все труды Аристотеля, Канта, Руссо признали утопиями. Действительно, институциональный подход очень прост: необходимо наладить работу парламента, освободить от опеки СМИ, проводить демократические выборы, разделить власти, и процедура общественного дискурса заработает сама собой. Только этот подход не учитывает субъекта управления страной. А значит, институционалисты слепы в своем стремлении «наладить машину» до состояния невмешательства государства.

Суть понятия «экспорт демократии»

Теперь о самом феномене экспорта демократии. Этот термин в современной литературе используется исключительно для определения внешней политики США. Попытки распространить свое понимание демократии в другие страны и называют экспортом демократии. Что же скрывается за этими альтруистическими стремлениями?

Руководитель Института по изучению гражданского общества (ИИГО) Файзулла Муминов на семинаре на тему «Экспорт демокра-

тии: к чему она ведет» определил рассматриваемое нами понятие как «глобальный метод расширения зоны геополитических интересов для получения дополнительных рынков сбыта, приобретения дешевого природного сырья, использования рабочей силы»². При этом он отметил, что «страны-экспортеры» исходят лишь из своих политических, экономических, социальных и иных потребностей, создавая в «странах-реципиентах» сферу собственного влияния, внедряя туда устраивающий их политический режим для получения дополнительных рынков сбыта, приобретения дешевого природного сырья, использования рабочей силы.

Это что касается конечных целей. Как и у любого государства, цели внешней политики исходят из национальных интересов. И правы те, кто оправдывает американцев, говоря, что они просто стремятся победить в мировой конкуренции. Их действительно можно понять. Но оправдывать их можно до тех пор, пока их национальные интересы не пересекаются с нашими (или с чьими-либо еще). И вот в этом случае этот процесс уже стоит классифицировать иначе.

Не менее важен другой вопрос: что является объектом экспорта демократии, т.е. на что или на кого конкретно переносятся идеи либерализма? Многие политологи говорят, что объектом здесь является политическая элита. Договорившись с ней, получишь все ресурсы. Однако анализ «оранжевой революции» на Украине показывает, что с элитой договариваться не пришлось – ее сменили. Но и она оказала не такое значительное влияние, какое оказали люди, вышедшие на Майдан. Что побудило их? Идеологическая обработка, то, что как раз и является экспортом демократии.

Российский методолог Юрий Громыко описывает рассматриваемый нами термин через понятие «консциентальная война», т.е. манипуляция сознанием³. Условия для этого уже частично разбирались. При традиционном обществе ценности определялись Законом божьим. После разрушения этого строя в ряде стран данную функцию взяла на себя правящая партия. Причем при монархии этого практически не бывает, царь – это посланник божий, он может лишь трактовать священное писание, но не нарушать его. А партия (реальная партия, а не то, что существует сегодня в США или в России) дает свой закон – идеологию. Но век партийных идеологий уходит, остались лишь единицы. И сознание остается открытым для воздействия. Именно по этой причине страны, еще способные оказывать сопротивление в консциентальных войнах, – это страны, живущие еще при традиционном укладе. С ними американцы идеологических войн не ведут, используя свой потенциал вооружений.

² http://www.gzt.uz/politika/eksport_demokratii_k_chemu_on_privedet.mgr

³ <http://www.shkp.ru/lib/archive/materials/kyiv2002/3>

Таким образом, формируется новый тип господства – господство в сознании народов. При этом старые типы господства – насилие, богатство – никуда не деваются, просто они в большинстве случаев отходят на второй план, встраиваются в другую структуру. И это не просто элемент внешней политики отдельно взятой страны, это новые реалии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если не учитывать этого важнейшего фактора, то получается, как в известной фразе: «Если против вас ведут войну, а вы делаете вид, что не замечаете, то вы идиот».

Характеристика консциентальных войн

Эти нового вида войны отличаются от традиционных по ряду моментов. Во-первых, они не предполагают больших войн. Исключительно локальные спецоперации, исключительно в целях устрашения. Но чем более локализованы военные действия, тем они более интенсивны. При этом военная сила применяется не всегда.

Во-вторых, для войны нового типа характерен чрезмерный символизм. Если мы видим террористические атаки на США (точнее, нам говорят, что это терроризм), то это атака башен-близнецов на Манхэттене, символизирующих деньги – так ненавистный арабам доллар, и Пентагона, причем того самого крыла, которое отвечает за международный терроризм. Сомнений не остается – это арабский терроризм.

Третья особенность кардинально отличает консциентальные войны от всех других. Здесь война идет, по сути, не против государства, цели поразить мощь государства не ставится. Это война направлена на то, чтобы нанести удар по государственности. Поэтому побежденная страна попадает в рабство и остается в нем, пока не осознает всей ситуации. Но ввиду того, что культура рефлексии в таких странах истребляется на корню, сделать это крайне сложно.

Оружием в консциентальных войнах являются политтехнологии, только направленные не на внутреннее потребление, а на внешнее. Например, выдвижение сразу двух кандидатов – перспективного и кажущегося перспективным. Таким образом, получается небольшой перевес голосов избирателей (если президент получает поддержку в 72%, то это сегодня автоматически говорит о «недемократичности» выборов), и побеждает нужный кандидат. Соблюдается формально необходимая процедура предвыборной борьбы. Мы могли наблюдать это на Украине. Хотя там система дала сбой: победил ненужный «кандидат». Пришлось включать другую технологию.

Основная опасность консциентальных войн – это их недооценка. Государственной безопасностью практически во всех странах занимаются люди военные, мыслящие в категориях военных конфликтов. Поэтому США сознательно подстрекают другие страны, претендую-

щие на сопротивление, на гонку вооружений. Это практически бесполезные траты государственного бюджета. Защищая границы, власти часто оставляют «неприкрытым» сознание людей.

Суверенная демократия

В ответ на внешнюю угрозу консциентальной войны российская власть выдвинула свою «концепцию» политического развития страны, основывающуюся на термине «суверенная демократия». 22 февраля 2006 г. в программной речи перед партийным активом «Единой России» В.Сурков впервые озвучил этот термин. Согласно определению, данному им, суверенная демократия – это «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими».

Иначе говоря, «суверенная демократия» – это демократический политический строй, определяемый внутри государства, а не извне. Надо признать, развитие это понятие не получило. Это, конечно, хорошо – строить демократию самим. Но для этого надо четко понимать, что именно строить. Недостаточно сказать: «У нас будет не как у них», – нужно все-таки сказать, как будет у нас. «План Путина» на этот вопрос, к сожалению, не отвечает.

Давайте посмотрим, что же у нас строится. Для этого рассмотрим один пример – заседание нижней палаты российского парламента – Государственной Думы – 8 мая 2008 г., когда на голосовании «принималось решение» об утверждении В.В.Путина на пост премьер-министра РФ. В российской прессе о самом факте избрания депутатами практически не писали – писали о том, как все это прошло, что за этим последует, а факт избрания был абсолютно естественным. Несмотря на это, процедура утверждения получилась довольно яркой и запоминающейся. Представил Владимира Владимировича избранный президент Дмитрий Анатольевич Медведев. Не будем вдаваться в детали программной речи Путина, для анализа важнее то, что происходило позже.

Вся интрига крутилась вокруг Коммунистической партии, не желавшей голосовать за утверждение нового премьера. Естественно, на результат голосования это повлиять не могло, но все же было интересно. Для выступления первым к трибуне вышел лидер коммунистов Геннадий Зюганов. Сначала он похвалил бывшего президента за его бесспорные заслуги. После чего перешел к критике – плохие министры, чиновники, нищее население, уничтожение основ демократии, пробуксовка создания Союзного государства России и Белоруссии, которое

давно пора бы создать. «Я считаю, лучший вариант для вас – быть президентом России и Белоруссии, я вам это предлагал», – добавил он.

После выступления Зюганова стало как-то тревожно. Но все тревоги развеял следующий оратор – Владимир Вольфович Жириновский. В первую очередь досталось коммунистам. Досталось за все – за 1917-й, за 1991-й, за то, что молодой Владимир Вольфович стоял в очереди за парусиновыми ботинками; в том, что у нас плохая правоохранительная система и вороватые чиновники, тоже коммунисты виноваты – не надо было дворян расстреливать и лучших философов за границу отправлять. В общем, рейтинг коммунистов в глазах телезрителей, лицезреющих эту картину, заметно упал, а внимание было переключено на лидера ЛДПР. Далее происходит и вовсе обидная для коммунистов вещь. Николай Харитонов, заместитель Зюганова, встает и направляется к В.В.Путину и передает письмо от рабочих совхоза «Звенигородский», где они обращаются к Путину как к президенту. Диктор телеканала комментирует так: «Геннадия Зюганову сложно одновременно смотреть на Владимира Владимировича и следить за партией. Вот и вышел без согласований Харитонов к будущему премьер-министру «на поклон».

Результат заседания: В.В.Путин утвержден на пост премьер-министра рекордными 392 голосами, кроме депутатов, Путина поддерживают и простые рабочие, коммунисты не могут уследить даже за своей партией, в России есть демократия – ведь 56 человек проголосовало против. По тому, как все происходило, по тому, как все преподносилось, по тому, что получилось в результате, видно, все заседание было очень хорошо спланировано. Мы наблюдали спектакль, причем актеры играли строго отведенные им роли, не зная (а иногда зная) о том, что они вписаны в чей-то сценарий. Спрогнозировать то, что будет говорить Жириновский после выступления коммунистов, всегда несложно, поэтому он выступал сразу после них. Харитонов за Путина – принес письмо, да так, что все сразу все поняли.

Это чистой воды политтехнологии. Настораживает другое – то, что они используются для того, чтобы имитировать демократию в России. Насколько серьезно наше руководство относится к угрозе идеологической войны, неизвестно. Но недооценка этого фактора однажды сыграла злую шутку с нашей страной. Ответом на подобную угрозу не может быть лишь формальное провозглашение какого-то курса. По мнению автора, это должен быть истинно демократический путь развития.

* * *

«Экспорт демократии» за последние десять-пятнадцать лет описывался многократно. Анализируя этот феномен и его результаты, многие политологи пришли к следующему выводу: существуют страны, в

которых демократия возможна (страны западной цивилизации), и страны, в которых демократия не может прижиться ни при каких обстоятельствах (в т.ч. и Россия). Аргумент там был один – эмпирика: опыт стран, уже прошедших через этот процесс. Как правило, он плачевный. Но, рассмотрев само понятие демократии, цели и средства экспорта демократии, мы можем сделать вывод: демократия никогда никуда не экспортировалась. Переносились социальные и политические институты с целью идеологического захвата страны, но политический строй, как самоопределение народа и власти, экспортироваться не может по определению.

Под анализируемым нами понятием скрывается новый тип превосходства, связанный с не прямым вмешательством или военным превосходством, а с воздействием на сознание граждан. Недооценка этого фактора может стоить очень дорого для любой страны.

Вопрос, как бороться на идеологическом поприще, остается открытым. Выдвинутая концепция «суверенной демократии», на мой взгляд, не несет в себе большого содержания. Чем мы будем отвечать на возможный вызов потенциального противника – непонятно. Когда речь заходит о возможном идеологическом противостоянии, эксперты и рядовые граждане практически всегда отвечают, что не надо бороться с внешним врагом, а надо сконцентрироваться на внутренних проблемах. «Хватит искать себе врагов, займитесь делом!»

Особенность складывающейся ситуации заключается в том, что эти два процесса неразделимы. Чем мы сильнее внутренне, тем мы более «боеспособны». Вот только необходимо определиться с тем, какой характер будет иметь наша сила.

Во второй половине XX века мы решили догнать США в экономике, не получилось. Теперь ставим своей целью освоить политтехнологии на американском уровне. По мнению автора, этот путь для России губительный. Нам нужна истинная демократия, этим мы будем отличаться от любой страны земного шара.

ИЗЪЯНЫ И РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В обсуждении проблемы приняли участие доктор философских наук, профессор В.А.Луков, доктор педагогических наук, профессор О.К.Филатов, доктор физико-математических наук, профессор Е.Н.Яковлев. Ведущий – доктор философских наук, профессор П.С.Гуревич.

П.С.ГУРЕВИЧ: Сравнительно недавно умер видный государственный деятель советской эпохи Михаил Соломенцев. Незадолго до кончины у него взяли интервью. Был задан вопрос: «Какова главная беда современной России?» Он ответил: «Непрофессионализм управления». Может быть, это пристрастный взгляд человека ушедшего времени? Или экспертиза опытного социального организатора? А если предположить, что это точная оценка, то возникают и другие вопросы. Относится ли снижение профессионализма только к России, или это общая тенденция, некий признак новейшего времени? Парадокс усматривается в том, что, с одной стороны, бурно развивается менеджмент, внедряются новые управленческие технологии, изучается опыт эффективных компаний, а с другой, крайне мало критического анализа управленческих неудач, разносторонних экспертиз. В чем дело? Наконец, что надо делать, чтобы осознать изъяны и выявить ресурсы социального управления?

О.К.ФИЛАТОВ: Хочется сразу согласиться с мнением Соломенцева. Философы XVIII в. высмеивали современную им элиту. Она была ужасающе невежественной, несмотря на титулы и богатство. Они просто покупали знания и услуги в любых областях: финансах, архитектуре, управлении, искусстве или военном деле. Невежество элиты было настолько вопиющим, что она была просто не способна к руководству. Но тогда существовала потребность в общих и, по всей видимости, глубоких знаниях в некоторых областях. Поэтому люди должны были интересоваться идеями и изобретениями своего времени. А для этого читать, думать, задавать вопросы и обсуждать проблемы, выходящие за узко профессиональные рамки. Рассматривать общество как органическую, живую материю. Сегодня, по сравнению с технократами наших дней, прежние руководители-аристократы покажутся знатоками, эрудитами и цивилизованными людьми. Современный технократ активен и действительно сильно подготовлен. Но, исходя из любого современного традиционного стандарта, он – фактически неграмотный человек.

Представьте себе, господина Кириенко назначают на высокий пост, связанный с атомной промышленностью, и он заявляет что-то вроде: дело для меня

новое, но рассчитываю подучиться. Спрашивается: почему никто не смеется? Отчего не слышен голос новоявленного Михаила Евграфовича? Послушайте, какая чудовищная инверсия. Ведь сначала учатся, а потом управляют. А вовсе не наоборот. Русский поэт Велимир Хлебников мечтал о должности председателя земного шара. А что? Пусть подучится. Так почему-то не назначили. Видите, какое несправедливое отношение к руководящим кадрам. Теперь возьмем для полноты картины юриста Германа Грефа. Вот умерла академик Наталья Петровна Бехтерева. Газеты откликнулись сразу: «Кто теперь разгадает тайны мозга?» Настоящий специалист незаменим. Уход Грефа такими стенаниями не сопровождался. Никто не обозначился: «Что теперь будет с российской экономикой?» Забавно сегодня читать рекомендации этого управленца теперь уже сотрудникам банка. Он увещевает их быть вежливыми, внимательно относиться к замечаниям клиентов.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: А что, дельные советы...

О.К.ФИЛАТОВ: Само собой. Но обозначим первую проблему – некомпетентность. Управленцы уверены, что бизнес во всех своих проявлениях одинаков. Распределяя задания между менеджерами, среднестатистический управленец абсолютно равнодушен к тому, какова специфика данной деятельности. Оказывается, нам нужны знания не по профилю, а в области менеджмента. Варить сталь, добывать уголь, внедрять нанотехнологии, руководить вузом – не все ли равно? Важно усвоить основные принципы управления. И вот парадокс: все говорят о профессионализме, а вокруг засилье дилетантов. Появились новые понятия – компетенция, компетентность, обозначены их признаки. А вокруг одни мастера издавать сельскохозяйственную газету, разумеется, в том варианте, как это описал Марк Твен. За 15 лет, в течение которых современная элита пытается вывести страну из кризиса, никакого прорыва не обозначилось. И вот при изобилии финансовых ресурсов, при почти идеальной внешней конъюнктуре уровень инвестиций в реальный сектор экономики крайне низок. Он в два раза ниже, чем в Индии и Китае. Станкостроение в России практически исчезло. Дороги разрушаются, а те, которые с твердым покрытием, сокращаются. Дорожное строительство переживает не лучшие времена. Чем можно похвалиться? Разве только торгово-развлекательными центрами. Трудно представить сейчас такого сталинского наркома, который имел бы приблизительное представление о своем наркомате, о том, чем он, вообще говоря, занимается.

П.С.ГУРЕВИЧ: О реформаторах такого класса, как Витте или Столыпин, нет и речи.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Давайте сравним. Вот недавний министр Зурабов. До сих пор его вспоминают, как водевильную фигуру, который успел развалить здравоохранение. Теперь о нынешнем министре образования. Он остался в новом правительстве. А за какие заслуги? Все эти начинания уже отразились негативно на современном образовании. Мог бы при любой власти на посту министра красоваться министр, от которого стонет вся общественность – научная, вузовская, педагогическая? Писатели дают аргументированный анализ современного изучения литературы, истории в школе. Родители напуганы психологическими последствиями ЕГЭ. Спрашивается, кому нужна реформа, если она проводится «через колено», вопреки мнениям специалистов, без учета непредвиденных и очевидных последствий? Фурсенко видел смысл ЕГЭ

в том, чтобы дать всем выпускникам школы равные шансы и предотвратить вузовские злоупотребления при отборе будущих студентов. А что получилось? Теперь школа имеет возможность «обойти» возникшие сложности и за обозначенную сумму помочь отпрыску получить неплохие оценки для поступления в вуз. Побороться с коррупцией не получилось. А сведение обучения к тестовой проверке окончательно подрывает идею образования. Ведь новое поколение должно получить не только информацию, полезные сведения. Древние греки учили: надо зажечь факел, а не наполнить голову молодого человека знаниями. Получается, что прорыв в области образования обернулся разрывом с многолетней духовной традицией. Министр говорит также о том, что мы должны воспитывать в школе будущих потребителей. Он ощущает себя крупным государственным деятелем. В самом деле, потребительское общество будет развиваться, а питомцы школы так и не научатся потреблять. Ведь это же коллапс для экономики. А может быть, школа должна приучать своих выпускников к креативности, к умению мыслить нестандартно, предлагать нетривиальные решения.

П.С.ГУРЕВИЧ: Еще один недостаток современных управленцев – отсутствие системности в работе. Взгляд лидера падает на какую-то сферу жизни, обнаруживает в ней недостатки, и тут же начинается «штурм». Но ведь у каждой проблемы есть своя история. Здравому смыслу нетрудно разглядеть абсурдность той или иной ситуации. Но для исправления ситуации одних эмоций мало. А вот предыдущий премьер Зубков с огромным изумлением обнаружил, что людям трудно жить на одну пенсию, что сельское хозяйство у нас запущено. Эльвира Набиуллина недавно сказала: «Нас часто, и нередко справедливо, упрекают в отсутствии системного подхода к решению проблем. Мы сейчас принимаем целый ряд долгосрочных программ, которые порой не увязаны друг с другом: генеральная схема размещения объектов электроэнергетики, стратегия развития РЖД, стратегии развития регионов или краев России. Все это отдельные блоки здания, но общего рисунка, плана и сметы этого здания у правительства пока нет. Концепция как раз и должна дать системную картину развития страны, конкретный план работы». Понятие системности здесь, на мой взгляд, упрощено. Речь, по сути дела, идет о комплексном подходе. Но этого мало. Системность предполагает учет не только актуальных, но и долгоиграющих тенденций.

Результаты ЕГЭ в этом году удручающие. Технологизация испытаний погружает в отчаяние. ЕГЭ – это утраченные иллюзии. Родители надеялись, что их дети, живущие в разных городах страны, будут учиться в лучших московских вузах. Никто не учел при этом стоимость жизни в Москве, наличие общежитий и т.д. Вводя тестовую систему, чиновники не учли практических установок школьников. Масса рабочих в современной экономике не востребована. Кто должен был учесть все это? Образовательная реформа не была соотнесена даже с реформой армии. Такой управленческий принцип хорошо известен: «Ввяжемся в драку, а там посмотрим...». Но каждый управленец должен знать, что любое его решение влечет за собой массу непредвиденных следствий. «Свободен только первый шаг, но мы рабы другого». Не так ли учил нас великий Гете?

В.А.ЛУКОВ: Все же надо заметить, что многие проблемы управления сложились не только в нашей стране. Налицо и некоторые общие тенденции,

которые обнаруживают себя в современной культуре. Журнал «Вестник аналитики» уже писал о том, что сложившиеся типы социального управления изжили себя, утратили свою эффективность. Настало время осознать, что следовало бы радикально пересмотреть основы технократической идеологии. Она фатально заражена рационализмом. Обладание знаниями, их использование и проверка стали главной заботой элит, оценкой мастерства и лейтмотивом деятельности элит. Однако сила этих элит зависит не от эффективности использования этих знаний, а от эффективности контроля их использования. Таким образом, среди иллюзий, в которых пребывает наша цивилизация, присутствует и абсолютная вера в то, что решение наших проблем заключается в более точном применении рационально организованной экспертизы. В действительности же наши проблемы чаще всего являются следствием ее применения. Утверждение, будто мы создали самое усовершенствованное общество в истории человечества, – всего лишь иллюзия. А реальность такова, что разделение знаний на феодальные вотчины сделало всеобщее понимание и скоординированное действие не только невозможными, но и сомнительными и вызывающими презрение.

П.С.ГУРЕВИЧ: Макс Вебер писал: рациональность – судьба европейской цивилизации. Можно ли бороться с судьбой? Никогда в истории не было так много элит, обремененных весьма большим влиянием и знаниями. Джон Сол с огромной тревогой пишет о том, что технократическая идеология овладела миром, что именно этот факт объясняет, почему многие мировые проблемы возникают для человечества неожиданно, негаданно. К примеру, угроза продовольственного голода. Ведь никто не ожидал. Все полагали, что со временем еда вообще станет дешевой. Теперь оказывается, что для ряда социальных слоев она вообще окажется недоступной. А угроза, связанная с потеплением климата? Писали на эту тему с раздражением, мол, зачем нас пугают, ничего этого не будет. Теперь кризис с питьевой водой. Призывы поставить глобальные ресурсы под глобальный контроль. Василий Шукшин в рассказе «Срезал» гениально пародирует технократическое мышление. Обращаясь к кандидату наук, приехавшему в деревню, он интересуется феноменом шаманизма и задает такой вопрос: «Где хотя бы приблизительные расчеты?» В самом деле, где они? Вот отечественный писатель Иван Ефремов в романе «Час быка» рисует знакомую теперь ситуацию. В мире царит голод, а очень богатым людям не жарко, не холодно. Так вот технократы убеждены в том, что все социальные проблемы можно решить с помощью рациональной экспертизы. Так выявилась своеобразная паранойя экспертного знания.

Е.А.ЯКОВЛЕВ: Больше всего на свете власть боится критики. Ни демократы, ни диктаторы не способны принять тот факт, что критика является наилучшим средством от совершения ошибок и самым действенным инструментом любого общества. Слабость власти, основанной на рационализме, хорошо видна в том, что она даже в большей степени, нежели средневековые власти, воспринимает критику как деструктивную силу. Из замков современной власти изгнаны даже шуты.

П.С.ГУРЕВИЧ: Из экспертного знания вытравлено все, что не относится к логике, – веления духа, интуиция, воображение, вера и эмоции. Это постоянное утверждение разума продолжается и в наши дни. Он затмил уже все другие возможности постижения реальности. Именно поэтому серьезные просче-

ты в управлении даже не воспринимаются нашим обществом как провал, как скандальное событие. То, что натворила бюрократическая логика, можно исправить с помощью этой же логики.

Е.А.ЯКОВЛЕВ: Представьте себе, сколько сил было потрачено на проведение административной реформы. Сколько было очевидных обоснований, расчетов. Может ли министерство думать о планах на будущее, если оно занято рутинной каждодневной работой? Надо создать внутри этой структуры самостоятельное агентство. А кто же будет контролировать всю работу, проверять ее эффективность? Еще одно агентство. Как все логично, технократично. Пока перетаскивали столы и стулья, все работа была парализована. Но вот постепенно все стало входить в некие берега. Со стенаниями, но все-таки новая схема стала обкатываться. Но тут выявилась ее неэффективность. Как говорится, лучше не стало. Хорошо бы вернуться к тому, что было. Но аппарат уже не может справиться с еще одной масштабной реорганизацией. Приходится отказываться от новой полноценной административной реформы. Нельзя же парализовать работу управления еще на полгода-год. Вот и приходится ограничиваться косметическими мерами. Ликвидировать некоторые абсолютно ненужные агентства, перестроить деятельность отдельных министерств. А в новом, уже при Путине, правительстве назначить несколько вице-премьеров.

В.А.ЛУКОВ: Судя по внешним признакам, жить стало лучше, жить стало веселее. С началом девяностых не сравнить. Но это в среднем по стране, а реальность все больше напоминает горный ландшафт: то Эверест, то пропасть. Чудовищное расслоение народа по богатству, власти и престижу (формула Макса Вебера) закрепилось надолго, сегодня это предлагаемые обстоятельства для постановки и решения любой социальной проблемы.

Никуда не делось и резкое имущественное расслоение россиян. У нас по-прежнему много бедных. По данным Росстата, доход 22,3 млн. россиян ниже прожиточного минимума. Значит, за чертой бедности – каждый седьмой житель страны! Причем половина бедняков – работающие люди. Но в реальности число живущих за чертой бедности гораздо выше, чем насчитали в Госстате. Мне не представляется полезной для дела позиция значительной части нашей интеллигенции, «допускающей шипение в адрес властей», осмистывающей инициативы Кремля, так сказать, чохом, без разбора. Призывы распределить нефтедоллары среди российского народа для поддержания штанов привлекательны, но неконструктивны. Напротив, путь на реализацию национальных проектов по своему замыслу конструктивен, хотя сейчас многим кажется непривлекательным.

В чем же дело? Почему явно популярные идеи вложиться в здравоохранение, образование, сельское хозяйство, социальную сферу в общественном сознании отразились как идеи популистские? К национальным проектам с самого начала возникло недоверие: знаем, опять все деньги уйдут в карманы чиновников. На этом фоне Путин и Медведев как будто взялись доказать: нет, разбазаривания средств не допустим, социальные проблемы решим. В проекты ушли огромные деньги, в СМИ немало информации о достигнутом, а скептицизм общественных оценок только укрепился.

П.С.ГУРЕВИЧ: Вы полагаете, для этого нет оснований?

В.А.ЛУКОВ: Есть, но надо разобраться. На проектный принцип решения национальных задач хочу остановиться. Что есть проект? В кругу специалистов по управлению проектами говорят: если вы что-то задумали, а ресурсы для достижения цели ограничены, – это проект. Собственно, ресурсы всегда в чем-то ограничены, в чем-то избыточны, и задача состоит в том, чтобы отделить необходимое от лишнего, найти недостающее и так управлять ресурсами, чтобы при минимуме затрат наилучшим образом реализовать поставленную цель. Это вещи общеизвестные, но на практике проектная организация дела встречает немало препон. Проблема далеко не только в объемах финансирования.

Когда я читаю о затратах на национальные проекты, часто вспоминаю один монолог из Александра Николаевича Островского, из его комедии «Без вины виноватые». Молодая барыня Шелавина там говорит: «Я теперь стала богата, а жить по-богатому не умею. То есть умею только деньги по магазинам развозить, на это у меня ума хватает; а как вести счета да расчеты, да управлять имением, я аза в глаза не знаю». Создается впечатление, что «аза в глаза» не знают и разработчики национальных проектов. Точнее, знают, но, видимо, решают какие-то смежные задачи.

О.К.ФИЛАТОВ: Может быть, действительно знают. Но дело в том, что в управление рекрутировалось множество новых людей, заряженных энергией, но не владеющих ситуацией. Сравните, к примеру, фельетонный образ бюрократа, созданный, скажем, Ильфом и Петровым. Это по обыкновению человек ленивый, самодовольный, выполняющий свои обязанности неохотно, со скрипом. И вот новый бюрократ, брызжащий энтузиазмом. Его девиз: «нам нет преград», а символ веры: «мечта прекрасная, еще неясная...».

В.А.ЛУКОВ: Согласен. Мое последнее замечание основывается на наблюдении за разработкой одной социальной программы регионального уровня, недавно утвержденной даже без требования внести коррективы. Проектирование шло так: было известно, что дают 1,5 млрд. рублей с тем, чтобы достичь поставленной руководством цели за три года, и под эти деньги создавалась программа. Разработчики знали, что за три года решить проблему можно только формально: не хватает квалифицированных кадров, нет технологий, не ясны последствия. Возможно, программу надо осуществлять в другие сроки, возможно, на большие вложения – или меньшие? – никто не считал. Программу составили, придумывая, как растратить обещанные 1,5 млрд. рублей. Разумеется, придумали – запланировали примерно 40 фестивалей в год, десятки конференций и выставок по самым дорогим расценкам и т.д. Как мне представляется, точно так же разрабатывались и национальные проекты. Пока такая практика будет сохраняться, мы не вправе говорить, что в стране формируется проектное мышление и что социальное проектирование становится привычным и освоенным методом решения национальных задач. Или хотя бы местных, хотя бы в пределах отдельно взятой организации или территории.

Вот национальный проект по здравоохранению. Он осуществляется уже не один год, многое реализовано из задуманного. Но почему в замысле не оказалось места рядовой поликлинике, где и здоровый заболит, просиживая часы и дни в очередях в ожидании врача? А где же врач? Он работает в поте лица, принимая в день десятки пациентов. Но лечить ему некогда, он пишет авто-

ручкой (удивительно, что не гусиным пером) диагнозы и назначения и подклеивает листки в историю болезни. Антиправительственные настроения зреют в очередях к районному терапевту! Когда принимались национальные проекты с многомиллиардными вложениями, неужели это было неизвестно? А если известно, то почему обычная поликлиника не стала главным объектом проекта по здравоохранению? Так что дело не только в деньгах, но и в замысле. В замысле – в первую очередь.

П.С.ГУРЕВИЧ: В том-то и дело, что современный технократ убежден в том, что все менеджеристские вопросы решаются с помощью финансирования. Это глубочайшее заблуждение. Наиболее эффективные современные консультанты показывают, что люди идут работать не только туда, где больше платят. Идет активный поиск иных, нефинансовых стимуляторов деятельности. Иной человек получает должность, которая оплачивается хуже, но она позволяет специалисту проявить свою креативность. Другой дорожит психологическим климатом в сложившемся коллективе, где приходится проводить значительную часть суток. Третьего согревает патернализм начальника, который готов обучить специалиста и продвинуть его, порой даже за пределами собственной фирмы. Здесь мы выходим в важнейшую сферу управления – ценностную.

В.А.ЛУКОВ: Я еще не закончил. Второе, что надо отметить в связи с проектным подходом, – опасность его присвоения государством. Это заметно в национальном проекте по образованию и в целом в политике в области образования. Попытка под предлогом национальных целей образования прикрыть негосударственное образование и монополизировать эту важнейшую для общества сферу противоречит установившемуся социальному строю, недальновидна и расходится с принципами проектной организации решения социально значимых проблем. В государственных школах и вузах проблем не меньше, чем в негосударственных, способы решения проблем – те же, включая и использование платы за образование, где государственные вузы далеко обогнали негосударственные. Проектное мышление тем и отличается от экспансионистского, что не предполагает решить свою проблему (например, уменьшение контингента учащихся в ситуации «демографической ямы») за счет других. Проекты как раз позволяют даже при ограниченных ресурсах так их скомпоновать, так их переконструировать, чтобы достичь успеха, что называется, на ровном месте, где все другие тоже могли бы чего-то достичь, но посчитали место именно ровным, никаким, непривлекательным, непрестижным и т. д. С деньгами, да кадрами, да собственностью, да новейшим оборудованием, когда всего вдоволь, проекты не нужны. Только таких идеальных ситуаций всеобщего изобилия в истории нашей страны пока почему-то не знался.

П.С.ГУРЕВИЧ: Если бы это зависело от меня, я не стал бы финансировать сегодня сферу образования. Это бесполезная трата денег. Допустим, мне, профессору, повысят зарплату. И вот я иду в аудиторию, где сидят студенты, которым знания не нужны, они не хотят учиться. Им важно получить диплом и обрести хорошую работу. У нас повсюду цитируют американского социолога Элвина Тоффлера, который утверждает, что знание стало паролем нового века. В теории оно действительно так. А на практике важно, чтобы ценностная ситуация в стране изменилась. Нужно, чтобы возникла такая установка:

следует учиться серьезно. Но такой установки, пожалуй, сегодня нет в нашей стране.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Надо вернуть социальной теории аксиологический аспект. Нужен не сциентистский, а гуманистический взгляд на общество. Нужно феноменологическое, а не теоретическое отношение к миру. Феноменологическое – значит ценностное. Необходимо подвергать критике экспансионистские поползновения технократического мировидения, которое направлено на разрушение многих форм духовной жизни. Стремление к эффективности как самоцели ведет огромные отрасли нашей экономики к хаосу. Современные информационные протоколы стали в наши дни протоколами власти. Сегодня, как я полагаю, доминирует слепой разум. Рациональные структуры, как ни парадоксально, осуществляют свое руководство в абсолютистской манере. Рациональная мифология достигла таких масштабов, что превращает окружающую нас реальность в мертвую пустыню. Когда я сказал своим коллегам, что собираюсь принять участие в «круглом столе», посвященном социальному управлению, некоторые выразили недоумение: а в чем, собственно, проблема? Худо-бедно, страна развивается, бедность отступает, обороноспособность крепнет. Новый президент на международной арене заявляет о мощи и неукротимости России. Но вопросы управления не сводятся к дежурному оптимизму. Наиболее проницательные социальные мыслители отмечают, что по мере того, как технократическое сознание все глубже погружается в логику самооправдания собственной системы, ей все труднее оставаться в рамках честного анализа ситуации. За последние тридцать лет возникло множество политических и экономических планов, каждый из которых был рассчитан на то, чтобы освободить нас от депрессии, от инфляции, от внутренних противоречий. Но все они в конечном счете оказываются усовершенствованной версией великого финансового надувательства XVIII в. – аферы компании Южных морей. Ни один из этих планов не был осуществлен, и поэтому в последнее десятилетие программ и планов стало появляться значительно больше.

О.К.ФИЛАТОВ: Слово «технология» относительно новое, она образовано от греческого *techne* (мастерство, специальность) и *logos* (знание). Мастерское знание. А существительное «технократ» имеет другое значение. *Techne*, мастерство, в этом случае соединено *cratos* (сила, мощь). Мастерство технократа проявляется в осуществлении власти. Иными словами, это искусство властвовать. Технократ – представитель абстрактной профессии, использующий узкоспециальные знания. Его привлекают в качестве наемника в организации, которые занимаются производством, услугами или торговлей. В сфере их интересов более широкие области знания. Иными словами, его нанимают для того, чтобы он мог присвоить себе власть других людей.

П.С.ГУРЕВИЧ: Технократы много говорят о системном подходе к социальным проблемам. Однако на практике мы все время встречаемся с решениями, которые подкреплены однолинейной логикой: если, то... Но технократу часто не хватает именно этой многосторонности. Д.А.Медведев на заседании президиума Госсовета в Тобольске 28 марта 2008 г. резко осудил административный произвол, который связан с малым и средним бизнесом. Он сказал: «Вот давайте задумаемся – по 45 направлениям мы контролируем наш малый бизнес. И осуществляют этот надзор порядка 30 органов, причем только на феде-

ральном уровне. Когда об этом думаешь, вообще возникает мысль о том, чтобы полностью запретить любые проверки малого бизнеса. Принять вот такое волевое решение. Чтобы просто не ходили и денег не вытягивали из малых бизнесменов».

О.К.ФИЛАТОВ: Но Дмитрий Анатольевич говорил также о том, чтобы облегчить доступ малого бизнеса к ресурсам. Открыть для предпринимателей социальную и бюджетную сферы, улучшить структуру малого предпринимательства, наладить грантовую поддержку и в реальности открыть венчурные гарантийные фонды.

Е.А.ЯКОВЛЕВ: Это так. Но чуткое ухо технократов уловило иную директиву и бросилось выполнять ее с недюжинным энтузиазмом. Они ухватили из этой речи только одну установку. Президент, оказывается, предложил запретить надзорно-контролирующим органам посещать с проверками малые предприятия даже в случае жалоб на их деятельность. Сделать так, чтобы инспекторы могли прийти в компанию, только если есть судебный акт и прокурорское решение. «Думаю, это решение вызовет у ряда сотрудников санэпиднадзора, пожарных органов, милиции сложные эмоции, если не сказать предынфарктное состояние. Потому что зарабатывают они на этом большие деньги – официально и неофициально». И немудрено. Ведь остальное надо делать, а для исполнения этого наказа избранного президента достаточно только запретить.

Итак, руководитель страны довел свою мысль до радикального вывода. Но стоит ли терять здравый смысл? Это относится к губернаторам, которые приняли участие в этом знаменательном заседании. Они истолковали наказ Медведева буквально. 7 апреля этого года лидер партии «Единая Россия», он же – спикер Государственной думы РФ Борис Грызлов предложил максимально освободить малый бизнес от всех возможных проверок. Он сказал: «Возьмите шестипроцентный налог и не ходите к ним больше, дайте им спокойно работать». А дальше пришло сообщение, что правительственная комиссия по развитию малого и среднего бизнеса одобрила поправку, позволяющую отменить обязательное использование кассовых аппаратов плательщиками единого налога на вмененный доход.

О.Н.ФИЛАТОВ: Вот они, издержки самоуправства от имени верховной власти.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Вы представляете, что означает отменить всякие проверки в детских садах, больницах, школах? А относительно пожаров? Ведь смертоносная сила огня часто проявляет себя в тех случаях, когда не выполняют распоряжений и предписаний пожарного надзора. Разве отмена контрольно-кассовых аппаратов поможет малому бизнесу? А нам, покупателям, могут насчитать в любом магазинчике любую сумму. Никто не будет в тревоге за сроки реализации. Продадут все, что захотят. Смерть проверкам! А что вы можете доказать, если у вас нет чека? Да здравствуют распивочные и пивные залы в обычных переоборудованных квартирах! А кто им что скажет, если они заплатят свои 6% и их никто не сможет проверить?

А если отменить и контрольно-кассовые аппараты, то получится не только облегчение несчастному малому бизнесу. Во-первых, что вам захотят, то и насчитают в любом магазинчике шаговой доступности. Во-вторых, что захотят, то и продадут. Какие сроки реализации? Вы что? Их, ясное дело, перепи-

шут. А без чека, если вы выживете, никогда не докажете, что именно здесь вам продали некачественный или опасный для жизни товар.

О.Н.ФИЛАТОВ: И вот что курьезно. Сначала усилиями Онищенко, Шойгу, Нургалиева создаются необходимые требования к бизнесу. А затем они рушатся в один прием. С огромным энтузиазмом и рвением. Газеты отмечали, что новая инициатива противоречит Федеральному закону от 8 августа 2001 г. И вот вместо того, чтобы выполнять закон, следить за порядком, из речи президента вылуцывают некий анархистский смысл. Вот наглядный пример узколобового технократического решения. На беззаконие коррупционеров предлагается ответить беззаконием со стороны государства. Социологи называют это «эффектом бумеранга». Технократическое решение может вызвать следствия, прямо противоположные ожидаемым.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Набор управленческих технологий обширен. Основной показатель успешности руководителя – способность наладить корпоративную деятельность, деловое сотрудничество. Но есть в арсенале и другие возможности. Психологи отмечают парадоксальный факт: неудачи, которые испытывает производственный коллектив, сильнее сплывают группой, нежели удача. Поэтому управленцы предлагают подчас провести испытание групповой успешности через конфликт, через состязательность. Однако не следует абсолютизировать этот менеджеристский ход. От Б.Н.Ельцина осталась в руководстве система сдержек и противовесов. Она перешла из политики в менеджмент. Посмотрите, как складываются отношения между министрами и руководителями высшего эшелона. Рассказывают, что министр связи Рейман настроен на корпоративное сотрудничество с шефами подведомственных ему агентств. Но примеров скрытого или открытого конфликта между министрами и «главными агентами» гораздо больше.

Беда в том, что разрешить принципиальные разногласия между двумя чиновниками без увольнения одного из них фактически невозможно. А пока они бодаются между собой, их сфера деятельности оказывается практически бесхозной. Например, бывший руководитель агентства промышленности Алешин долго воевал с командой своего министра Христенко. В результате государственные программы поддержки судостроения лихорадило больше года. Христенко удалось, в конце концов, «утопить» своего бывшего коллегу по вице-премьерскому цеху Алешина. А на днях в отставку ушел конфликтовавший с министром образования Фурсенко глава Рособнадзора Болотов. Но иногда конфликт не удается разрулить, даже если в него вмешивается премьер. Например, бывший шеф правительства Фрадков два раза писал представление на снятие министра Соколова и один раз на увольнение бывшего главы агентства по культуре Швыдкого. Но в Кремле каждый раз решали оставить все как есть. Даже когда острого конфликта между министром и «суперагентом» нет, типичной является ситуация, когда они кивают друг на друга. И понять, кто на самом деле прав, а кто виноват, практически невозможно.

В.А.ЛУКОВ: Не потому ли сам нынешний премьер признает, что сегодняшний госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой, не мотивированной на позитивные изменения, а тем более – на динамичное развитие»? 8 февраля 2008 г. Путин сказал: «В системе госуправления России (всей бюджетной сети, на предприятиях,

контролируемых государством, и в органах местного самоуправления) сейчас занято около 25 млн. человек – более трети работающих в стране. Будут ли эти люди адекватны рынку?

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Сегодня, даже в отличие от советских времен, не дается оценка проваленных реформ, управленческих неудач, никого не снимают с должности по результатам его деятельности. Максимум наказания, возможного сегодня, – саркастическая реплика тем, «кто сопли жуют». Что, к примеру, ждет сегодня А.Кудрина в случае провала его финансовой политики? По данным директора Института новой экономики С.Глазьева, за последние 7 лет Россия потеряла 40 млрд. долларов из-за некомпетентного управления валютными резервами страны и девальвации доллара. Хранение денег за рубежом – заведомо невыгодное дело по сравнению с размещением средств внутри страны. В России процентные ставки по долгосрочным кредитам показывают свыше 10% доходности, облигации дают 7%, в то время как облигации США и других стран НАТО, куда мы и так активно вкладываемся, предлагают лишь 2–3% дохода годовых. Выходит, мы теряем 5% дохода минимум. Вместо того чтобы замораживать деньги за границей, надо тратить их на модернизацию жилья, строительство дорог – эти «проблемные точки» дают новые убытки для нашей экономики. Пока бывший Стабфонд не сосредоточится целиком внутри страны, экономика будет развиваться в 1,5 раза медленнее, чем могла бы.

О.К.ФИЛАТОВ: Технократ свободен от нравственных императивов. Огромные средства вкладываются в государственные школы и университеты. Но система всеобщего образования приходит в упадок. Усилия интеллектуалов, которые должны направлять государственное образование, сконцентрированы на рафинировании технократического образования. Действительно, о каких бы нуждах всеобщего образования ни говорилось, всегда есть подспудное противоречие относительно того, чему именно национальное государство желает учить своих граждан. Массам следует давать только базовое образование, основные навыки и – чего в элитном образовании нигде не встретишь – основы морали. Другими словами, они должны получить комплект знаний, необходимых для формирования личности.

Но с самого начала здравомыслящие люди жаловались на излишнее количество гуманитарности, или, говоря об образовании, гуманитарных дисциплин. В шестнадцатом и семнадцатом веках именно гуманитарные предметы были тем полем, где легче всего тайно произрастали сорняки суеверия и предубеждения. Чтобы выполоть их, требовалась победа науки. И все-таки, когда Ришелье жаловался, что гуманитарным предметам отводится слишком много места, он был озабочен не опасностью предрассудков, а угрозой, которую представляет гуманитарное образование для государства, пытающегося создать полезную для себя элиту. Такое понимание гуманитарных предметов, как пустой траты времени, которое можно использовать для полезного образования, с течением веков снова и снова выносятся на поверхность.

В.А.ЛУКОВ: Гуманитарные предметы были не только признаны враждебными разуму, была также предпринята серьезная попытка, трансформируя раздел за разделом, включить их в сферу точных наук. Так, архитектура стала наукой количественных измерений, где отдельные детали технологически формируют целое здание. Даже история искусства была превращена из

суммы знаний о красоте и ремесле в математическое осознание творчества. Новые историки искусства озабочены не столько искусством или историей, сколько эволюцией технических приемов. Общественные науки, без сомнения, являются самым показательным примером, где деформируются гуманитарные знания. Тот, кто придет после нас, вероятно, будет воспринимать сужение политических, экономических, социальных знаний и искусства до математических оценок и неясного, герметически замкнутого словаря для их описания как одну из величайших глупостей нашей цивилизации. Удаление гуманитарных предметов из образования подорвало наш здравый смысл и чувство сдержанности и, таким образом, способствовало тому, что в публичной политике мы бросаемся из одной крайности в другую. И все же, несмотря на это, в нашем гуманитарном образовании слишком много гуманитарного. Именно за это элиты критикуют недостатки финансируемого государством образования. Наши элиты уже не верят, что можно разработать систему общего универсального образования.

П.С.ГУРЕВИЧ: Что может случиться со страной, если управление не улучшится?

В.А.ЛУКОВ: Сегодня 2% населения контролируют 40% сырьевых запасов мира. Остальные 98% смотрят и думают: это несправедливо. И прикидывают, какими способами это можно отнять. В других странах рост числа миллиардеров ненамного опережает рост экономики. Это не так в России, здесь число миллиардеров резко возрастает, но при этом страна с огромным трудом достигает уровня катастрофического 1990-го. Почему же не рассматривается как важная социальная проблема концентрация капитала в руках тех, кто этот капитал в основном не создавал, а приобрел не вполне законно? Уже сегодня в США есть программы создания авиационных боевых комплексов, способных двигаться в 4–6 раз быстрее скорости звука. А оружие, размещенное на этих платформах, будет развивать скорость в 7–8 раз быстрее звука. Наши ядерные зубы могут оказаться гнилыми. С помощью высокоточного оружия шахты, где размещены российские ядерные силы, могут быть внезапно уничтожены. Будут ресурсные войны за воду, за минеральные ископаемые. Россию ждут тяжелые времена – утрата темпов роста вместе с истощением углеводородных ресурсов, вымирание народа, продовольственная зависимость от других народов. Россия вползает в глубокий и системный кризис, во время которого резко обострятся социальные конфликты и возрастет протестная активность населения. Может случиться так, что ситуация в стране будет еще хуже, чем в 1990-е годы.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Эксперты предрекают глобальный экономический кризис. Замедление мирового экономического роста – свершившийся факт. Темпы роста ВВП в США снизились, и это, как обычно на протяжении последних десятилетий, влияет на ситуацию в мире. Приток капитала в Россию уменьшится. Эксперты полагают, что он сократится в этом году до 30 млрд. долларов. Может начаться отток денег из страны. У нас недостаточно защищена частная собственность, низкое качество судебной системы, непрозрачны решения государственного аппарата. Сохраняется немало препятствий развитию малого бизнеса. В 2007 г. государственные расходы увеличились на 20%. До 2006 г. мы эффективно сдерживали рост государственных расходов. Нарастить инфляцию легко, снизить трудно. Непрозрачность государственных рас-

ходов – серьезная проблема. Хотелось бы, чтобы многие секретные статьи российского бюджета стали открытыми для общества. Это позволило бы эффективнее бороться с инфляцией. Увеличение доли государства в экономике, бюрократизированность бизнеса – ошибка.

Возьмем простой пример. Никто в правительстве, включая министра энергетики, не знает, каковы реальные запасы газа у «Газпрома». Монополия день ото дня берет на себя повышенные обязательства по добыче и экспорту. Но те, кто сегодня руководит страной, не обладают уверенностью, хватит ли в действительности газа, чтобы хотя бы отопить страну зимой.

В.А.ЛУКОВ: Рыночные отношения, которые господствуют при капитализме, распространяются на все уровни личной и общественной жизни человека. В наши дни продается все – тела, души, ученые и воинские звания, министерские должности, государственные секреты, дипломы любых вузов, медицинские диагнозы, мигалки на машину, справки о психическом здоровье. И так, коррупция. Объявлена радикальная и решительная борьба с нею. Но в чем штука. Никто не испугался, не задумался, не вспомнил о законе и добродетели. Каждый уверен: к нему вся шумиха не относится. Да и как можно всерьез говорить о намерениях власти покончить с беззаконием, если прекращено дело об огромных хищениях бывшего заместителя министра финансов Вавилова за истечением срока давности. Выходит, можно «замотать дело» до беспредела, а потом вообще простить преступника. Президент действительно говорит о нехватке в стране опытных менеджеров. Но неужели эта проблема только сегодня попала в поле зрения власти? Нам предстоит сейчас выделить из народа особый слой государственников, которые возьмут на себя тяжесть работы с инновационными технологиями Запада. Но где взять таких чиновников, если президент страны осведомлен о том, что хорошие должности сегодня продаются?

О.К.ФИЛАТОВ: Недавно президент выразил горечь по поводу того, что у нас нет хороших управленцев. Но разве это открылось только сегодня? Потом, что толковать о нехватке опытных менеджеров, когда в обществе давно уже отсутствует возможность пробиться в элиту для многих способных людей. Ведь наши элиты загерметизированы. Дмитрий Анатольевич, судя по всему, это понимает. Мы столько слов слышали про экономическую политику. Но все свелось к перераспределению того, что осталось нам от советского промышленного потенциала, между десятком известных теперь миллиардеров. Создается впечатление, что наше общество постепенно превращается в свою противоположность. На такой высокой стадии развития элиты сконцентрировали в своих руках силу, которая позволяет им изменить вектор развития общества. Они способны говорить одно, а делать другое. Заверяя всех в своей приверженности к капитализму, конкуренции и заслуженному успеху, они стремятся к хорошо оплачиваемой карьере служащего, не слишком обремененного обязанностями. Текстура мифологии правящей элиты настолько плотна, что за этим интеллектуальным и эмоциональным камуфляжем трудно разглядеть реальную жизнь.

П.С.ГУРЕВИЧ: Мы живем в эпоху узколобых технократических решений. Технологи закрепились сегодня во всех областях общественной жизни – в бизнесе, в политике, культуре. Разве это плохо? Да, поскольку технократическое мышление не оперирует масштабными и нравственными категориями. Это,

вообще говоря, не их гардеробчик. Известный экономист, один из идеологов реформ 1992 г. Виталий Найшуль, недавно высказал убеждение, что развитие экономики в России требует нравственных устоев. Это выстраданное мнение. Узость социальной рефлексии, засилие математических приемов в общественной практике. Посмотрите, с помощью цифровых расчетов пытаются оценить труд философа, этика. Как только поставлена та или иная социальная проблема, тут же появляется некое подобие теста или мыслительной схемы. Но социальное мышление требует широкой гуманитарной экспертизы с участием социального воображения, широты философской рефлексии. В обществе царит ценностный разброд, зыбкими выглядят и теоретические парадигмы знания.

Известный кинорежиссер Павел Лунгин отметил недавно, что в начале нашего века не осталось ни больших идей, ни великих стремлений. Не может же восприниматься целью жизни рентабельность.

Человек рожден не для того, чтобы осознавать себя как небольшое, но прибыльное предприятие, в которое он вкладывает деньги, которые сам же и зарабатывает.

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД БОГОМ

*Беседа Геннадия Бочарова
с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием**

Я шел на встречу с митрополитом Владыкой Ювеналием с определенной целью: получить ответы на вопросы, связанные с взаимодействиями Русской Православной Церкви и первого постсоветского поколения молодежи. Ответы получил. Опубликовал в одной из молодежных газет. Но разговор с умудренным, глубоко и своеобразно мыслящим человеком не мог, разумеется, происходить лишь в отведенных рамках. Мы говорили с Владыкой о роли религии в нашей жизни, о возрождении Русской Православной Церкви в обновляющейся России, о совести и о грехах, о состоянии общества и самого человека, его одиночестве и его надеждах. Наконец, об усилиях, которые Церковь предпринимает для духовного возрождения России, поднявшейся, как говорится, с колен, но все еще не сделавшей того необходимого, решающего и животворного шага, который на неокрепших коленях и без воли, веры и духа – невозможен.

Я решил предложить фрагменты нашего разговора с митрополитом «Вестнику», полагая, что высказанные им мысли и суждения представят интерес и для ваших читателей.

Геннадий Бочаров. Какое место, на ваш взгляд, возрождающаяся Церковь занимает в жизни современного общества? И в чем, по-вашему, наиболее серьезные проблемы самого общества?

Владыка Ювеналий. Большая часть XX века вошла в историю Русской Православной Церкви самыми черными страницами. Но и в самые трудные, трагические для Церкви времена люди тянулись к ее таинству, и сама Церковь оставалась для них всегда тем, чем она была. Чем будет всегда. Как гово-

* Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий занимает один из высших постов в Русской Православной Церкви. Московской епархией на территории Московской области управляет с 1977 г. Постоянный член Священного Синода с 1972 г. В 1989 г. назначен председателем Комиссии по канонизации святых. С 1995 по 1998 г. – председатель Комиссии по художественному убранству Храма Христа Спасителя в Москве. Награжден многими церковными, а также государственными наградами, включая орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, врученный митрополиту президентом России В.Путиным в 2006 г.

рил Достоевский: «Инстинкт этой Церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательно, в сердце многомиллионного народа нашего, несомненно, присутствует».

Политическая, экономическая, социальная и культурная жизнь страны коренным образом изменилась. Рухнули искусственные идеологические преграды. К Церкви, к вере вновь потянулись миллионы людей. Грандиозный масштаб изменений виден повсюду. Виден он и в Московской епархии. Но борьба за возрождение – вопрос долгого пути. Сегодня мы лишь в его начале. Я не обижаюсь, если из уст пожилых людей слышу искреннее сожаление о так называемой медлительности Церкви. О том, что исправление общественных пороков даже при участии Церкви происходит так медленно. Эти люди провели свою жизнь в атеистической атмосфере. Их сознание искажалось десятилетиями. В чем же они виноваты? Сегодня их сердца тоже нуждаются в тепле.

Г.Б.: Старение верующих было очевидным.

В.Ю.: Да. Однажды в Соединенных Штатах Америки у меня спросили: «Вашу Церковь называют Церковью бабушек. Что будет, когда все бабушки умрут?».

Г.Б.: И что вы ответили?

В.Ю.: Я ответил, что наши бабушки бессмертны.

Г.Б.: Раньше говорили: «Русь освящена, но не просвещена». Изменилось ли что-нибудь в наше время?

В.Ю.: Изменилось. Стало еще актуальней. За последние годы миллионы людей во всей стране крестились. Но не просветились. На то, чтобы поправить дело, Церковь своих сил не жалеет. И, прежде всего, работая с детьми и юношеством. Убежден – наши совместные с государственными органами власти усилия принесут свои плоды.

Речь ведь идет о преодолении духовно-нравственного кризиса, об укреплении семьи, о борьбе с общественными пороками. Наконец, о возрождении патриотических идеалов, сохранении родной культуры и русского языка. Тем же, кто противится нашим усилиям, кто твердит об альтернативе под названием «основы нравственности», я бы хотел ответить. Нравственность, не одухотворенная идеей, ущербна. Она опирается на субъективно обусловленные основания, когда человек стремится сам быть «критерием всех вещей». Это мнение имеет древнюю историю. Но до сих пор продолжает выступать обоснованием либерального секуляритизма. Плодом подобного подхода к человеческой совести является весьма мрачный облик современного общества.

Г.Б.: Не поспоришь. Примеры свежи.

В.Ю.: Конечно. Вспомните судьбу «Морального кодекса строителя коммунизма». Ничем не одухотворенные его положения были мертворожденными и уходили в небытие задолго до того, как в одночасье рухнула советская держава. И теперь, может быть, в качестве основ народу вновь предложат взять расхожие представления современного общества о морали и смысле человеческой жизни? А ведь они не только не соответствуют новозаветному учению, но занижены настолько, что фактически откатываются во времена ветхозаветные. Вспомните слова героя Достоевского Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то все дозволено». Будем откровенны: мы – свидетели ложного понимания свободы, подмены ее апологией греха. О каких основах говорят наши оппо-

ненты? Ведь все равно мы из века в век возвращаемся к десяти заповедям. Как к слову, так и к тому, что православие является государственным и культурообразующим вероисповеданием России.

Г.Б.: В своем выступлении на рождественских образовательных чтениях в Кремлевском Дворце вы сказали: «Личность только тогда исполняет свое предназначение, когда направляет все силы своего самосознания и нравственного чувства на борьбу с грехом. Формирование навыка стремления к добру – вот идеальное содержание воспитательной работы». И еще: «Мы являемся свидетелями готовности людей обрести истинный смысл жизни на основе ценностей православия...». И то, и другое требует огромных усилий, постоянной и вдохновенной работы. Готова ли Церковь к вызовам времени, которые обозначены в ваших словах?

В.Ю.: Святая Церковь преподает миру евангельский нравственный закон, возведенный Иисусом Христом. Наша работа должна соответствовать этому закону. Как и высоким ожиданиям людей. Постоянное требование к служителям Церкви состоит именно в этом.

Г.Б.: Вы определили работу Церкви на современном этапе, как «дело общественного спасения».

В.Ю.: Да. Я неоднократно публично говорил о том, что трагические события XX века, господство воинствующего безбожия прервали вековые традиции воспитания. Теперь мы пытаемся восстановить связь времен. О масштабности цели можно судить по тому, что нынешний период в жизни России уже называют «вторым Крещением». Так что речь, безусловно, идет об общественном спасении. И в этом деле государство, Церковь, просветительские организации и институты, а в первую очередь, повторю, школа, являются естественными соработниками.

Г.Б.: Празднование Всероссийского Дня славянской письменности и культуры в прошлом году в Коломне, а в этом – в Твери, получило широчайший резонанс не только в России, но и в мире.

В.Ю.: Я думаю, успех этих праздников, благожелательный резонанс закономерны. Празднование стало ярким примером совместных усилий Церкви и государства. Статус праздника так и определен: постоянный государственно-церковный.

Г.Б.: В своих проповедях, выступлениях вы неоднократно подчеркиваете, что Церковь – это неотъемлемая часть народа.

В.Ю.: Это принципиальное утверждение. В течение многих веков православная вера была органической частью бытия нашего народа. С юных лет взращенные в вере русские люди находили в ней опору для своей жизни и в то же время осознавали себя сопричастными вечности. Этим и сегодня объясняется чуткое реагирование Церкви на все актуальные проблемы общества. Это находит свое отражение в выступлениях Святейшего Патриарха Алексия II, в деяниях Архиерейских Соборов, в определениях Священного Синода. Повторю еще раз: прямое предназначение Церкви – не в политической деятельности или социально-экономическом регулировании. Оно в том, чтобы помочь человеку в решении нравственных, духовных задач. Хотя пока еще мы наблюдаем достаточно печальный облик нашего общества. Это требует неустанной, всемерной работы. И не должно вести к унынию.

Г.Б.: В вашей новой книге «Жизнь в Церкви» я прочитал: проблема влияния на молодежь пагубных пороков, таких, как алкоголизм, наркомания, табакокурение, циничное безверие, требует совместных, согласованных действий государства, Церкви, школы и семьи. Нельзя допустить, пишете вы, чтобы этот бич нашего времени беспрепятственно губил человеческие души. И заключение: «В противном случае, у России нет будущего». Это звучит, как приговор.

В.Ю.: Это не приговор, а призыв к действиям. Точнее сказать, к более активным действиям. Потому что уже немало людей понимает: противостоять злу необходимо повсеместно. И медлить с этим нельзя. Общей характеристикой моего, как митрополита, взаимодействия с руководством области и представителями государственной власти федерального уровня является принцип объединения усилий в служении людям. Но при полном невмешательстве в дела друг друга.

Г.Б.: Представляется несомненным, что надежда возрождающейся Церкви – на молодежь.

В.Ю.: А разве надежда страны, надежда общества не была и раньше на молодежь? Так было всегда и всегда будет. Наша цель и в том, чтобы понятие патриотизм, которое когда-то, в годы моего детства, было самым светлым, заблестало снова. Чтобы люди не стеснялись произносить его вслух, как это нередко бывает сегодня. Об этом приходится постоянно говорить – так далеко мы зашли.

Г.Б.: Вы с детства воспитывались в церковной среде. Это и определило ваш жизненный путь. Так?

В.Ю.: Конечно. Могу добавить, что пионерского детства я не познал. Среди сверстников я всегда был чужаком. Я почти все время находился среди взрослых. И с детства храню светлую память о добрых верующих людях, о пастырях Церкви. Меня окружали замечательные, благочестивые люди. Люди с добрыми и щедрыми сердцами.

Г.Б.: То есть детство в церковном духе стало подготовкой к взрослой, зрелой церковной жизни. Сформировало не только устойчивое христианское мировоззрение, но и закалило волю.

В.Ю.: Прежде всего, это закалило не волю, а мою совесть.

Г.Б.: Видите ли вы отличие в обращении к вере современной молодежи, да и зрелых людей, от того, каким оно было в годы вашей юности?

В.Ю.: Это не видеть, по-моему, нельзя. Но отличие объясняется не внутренним содержанием христианства. Причина в другом – во внешних факторах жизненного устройства. Их, как минимум, три. Первый: в отличие от прошлого, никто не препятствует сейчас ни молодым, ни зрелым людям прийти в Церковь. Второй: никаких поражений в правах принадлежность к Православной Церкви не вызывает. Третий: возможность получать информацию о вероучении Святой Церкви, ее богослужении и внутренней жизни безгранична. Это наиболее заметные положительные отличия. Но есть и отрицательные. О них тоже следует сказать. По крайней мере, о двух: почти исчезло острое чувство некоего исповедальчества и жертвенности. А также, увы, пригупилась пытливость ума и сердца в постижении великих истин.

Г.Б.: То есть речь идет о психологическом аспекте?

В.Ю.: В историческом измерении – несомненно. Совершенно ясно, что одна психология была у христиан во время гонений I–III веков; другая – у христиан золотого века; третья – в средневековье. А в XXI веке зарождается новая. По-моему, она должна вместить в себя все достижения христиан прошлых эпох. Их мысли. Достижения их духа... Наверное, уместно сказать и о том, что в современном мире существует огромное количество сложностей, которых не знало прошлое. И чаще всего – как раз психологических. Сказывается это и на церковных людях. А ведь именно на них, отцах благочинных, и на всем духовенстве, и на тех, кто трудится в сфере религиозного образования и катехизации, лежит большая ответственность за то, чтобы творческие начинания людей, желающих участвовать в религиозной жизни, получали развитие и поддержку. Поверхностный подход к этим вопросам может показаться сугубо внутренним делом Церкви. Но это глубокое заблуждение. Мы придаем этим вопросам очень серьезное значение.

Г.Б.: Познавая жизнь с самых разных сторон, я все с большим изумлением отношусь к призывам любить друг друга, прощать грехи друг друга, не злиться при виде зла... Разве это возможно в наши дни? В наш век?

В.Ю.: Это возможно всегда и всегда необходимо. Но отвечая на ваш вопрос, ограничусь, пожалуй, темой Прощеного воскресенья. В этот день обращаются к Богу с молитвой о прощении наших грехов, примирении друг с другом. Этот День дается человеку для прекращения вражды. Это очень трудно – во вражде друг с другом каждый считает себя обиженным.

Г.Б.: Наверное, так можно сказать не только о людях, но и о целых народах?

В.Ю.: Взгляды на подобные вещи множественны... Но продолжу мысль. Церковь призывает, вне зависимости от того, кто первым начал вражду, простить обидчика. Мы должны ясно понять: нельзя с непримиренным, враждебным сердцем приступать к покаянию и просить у Бога прощения за свои грехи. И нельзя – не простив своих ближних за нанесенные ими обиды.

Г.Б.: Понять это, положим, действительно, можно. Но как быть с чувствами? Как ими управлять? Люди нередко обращаются к Церкви с вопросами: как можно руководствоваться призывами любить врагов наших, благославлять тех, кто вас откровенно ненавидит? Реальная жизнь жестче призывов.

В.Ю.: Мы говорили об этом выше. Но к сказанному могу добавить слова протоиерея Константина Островского. Жизнь, сказал он, становится такой жесткой потому, что в нас оскудевает любовь. Сначала мир отвергает Христову заповедь о любви к врагам. Но отвергнув Христову заповедь, мы отвергаем Христа. Отвергаем Бога. А Бог есть любовь. Поэтому вслед за нежеланием любить врагов исчезает любовь вообще.

Г.Б.: Но разве любовь к врагам не противостоит естественна? Или я не дорос до подобного понимания? Я, как и, полагаю, многие другие, ничего не могу поделать с этим глубоко сидящим во мне чувством.

В.Ю.: Что ж, любовь к врагам действительно представляется противоестественной многим. Если человек всеми своими мыслями и желаниями обращен к земному, то есть – к суетному, временному или, тем более, к собственному греховному, тогда, конечно, любовь к врагам невозможна. Но когда человек приобщится к Божественной любви, он этой любовью будет любить всех – и злых, и добрых. Для него это будет так же естественно, как естествен-

но матери любить своих детей, хотя они не всегда ее радуют... Важна, конечно, и главная мысль: любить врагов вовсе не означает оправдывать чьи бы то ни было злые дела, подражать им или потакать. Грех надо ненавидеть, а вот грешников – любить.

Г.Б.: Социальное служение Церкви – тема необъятная. Но не затронуть ее хотя бы вкратце нельзя. Что можно сказать по этому поводу?

В.Ю.: Отвечу так. Православная Церковь считала и считает благотворительность и служение ближнему своей святой обязанностью. Проходят века, возникают и исчезают государства, меняются люди. Неизменной остается лишь Церковь Православная, потому что неизменен ее Глава – Христос, который вчера и сегодня и во веки Тот же. Поэтому и в XXI веке Церковь продолжает нести свое спасительное служение, помогать страждущему, утешать обездоленных, поддерживать их в меру возможностей. Ключевский говорил: «Когда встречались две древнерусские руки – одна с просьбой Христа ради, другая – с подаванием во имя Христова, трудно было сказать, какая из них больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих».

Г.Б.: Эти сильные слова живут сегодня, к сожалению, как будто в безвоздушном пространстве.

В.Ю.: Но и в вере! Хотя не согласиться с вами я, конечно, тоже не могу. Современное общество начинает забывать такие святыне для наших предков слова, как милостыня, сострадание, любовь. Не потому, что они становятся все менее и менее востребованными из-за того, что мир совершенствуется и становится якобы богаче. Вовсе нет. А потому, что человек становится все менее способным к сопереживанию, к принятию чужого горя, как своего.

Г.Б.: Это тоже имеет свои причины. И свои объяснения.

В.Ю.: Ретроград ответит сразу: причина – в небывалом научно-техническом прогрессе. Я не ретроград. Но мои мысли похожи. Хотя и не столь категоричны. Многочисленные научные открытия, исследования самым ярким образом свидетельствуют о взрывном характере преобразований. Наука все силы направляет на то, чтобы облегчить жизнь и труд человека. Но, наверное, еще никогда человек не чувствовал себя таким одиноким и брошенным, как во времена всеобщего торжества технологических и научных свершений. И, наверное, никогда еще не была так обесценена жизнь человека, как в XX веке... Душу упустили... Настроения сегодняшнего дня могут быть, конечно, преодолены экономически. А нужно – чтобы и духовно. Но это-то и труднее всего.

Г.Б.: В свое время я довольно часто встречался с замечательным поэтом и прозаиком Константином Симоновым. Однажды в беседе спросил: ставила ли перед ним жизнь вопросы, на которые он так и не смог ответить? «По-моему, она только это и делала», – сказал Симонов. Давний эпизод я вспомнил в связи с тем, что хочу задать вам вопрос подобного же свойства. Но в несоизмеримо более крупном масштабе. А именно: способна ли Церковь ответить на жгучие вопросы, которые жизнь неизменно ставит перед человеком? Особенно в драматические, трудные моменты?

В.Ю.: Церковь существует для того, чтобы вести людей к Царству Божьему. Православного человека Церковь ведет от первого вздоха до последнего. Непрерывная – подчеркиваю это особо – духовная связь человека с Богом

облегчает ему жизнь вообще. А в трудных ситуациях – особенно. Верующему человеку жить всегда легче – и во времена испытаний, и в благополучное время. Что касается мировоззренческих вопросов, то ответы на них верующий находит в Евангелии.

Г.Б.: Но тогда у меня еще как бы подвопрос: в чем же все-таки главное отличие верующего от атеиста?

В.Ю.: Принципиально – во всем. Так что могу лишь повторить другими словами. Верующий человек, приближаясь к краю могилы, уверен: его душа приближается к вечной жизни. Атеист уверен в другом: с приближением смерти жизнь для него заканчивается во всем и навсегда. Отсюда – неизбежное различие в мироощущении.

Г.Б.: Вы уже много лет являетесь председателем комиссии по канонизации святых. Что привносит в нашу жизнь объявление того или иного человека прошлого святым? Святым мучеником? Для чего совершается сама эта многотрудная процедура – канонизация?

В.Ю.: Пример мучеников чрезвычайно важен для современного человека, окруженного зачастую ложными представлениями о жизни, так как помогает понять очевидную истину: как бы ни была ценна земная жизнь, во всех случаях она не ценнее вечности. Ни количество, ни величие святых само по себе не будет решающим для нашей жизни, для нашего спасения. Не будет, если не станет частью нашей жизни, продолжением нашего духовного опыта... «Церковь побеждает, когда ей вредят», – сказал священномученик Иларион Верейский.

Для морального, нравственного очищения нужно покаяние – изменение жизни через оставление путей неправды. Именно поэтому так важно, чтобы народ не просто понял историю своего Отечества, но увидел действия благого освещающего Промысла Божьего. Ответил я на ваш вопрос? Хотя, конечно, значение канонизации, как и понимание роли самих святых – мучеников, не сможет вместить ни один разговор.

Г.Б.: В один из прилетов в Нью-Йорк я встречался с президентом Фонда Рокфеллера Питером Голдмарком. В ходе наших бесед мы сошлись во мнении о том, что современные поколения человеческой расы проходят самый ультимативный отрезок своего развития – угрозу ядерного уничтожения и экологическую драму. Как, по-вашему, пройдут? А вернее – пройдем?

В.Ю.: Я не хотел бы предрекать миру катастрофу. Замечу только, что Господь не дает человеку креста, который бы человек не мог нести.

Расим АГАЕВ (Азербайджан)

МИССИЯ В ТЕБРИЗЕ*

В Баку мало кто, в том числе и наш герой, знал или догадывался о том, что уже начиная с 1940 г. Южный Азербайджан был включен Москвой в военно-стратегические планы Советского Союза. У Кремля были свои расчеты и резоны для такой политики: возможность присоединения этой части Ирана к Азербайджанской ССР, расширение плацдарма стратегического влияния в средне-восточном регионе, опережение германских стратегов, рассчитывавших взять под свой контроль экономику Ирана.

Главным, разумеется, была нефть. На утро 26 августа, то есть спустя всего два месяца с начала войны, по Баку поползли максимально приглушенные слухи: Красная Армия ночью перешла иранскую границу. Первоначально этим разговорам мало кто верил. Но в штаб-квартире ЦК Компартии Азербайджана, где Багиров провел бессонную ночь, было известно: в 2 часа ночи 25 августа передовые части Красной Армии приступили к осуществлению военной операции. С 5 до 7 часов утра по всей линии от Нахичевани до Южного побережья Каспия пограничные войска СССР, 44-я и 47-я армии, Каспийский флот, 8-й Закавказский корпус, 132-я Евлахская авиадивизия начали боевые действия в Южном Азербайджане и на юге Каспия. Локальное сопротивление иранцев продолжалось до 13 часов дня. Иранская армия сразу же капитулировала. Советские войска взяли Южный Азербайджан, Гилян, Мазандаран и Хоросан.

Знал хозяин кабинета М.Багиров и другое, чем, собственно, и было вызвано его беспокойство: Британия своими 12 индийскими дивизиями вышла на линию Кирманшах, Абадан, Хоремабад, Меджиди-Сулеймание, Хормуз, Бендер-Дейлим.

Ситуация – один к одному – напоминала события, имевшие место годом раньше на востоке СССР, на этапе реализации пакта Риббентропа–Молотова.

На сей раз Советский Союз действовал в соответствии с известной «чичеринской» статьей советско-иранского договора. В душах азербайджанцев по обе стороны реки затеплилась никогда не угасающая – то вспыхивающая, то

* Глава из книги «Мир-Али Кашкай», готовящейся к изданию в серии «Жизнь замечательных людей» изд-ва «Молодая гвардия».

затухающая – надежда на воссоединение. Простые люди, наученные недавней историей, воспринимали действия Москвы вполне буквально, полагая, что раз Красная Армия вступила в Тебриз, значит, быть там горкому партии, а засим и советизации Южного Азербайджана.

Развитие событий вроде бы подтверждало этот незатейливый вывод.

Мимо внимания многих тогда прошло сообщение о подписании несколькими месяцами позже, а если быть точным, 29 января 1942 г., трехстороннего советско-англо-иранского соглашения о территориальной целостности Ирана. Сталин пошел на эту дипломатическую уступку в крайне невыгодных для СССР условиях: немцы хотя и были отброшены от Москвы, но держали под контролем промышленно-развитую часть страны и готовились к весенней кампании. В Европе так же, как за океаном, сильно сомневались в способности СССР выстоять под напором первоклассной армии Гитлера.

Теперь-то все хорошо знают суть сталинской тактики. Она, проще говоря, состояла в полном пренебрежении к достигнутым договорам. Можно не сомневаться, что, соглашаясь на формулировку о территориальной целостности иранского государства, Сталин предполагал при удачном исходе войны продиктовать свою волю южному соседу и союзникам в полном соответствии со стратегией советской экспансии. Это подтверждало и развитие событий в Южном Азербайджане.

М.Кашкай, как и многие видные представители азербайджанской интеллигенции, располагал определенной информацией о скрытой от внешнего взгляда политической борьбе, развернувшейся между союзниками за контроль над Ираном, точнее, над ее богатейшими природными ресурсами и, прежде всего, иранской нефтью.

В конце августа 1941 года по Баку пронесся новый слух: Багиров в Тебризе. Пока люди думали и гадали, М.-Дж.Багиров, как ни в чем не бывало объявился уже в Баку. Однако позже, на совещании в ЦК, на которое были приглашены и видные представители интеллигенции, он сам поведал об этой своей тайной поездке: «Будучи в Нахичевани, я на 3 часа посетил Тебриз. Решил ознакомиться с ситуацией в Южном Азербайджане на месте».

Его рассказ о прогулке, которую совершил коммунистический руководитель Северного Азербайджана в главном городе в южной части географической Родины и во время которой он общался с простыми азербайджанцами, интересен для историков своей концовкой. «Земля Южного Азербайджана – наша настоящая Родина», – этими словами заключил он свое сообщение и показал собравшимся на карте территории, которые, по его мнению, являются исторически азербайджанскими.

Мог ли ученый-патриот оставаться в стороне от идеи воссоединения своего народа, которое казалось реальностью? Практически каждый день после знаменитого совещания у М.-Дж.Багирова происходили встречи с направляемыми в Южный Азербайджан работниками. Первый отряд состоял из 500 человек. Однако очень скоро число посланцев Советского Азербайджана в Тебризе и в других городах Южного Азербайджана перевалило за 3 тысячи. Частыми гостями в Баку были и люди из Тебриза. Уже в ноябре 1941 года на приеме у Багирова побывали вожди шахсеванских племен, представители тебризской интеллигенции. «Хозяин» на эти встречи приглашал и видных азербайджанских писателей и поэтов – Сулеймана Рустама, Сулеймана Рагимова, Мирзу

Ибрагимова и других. Знакомил их с тебризскими коллегами. В Тебризе стала распространяться газета «За Родину» на азербайджанском языке.

М.Кашкай, как и многие в Баку, с интересом ловит информацию о событиях в Тебризе. Он дружен с писателем Мирзой Ибрагимовым, который совершает челночные поездки между Баку и Тебризом и, в конце концов, остается там с особой миссией, помогая налаживать культурную жизнь, создавать опорные общественные организации будущей автономии. Обо всем этом он узнает из бесед с ним. Как ученый-секретарь АзФАНа он участвует в подборе и отправке группы геологов-нефтяников в Тебриз. Их задача – разведка нефтяных запасов на севере Ирана. Позже М.Кашкай подведет итоги миссии своих коллег: «Первичные поиски показали, что нефтегазовые запасы в иранском Азербайджане, Гиляне, Мазандаране, Астарабаде, в Северном Хорасане отнюдь не уступают запасам подконтрольных англичанам районов Южного Ирана».

Начиная с 1943 года, советская активность в Южном Азербайджане серьезно усилилась. Создается Народная партия Ирана, ряд обществ, которые участвуют в выборах в Иранский меджлис. Весной 1944 года «десант» литераторов, полиграфистов и журналистов из Баку налаживает выпуск газеты «За Родину», в Тебризе открывается Дом культуры в качестве филиала всесоюзного общества культурных связей.

М.Ибрагимов во время своих частых и кратковременных заездов в Баку, рассказывая о проделанной работе, трудностях, нищете крестьянского населения Южного Азербайджана, говорил и об интригах иранского правительства, его заигрываниях с англичанами и американцами.

В июле 1944 года в Вашингтоне состоялась англо-американская конференция, посвященная нефтяному вопросу, в ходе которой обсуждались проблемы, связанные с иранской нефтью. В те же дни в Тегеране иранское правительство приступило к секретным переговорам с американцами. К этому времени Советское правительство начинает вплотную заниматься Северным Ираном. Соотношение сил на фронтах изменилось. Сталин превратился в лидера мирового масштаба, с которым вынуждены считаться и Черчилль, и Рузвельт.

Ученые АзФАНа все чаще привлекаются властями для составления различного рода записок и разработок по проблемам экономики Южного Азербайджана, его полезных ископаемых и, прежде всего, нефти. Так возникла идея выбить у иранского правительства право на нефтяную концессию в Северном Иране. В сентябре того же года иранскому правительству было вручено советское предложение о концессии на разведку и разработку нефтяных месторождений Северного Ирана с включением провинций: Семнан, Горган, Мазандаран, Гилян и Азербайджан. Через месяц в Тегеран прибыла советская делегация, которой, однако, не удалось добиться желаемого. Иранцы всячески тормозили подписание соглашения о концессиях.

К 1945 году Баку, можно сказать, жил сообщениями с двух фронтов – с западного, где советские войска неумолимо приближались к Берлину, и иранского, где, казалось, становилось явью создание независимой Азербайджанской народно-демократической республики.

В Южном Азербайджане действовала АДП (Азербайджанская Демократическая партия), и ее лидеру Мир-Сеиду Пишевари суждено было стать первым

и последним премьером Азербайджанской народно-демократической республики.

Это имя тогда многие в Тебризе и Баку произносили с надеждой. Мало кто знал, что еще в 1927 году М.Пишевари был направлен Коминтерном в Иран, где через некоторое время был схвачен шахской полицией. Просидев в шахской тюрьме почти 10 лет, он вышел на свободу только в результате ввода советских войск в Иран.

Вскоре было сформировано правительство демократической республики Южный Азербайджан, в его руководстве ключевые позиции занимали надежные коммунисты из Баку. Партийные, советские работники, военспецы, представители интеллигенции были частыми гостями в Тебризе, где помогали налаживать обучение грамоте местных жителей, выпускать газеты, книги – словом, обустраивать жизнь по меркам Азербайджанской ССР. Так что М.Кашкай был в курсе многих перемен за Араксом и знал немало о политических ходах Москвы и Баку.

Особое значение, в смысле наведения культурных мостов между Севером и Югом, азербайджанское руководство придавало визиту большой группы поэтов, писателей, ученых, художников, композиторов, артистов и музыкантов в Южный Азербайджан. Незадолго до визита в Академии случился очередной переполох – звонил Сам. Оказалось, главных фигурантов делегации Багиров пригласил к себе на беседу. Среди приглашенных и академик Мир-Али Кашкай. Надолго запомнился ему продолговатый, чуть затемненный кабинет партийного вождя, его не улыбочное лицо, большие роговые очки, сквозь которые он пристально вглядывался в каждого, кто протягивал ему руку. А тут представлен был весь цвет азербайджанской культуры – поэты и писатели: Самед Вургун, Сулейман Рустам, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов; ученые – Мир-Касимов, Топчибашев, Кашкай. Обрисовав ситуацию в Иране и изложив задачи, которые возлагались на участников культурной акции в Южном Азербайджане, Багиров подчеркнул, что речь идет о будущем азербайджанского народа, его землях: никогда еще мечта нашего народа о единстве, создании мощного государства не была так близка.

Он знал, конечно, что Москва планирует полное отделение Южного Азербайджана от Ирана. Но этот замысел прикрывался разговорами об автономии, самоуправлении, некоем особом месте Южного Азербайджана в составе Иранского государства. Как понял Мир-Али Кашкай и как он потом рассказывал, важно было простым жителям Тебриза и всех других мест, где предстояло им побывать, показать культурный и экономический рывок, который совершили азербайджанцы на севере, в Советском Азербайджане.

– Они должны понять и почувствовать преимущества социализма, ибо будущее наше навсегда связано с Советским Союзом.

В конце встречи партийный руководитель республики попросил ученых задержаться: «У меня несколько слов по части науки», – пояснил он.

Суть той конфиденциальной беседы сводилась к следующему: в Тебриз уже направлялись группы нефтяников, в том числе и бакинских. По их прогнозам, запасы нефти в этой части Ирана значительны. Москва уже поставила перед иранским правительством вопрос о создании советской нефтяной концессии, которая, по мысли советских руководителей, должна была конкурировать с аналогичной структурой Великобритании. Однако нефтью не ограни-

чивались интересы советской стороны. По словам Багирова, руководители Южного Азербайджана сообщают о наличии в северной части Ирана богатых залежей других ценных полезных ископаемых. Говорили о меди, свинце и даже богатых запасах золота и серебра.

– Но все это суждения политиков, далеких от геологии, – заключил свою беседу Багиров, которая, судя по всему, представлялась ему особо важной, и остановил свой взгляд на сидевшем с краю стола Мир-Али Кашкае.

Тот дипломатично заметил, что территория Северного Ирана геологически является продолжением структур, берущих начало на нашей советской стороне. Залежи золота и серебра установлены, хотя и не уточнены их запасы в Нахичевани. Так что логично предположить наличие этих и других металлов и в Южном Азербайджане. Однако окончательную точку зрения по данному вопросу можно высказать после соответствующих геологических изысканий, сказал молодой академик, благоразумно решив, что не стоит утруждать партийного вождя малопонятной профессиональной терминологией.

Франц Юльевич, наверное, оценил бы этот дипломатический пассаж своего ученика на пять.

– Вы, если не ошибаюсь, ведь специалист по петрографии, рудам и прочим минералам? – начал Багиров после некоторого молчания. (Разумеется, Багиров мало что смыслит в геологии. Но у него отработанный партийный стиль – прежде чем принять нового для него человека, он тщательно изучает его «Личное дело».) Вот вам и карты в руки. Что касается геологических изысканий, то в вашем распоряжении достаточно времени. Кроме того, Вы побываете практически во всех крупных центрах Южного Азербайджана. От Вас требуется первое предварительное заключение. Экспедиции же с конкретными целями направим потом.

Академик хотел было добавить, что сроки для столь серьезной задачи отпущены недостаточные – что-то около месяца – и неизвестно, как получится с выездом для полевых работ, но Багиров решительно поднялся, показывая, что время вышло, и на том встреча закончилась.

Возглавляемая председателем Общества культурных связей с Ираном Самедом Вургуном делегация побывала в Тебризе, Урмие, Ардебиле, Мараге, Казвине. Маститые азербайджанские ученые М.Мир-Касимов, М.Топчиба-шев, М.Кашкай встречались с представителями местной интеллигенции, выступали с докладами о научных достижениях Советского Азербайджана. В ходе этой поездки Мир-Али Кашкай, как говорится, воочию убедился в огромном культурном отрыве Баку от южной части его родины. По просьбе академика южно-азербайджанские власти проработали для него отдельный маршрут с выездом в те районы, которые ученый-геолог считал наиболее перспективными. В то время как другие члены делегации оставались в отеле Тебриза, Кашкай колесил по предгорьям Южного Азербайджана, иногда пересекая маршрут концертных бригад из Баку, выступавших в Мараге, Урмие, Ардебиле.

Командировка уже приближалась к концу, когда в Тебриз поступила телеграмма из Баку, уведомлявшая советскую миссию, что пребывание академика М.Кашкая продлевается. Формальное объяснение сему было простое. Телеграмма сообщала, что Министерство цветной металлургии СССР командировует М.А.Кашкая сроком на пять месяцев в Северный Иран для изучения геоло-

гии, петрографии и рудных месторождений. По возвращении ему рекомендовано было прочесть «ряд лекций для ученых и студентов по геологии Карадага, юго-восточного продолжения Мегри-Ордубадского Плутона и других областей Южного Азербайджана». Это надо было понимать так, что в оставшееся время М.Кашкай должен был произвести соответствующие геологические исследования в перечисленных районах, что и было им сделано на должном профессиональном уровне.

По возвращении он вместе с президентом Академии направляет пространную записку руководителю республики М.-Дж.Багирову с целым рядом предложений и выводов, вытекающих из его наблюдений в ходе пребывания в Иране. Важнейшее из них – предложение организовать «научные экспедиции в Южный Азербайджан с целью комплексного изучения ее геологии, ботаники, зоологии, медицины, археологии, истории культуры». Ученые полагали, что близость и общность советского и иранского Азербайджана связаны не только с их историей и культурой, но и природными ресурсами и физической географией. Авторы письма предполагали, что археологические раскопки вокруг озера Урмия помогут вскрыть новые пласты в древней истории азербайджанского народа.

Особое место в письме занимают соображения, связанные с полезными ископаемыми Южного Азербайджана, минералами и растительностью.

Интересна реакция М.-Дж.Багирова на письмо ученых. Он тут же дал указание председателю Совета народных комиссаров Т.Кулиеву обратить внимание на предложения академиков М.Мир-Касимова и М.Кашкай: «По-моему, мы могли бы сами здесь укомплектовать такую экспедицию. Думаю, что и на расходы найдем некоторые средства. На самом деле, мы не имеем ясного представления по всем тем вопросам, которые затрагиваются в данной записке, а они нам нужны во всех отношениях. После договоренности с национальным правительством Иранского Азербайджана... можно было бы направить такую экспедицию...».

По согласованию с Народным комиссариатом цветной металлургии СССР в конце января в Южный Азербайджан была отправлена геологическая экспедиция под руководством главного инженера Управления геологии А.Амирасланова для изучения медных залежей.

Багиров тут же дает распоряжение председателю Совета народных комиссаров Т.Кулиеву о необходимости срочно рассмотреть предложения ученых, подчеркнув, что они достойны внимания и скорейшей реализации. К слову, уже в конце января геологическая экспедиция по изучению медных месторождений Южного Азербайджана была в пути.

Столь же динамично разворачивались действия Советского правительства в отношении Ирана. Известно, что уже в середине лета 1945 года, а конкретно – с 7 июня по 6 июля советское руководство приняло ряд решений по Ирану. 10 июня И.Сталин подписал секретное постановление «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране». Спустя 10 дней, 21 июня, он подписывает постановление Государственного Комитета Обороны за №9168 «О геолого-разведочных работах на нефть в Северном Иране».

Этот документ с грифом «Совершенно секретно» можно считать началом борьбы за контроль над иранской нефтью, которая имела долгую и трагиче-

скую историю. Особая страница – свержение правительства Моссаддыка, попытавшегося национализировать иранскую нефть. Угроза американского вторжения в ИРИ в наше время под шумок о ядерной программе, муллакратии являются лишь фазами этой нескончаемой битвы.

В ноябре 1945 года Москва предприняла ряд практических шагов для укрепления своих позиций в Иранском Азербайджане. Чтобы нейтрализовать экономическую блокаду, организованную иранским правительством, Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О развитии торговли с Иранским Азербайджаном». Через некоторое время – в начале декабря – М.-Дж.Багиров направляет советскому руководству проект повестки сессии Национального собрания Иранского Азербайджана и Национального правительства на базе Азербайджанской демократической партии. Через три дня в Баку из Москвы поступает телеграмма, в которой В.Молотов от имени Политбюро сообщает о своей согласии с предложениями Баку. Через неделю Милли Меджлис Иранского Азербайджана начал свою работу, и было образовано Национальное правительство во главе с С.Дж.Пишевари.

Все эти события М.Кашкай, как и многие азербайджанские интеллектуалы, не мог не воспринимать как официальное одобрение движения за автономию в Южном Азербайджане. Политическая наивность азербайджанских ученых, связанная с их ожиданиями относительно воссоединения народа, вполне понятна и даже простительна. Понятно и их желание как-то участвовать в этом процессе, способствовать его ускорению. Ни Кашкай, ни Мир-Касимов не были политиками. Более того, они всегда сторонились ее. Другое дело, что круговорот мировых процессов не мог не затянуть их, и в начавшемся переделе мира им не мог не грезиться шанс для Родины. Этот шанс вполне реальным представлялся и для людей куда более информированных, считавших политику своим кровным делом.

М.-Дж.Багиров, рассчитывавший, наверное, стать хозяином не только Азербайджанской ССР, но и Южного Азербайджана, был безжалостно принесен в жертву вместе с тысячами азербайджанцев, реализаторов этой идеи. Ошиблись, кстати сказать, и мусаватисты, которые, собравшись в ту пору в Стамбуле, заявили буквально, что одной из важных задач программы Мусавата являлось и является создание Большого Азербайджана, т.е. объединение Кавказского и Иранского Азербайджана в одну Национальную Азербайджанскую Республику. Поэтому установление территории Национального автономного Азербайджанского правительства, даже в пределах Иранского государства, наши партийные товарищи, каждый азербайджанец и турок, должны поощрять и приветствовать завершение начатого в Иранском Азербайджане Национального дела (86).

После этой памятной поездки Кашкай жил вестями из Тебриза. Ему, как и всем азербайджанцам, казалось логичным и естественным, что после великой победы 1945 года над фашистской Германией должен пробить час победы в Тебризе.

Наконец, после длительной подготовки и согласований с Москвой, 12 декабря 1945 года (21 Азера 1324 года) в Тебризском кинотеатре «Дидабан» открылась первая сессия Азербайджанского Милли Меджлиса. В Баку все газеты опубликовали сообщения азербайджанского телеграфного агентства из Тебриза: «Памятные даты бывают в биографии каждого человека, их много

в истории каждого народа и государства. Для 5 миллионов азербайджанцев, живущих в Северном Иране, навсегда будет памятен день 21 Азера (12 декабря)».

События разворачивались стремительно. 12 декабря было сформировано Азербайджанское национальное правительство, премьером утвержден Сеид-Джафар Пишевари (вообще-то говоря, на Родине – ранее в Агдаше он когда-то работал под именем Мир-Джафар. Но после того как Пишевари легализовался в Тебризе, он стал именоваться Сеид-Джафаром, дабы избежать ненужных аналогий с бакинским вождем). Через пару недель в Баку с упоением читали послание С.-Дж.Пишевари секретарю ЦК КП(б) Азербайджана М.-Дж.Багирову. В нем, в частности, говорилось: «Наряду с разрешением азербайджанскому народу воспользоваться своими законными правами на создание независимого национального государства, просим Вас оказать содействие и создать условия для осуществления сокровенной мечты нашего народа, состоящей в объединении в ближайшем будущем этих двух братских республик».

С трепетом читал М.Кашкай важнейший документ южно-азербайджанского правительства, названный «Требование азербайджанского народа»: «Мы, руководствуясь историческими, географическими и этнографическими данными создаваемой нами Азербайджанской национально-демократической республики, включаем в свой состав следующие основные города: Тавриз, Ардебиль, Урмия, Минадоаб, Марага, Салмас, Хой, Маранд, Миане, Энзели, Маку, Ахар, Херовабад, Зенджан, Казвин и Хамадан. Мы границы нашей республики определяем согласно прилагаемой карте, ибо население указанных в карте городов и сел в настоящее время более чем на 95% состоит из азербайджанцев».

Однако оптимистические сообщения вскоре сменились тревожными. Мирза Ибрагимов, один из главных советников независимого правительства республики Южный Азербайджан, все реже появлялся в Академии. Его коллеги-ученые таинственно перешептывались: «Теперь, наверное, он задержится надолго. А, может быть, навсегда...».

Их бы устами да мед пить... Во время одной из последних встреч писатель, находившийся в Иране с серьезной политико-дипломатической миссией, задумчиво поделился своими соображениями с Кашкаем. Ибрагимов полагал, что на иранском плацдарме появился новый игрок – США. Их усилиями Южный Азербайджан превращается в поле для большой международной дипломатической дуэли. Американцам явно не нравилась сталинская экспансия в Иране. Они прекрасно видели ее далеко идущие цели: взятие под контроль богатейших нефтяных залежей, а заодно и политического будущего всего Ирана, усиление влияния Советского Союза на всем Ближнем Востоке, осуществление петровского завещания о прорыве к теплым морям, к Индии.

Однако для собеседника писателя, знатока Ирана, прекрасно осведомленного о тайных механизмах советского проникновения в Тегеран и Тебриз, хотя и представляли интерес его широкие геополитические размышления, все же более интересовала судьба Южного Азербайджана, мечта о воссоединении народа. Вот тут-то все складывалось не совсем однозначно и, можно сказать, даже противоречиво и запутанно.

Правительство в Иране возглавил хитроватый Кавам-эс-Салтане, который одновременно вел тайные переговоры со Сталиным и Трумэном. Некоторые

советские дипломаты считали, что Кавам-эс-Салтане наиболее подходящая фигура, с ним можно работать, но М.Ибрагимов ему не доверял. Впрочем, так же, как и Пишевари, и многие другие руководители Азербайджанской республики: «Чего от него ждать, если он уже сейчас подвел «научную» базу под ликвидацию азербайджанской автономии, открыто объявив, что тюркский язык навязали населению Северного Азербайджана монголы, а до того их родным языком был, якобы, персидский».

Весь 1945 год для Кашкая, как, впрочем, и для большинства азербайджанцев, прошел в ожидании 2 марта 1946 года. В этот день Советский Союз, следуя своим международным обязательствам, должен был вывести войска из Ирана. 3 марта стало известно, что советские танки покидают Тебриз. Но потом пришло другое сообщение – советские войска движутся в направлении Тегерана. В воздухе запахло войной и кровью. Эти ощущения еще более усилились, когда поползли слухи о том, что в Тебриз прибыла группа советских военачальников. Точной информацией о том, что происходит в соседней стране, в Баку мало кто обладал. Ясность внесло совершенно неожиданно правительство Ирана, обратившееся в ООН за помощью. Под давлением США и Великобритании иранская жалоба на Советский Союз была включена в повестку дня Совета Безопасности ООН. Этот демарш как бы приоткрыл завесу секретности над ситуацией в Южном Азербайджане, поскольку вместе с комментариями о происках США в ООН хлынула и информация о действиях советских войск и дипломатии в Тебризе и Тегеране.

24 марта 1946 года запомнилось Кашкаю на всю жизнь. Он называл этот день черным днем в новейшей истории Азербайджана. В этот день Москва опубликовала неожиданное заявление о выводе советских войск из Ирана. Стало ясно – дни республики азербайджанцев в Иране сочтены. Мечтам о воссоединении азербайджанского народа не суждено было сбыться.

Он будет помнить тот день всю оставшуюся жизнь. Как наступила опустошенность. Как по спине его пробежал холодок. То же самое он испытал когда-то в далеком детстве, когда чья-то злая рука с грохотом растворила их ворота, и прогремели выстрелы...

Тот мартовский день был днем величайшего разочарования, за которым приходит прозрение. Когда в очередной раз приходится расставаться с иллюзиями.

С того самого далекого дня гуляет по бакинским интеллектуальным кабинетам молва о предательстве Сталина, не пожелавшего постоять за Южный Азербайджан. Говорят также о причине, побудившей генералиссимуса бросить на произвол судьбы тысячи азербайджанских федаинов, патриотов, политических деятелей, рекрутированных Советским Союзом для развертывания сепаратистского движения в Иране, создания азербайджанской автономии и, в конечном счете, присоединении ее к Азербайджанской ССР – ультиматум, направленный Трумэном Сталину. Много лет спустя в одном из зарубежных изданий Кашкай нашел подтверждение в книге ведущего историка США Артура М.Шлезингера. Он даже перевел фрагмент из исследования историка о том, как ультиматум Трумэна заставил Сталина одуматься и в спешном порядке начать вывод войск, окончательно заверченный уже в мае 1946 года.

Любопытно, что М.Кашкай практически до конца своей жизни собирал материалы о военно-политической борьбе за Южный Азербайджан. В отдельной папке у него сложены газетные вырезки, переводы из зарубежных изданий, заявления ТАСС того времени. Подборка материалов начинается с публикации на фарси одной из газет, издававшихся в Тебризе. В ней рассказывается о пребывании в Южном Азербайджане известного азербайджанского ученого Мир-Али Кашкая. Далее – информационные сообщения о событиях в Южном Азербайджане.

Есть тут и отрывок из статьи Трумэна, опубликованный в «Нью-Йорк Таймс» в 1957 году, в которой экс-президент США пишет: «Я видел, что Сталину известно о моем приказе командующим наземными, морскими и воздушными силами быть в полной боевой готовности... Когда Сталин отказался вывести войска в установленное время, я известил его, что в противном случае я сам приплыву в Персидский залив».

Нет в этой папке только публикаций о последующих горестных событиях – тысячах людей, бросившихся вплавь через Араз, сотнях азербайджанцев, погибших в боях с правительственными войсками Ирана, тысячах патриотов, членов демократической партии, замученных в шахских застенках.

Вслед за беженцами, хлынувшими в Советский Азербайджан, в Баку появились Мирза Ибрагимов, С.-Дж.Пишевари, генерал Гулам Яхья, сотни других активистов бывшей азербайджанской автономии. Их всех стали почему-то называть демократами, даже тех, кто были коммунистами. Вернувшись в Баку, они вновь стали членами своих партийных организаций. Кашкаю не терпелось познакомиться с Пишевари, поговорить о потерпевшей фиаско революции азербайджанцев. Мирза Ибрагимов пообещал: «Скоро соберемся вместе. Нам сейчас не до воспоминаний – надо размещать, обустривать беженцев».

Этому обещанию писателя, друга Кашкая, не суждено было сбыться. Осенью 1947 года машина Пишевари, возвращавшегося из Гянджи, врезалась в каменную глыбу у евлахского моста – водитель задремал. Гулам Яхья, находившийся на переднем сиденье, чудом остался жив, хотя и получил тяжелейшие увечья. Ушибами и ранами отделался офицер-чекист Нури Кулиев, тот самый, который еще недавно в Тебризе числился вице-консулом, являясь одной из ключевых фигур советской резидентуры в Южном Азербайджане. Сеид-Джафара Пишевари срочно доставили в евлахскую больницу, где Салман Самедов, замминистра здравоохранения республики, случайно оказавшийся в Евлахе, настоял на хирургической операции. Она закончилась кончиной этого удивительного человека, единственного азербайджанца – коминтерновца, с чьим мнением считался Багиров и которому в начале иранского кризиса счел нужным направить личное письмо сам Сталин.

Иранская страница в биографии Мир-Али Кашкая, так удачно начатая, завершилась куда как печально. Обстоятельства вторглись в его жизнь, неутомимо перечеркнув его юношеское кредо – никогда не ввязываться в политику. Он был вынужден изменить своему святому правилу. Возможно, исход азербайджанцев из Ирана, гибель Пишевари и прощание с мечтой о едином азербайджанском народе были суровой расплатой за эту измену. А может, предостережением судьбы?

Крушение Южного Азербайджана было одним из самых больших разочарований в жизни Мир-Али Кашкая. Он помогал, как мог, «демократам», поступившим на работу в Академию наук, устраивал их детей на геофак. В те дни он еще не знал, что судьба готовит для него и его страны еще один удар, что его ждет разочарование в политике властей, которые оставят новый рубец на его, уже уставшем от политических потрясений, сердце.

1948 год. Обмануты не только ожидания азербайджанцев. Обмануты и надежды Армении и Грузии, поскольку, затеяв сложную международную интригу из-за турецких проливов, Кремль не скрывает своих претензий на Карс, Ардаган, Артвин и другие прилегающие к советским республикам территории. Но Москва продолжает свою игру, окончательные цели которой известны ей одной. Сталину внушают, что тысячи армян готовы покинуть свои насиженные места в Европе, в США, на Ближнем Востоке. Советским стратегам кажется, что репатриация армян сулит огромный политический выигрыш в противостоянии с империалистическим Западом. Под шумок «о потоках» репатриантов, хлынувших в Ереван, принимается постановление Совета народных комиссаров СССР о переселении 100 тысяч азербайджанцев из Армении в Азербайджан.

Багиров проиграл свой раунд подковерной схватки с Кремлем, не помогли ему ни дружба с Берия, ни особое отношение вождя. А вместе с ним проиграл и Азербайджан. В наибольшем же кризисе в конечном счете окажется сам Союз. Только это станет ясно спустя четыре десятилетия, когда разразится карабахский кризис, ибо с очередного возгорания давней армяно-азербайджанской вражды начнется развал великой державы. Но к этому времени Кашкая уже не будет на земле. В памяти его близких останутся лишь его слова: «У нас в стране, как в большой семье – решающее слово за главой семьи. Дети малые, конечно, могут всякое натворить, рассориться, передрачиться даже. Но глава на то и глава, чтобы поддерживать в семье порядок, будучи суровым, оставаться справедливым. Тяжела эта ноша, да ничего не поделаешь. Помнить бы ему всегда: даже маленькая ошибка может в масштабах огромной страны обернуться величайшими народными бедами...».

Владимир РОЩУПКИН

УДАР ПО НЬЮ-ЙОРКУ

В 2001 году террористам удалось осуществить дьявольский план Гитлера. В сентябре Америка отметит очередную годовщину самой крупной террористической акции в национальной, да, пожалуй, и в мировой истории. Это потрясение на общенациональном уровне усугублено тем, что США, которые с середины XIX века не знали войн на своей территории, оказались беззащитными перед атакой с воздуха.

Однако идея запугать нацию, вызвать панику и потрясения с помощью крупномасштабной террористической акции не нова. В конце Второй мировой войны аналогичная операция в глубочайшей тайне разрабатывалась в гитлеровской Германии. Тем не менее широкой общественности об этом практически ничего не известно.

«Нужен террор!»

8 июля 1943 года. Уже третьи сутки на Восточном фронте идет одно из крупнейших сражений Второй мировой войны – Курская битва. В первый же день на направление главного удара Гитлер бросил до 700 танков отборных эсэсовских танковых дивизий «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», «Рейх», «Викинг». Но фюрер недоволен. Его бронированным армадам не удалось застать войска Сталина врасплох. Замысел наступления русские раскусили, а его внезапность была сорвана. Сейчас это уже ясно как божий день.

Именно тогда фюрер приказывает вызвать в свою ставку «Вольфшанце» («Волчье логово») в Восточной Пруссии конструкторов ракетной техники эсэсовца Вернера фон Брауна и полковника Вальтера Дорнбергера. Ракетчики, работавшие в научно-исследовательском институте сухопутных войск в «Пенемюнде-Восток», долгие месяцы ждали аудиенции у фюрера. И вот, наконец, через министра вооружений Шпеера Гитлер соизволил пригласить их.

В тот же день, 8 июля, Дорнбергер и фон Браун, захватив с собой документацию, макеты и кинофильм о своих разработках, вместе с экспертами из технического бюро на самолете «Хейнкель He-111» вылетели в район восточно-прусского города Растенбург. В ставку фюрера «Вольфшанце».

По прибытии ракетчиков сразу же провели в кинозал, где ждали вождя и его ближайших сподвижников. Дорнбергер и фон Браун едва успели подготовить необходимые для демонстрации материалы, как кто-то крикнул: «-Фюрер!» Все вскочили и вытянулись. По рядам присутствовавших будто ток прошел

Гитлер выглядел уставшим, взгляд его был тяжел. Сопровождаемый генералами Кейтелем, Йодлем и Бюле, министром Шпеером и свитой адъютантов, фюрер подошел к ракетчикам и вялым рукопожатием поздоровался с ними. Дорнбергер предложил начать встречу с просмотра кинофильма, привезенного из научного центра «Пенемюнде-Восток».

В сборном цехе у огромных емкостей копошатся маленькие фигурки людей. Затем в кадре – баллистическая ракета А-4 и испытание ее двигателей. Новый сюжет – заправка топливом, старт. Тринадцатиметровый «агрегат» (так была зашифрована А-4) весом 14 тонн с одной тонной взрывчатки исчезает в небе. Фон Браун доложил фюреру: ракета в полете превысила скорость звука и достигла высоты 120 километров. Дальность ее полета – 270 километров, полетное время – 7 минут.

Правда, фон Браун и Дорнбергер предпочли не афишировать в присутствии Гитлера, что у разработчиков А-4 не все обстояло гладко. Часто случались аварии – взрывы при запуске и в полете, желала много большего точность следования по заданной траектории и попадания в цель.

Но в своем докладе фюреру ракетчики тем не менее выразили уверенность, что трудности преодолимы, ракету А-4 можно использовать в военных целях. Предложили развернуть подготовительные работы, чтобы поставить ракету на конвейер.

Взгляд Гитлера уже не был потухшим. Он поблагодарил ракетчиков и поинтересовался:

– Можно ли увеличить заряд до 10 тонн, а сами ракеты производить до двух тысяч единиц ежемесячно?

– Мой фюрер, – ответил ошарашенный доктор наук и доктор философии Дорнбергер. – Для более мощного заряда нужно создавать другую ракету, а на это уйдет 4–5 лет!

Но вождь уже не внимал доводам конструктора, погруженный в собственные великие планы. Он почти закричал, буравя зрачками Дорнбергера:

– Мне нужна высокая поражающая эффективность ракет. Вы слышите? Без промедления!

Хотя Гитлер всячески торопил ракетчиков с реализацией своей идеи «оружия возмездия», без промедления не получилось. «Нужен террор, – неустанно повторял фюрер. – Все остальное – болтовня».

Радиопередатчик или пилот-смертник?

«Ценность жидкостно-реактивной ракеты состоит в ее способности преодолевать максимальные расстояния, а это оправдывает большой объем работ по ее производству...

Предлагаемую работу следует рассматривать лишь как вклад в решение физических и конструкторских задач по созданию жидкостно-реактивной баллистической ракеты». (Из докторской диссертации, долгое время засекре-

ченной, двадцатилетнего доктора философии Вернера фон Брауна. 1934 г. Перевод с немецкого.)

Вновь вернуться к идее создания ракет большой дальности в целях массового террора и психологического воздействия на противника германскому руководству и конструкторам удалось в начале 1944 года, когда стратегическое положение Германии под ударами Красной Армии еще более усугубилось. Однако этим надежды гитлеровской верхушки не ограничивались.

В случае успеха ракетчиков Берлин рассчитывал и на большее: на изменение ситуации в пользу Германии и ее союзников, на вынужденный выход США из войны и достижение в ней перелома. Такие надежды подогревала и идея-фикс Берлина – попытаться заключить сепаратный мирный договор с Англией и США. Но печальный опыт краха надежд на «чудо-оружие» у фашистской верхушки уже был: ведь массированный обстрел британских городов ракетами Фау-2 так и не поставил Англию на колени. Но утопающий, как говорится, хватается и за соломинку. В ходе одной из дружеских встреч с Гитлером Вернер фон Браун сам предложил ему план создания сверхдальних ракет для нанесения ракетных ударов по главным городам США – Нью-Йорку и Вашингтону. А японцы, в свою очередь, нанесли бы удары со своих подлодок немецкими ракетами Фау-1 по Сан-Франциско и Лос-Анджелесу.

Главная же роль в этих чудовищных, бесчеловечных по своему замыслу планах отводилась новой немецкой межконтинентальной баллистической двухступенчатой ракете A9/A10 конструкции Германа Оберта. Но новизна ракеты была относительной. По существу, вторая ступень, то есть A-9, представляла собой модернизированный вариант A-4 – с крыльями для планирующего спуска. При стартовой массе 16 т, длине 14 м и массе боевой части 1 т вторая ступень A9/A10 имела дальность самостоятельного планирующего полета около 600 км. При использовании дополнительного твердотопливного ускорителя ракета A-9 (вторая ступень, то есть верхняя часть) самостоятельно могла совершать планирующий полет на дальность до 2500 км. То есть в этом случае она могла поражать и промышленные объекты на территории СССР на Урале! При совместном запуске с A10 дальность планирующего полета могла достигать 4800 км, а время полета 45 минут. При запуске двухступенчатой ракеты A9/A10 с территории Германии под обстрелом могли находиться северо-восточные районы США – от Новой Англии до Филадельфии, Бостона, Вашингтона и Нью-Йорка.

По замыслу рейхсминистра пропаганды доктора Йозефа Геббельса, гигантские ракеты должны были поражать отдельные точечные цели на территории США, в первую очередь небоскребы. Причем для пущего устрашения, то есть для усиления психологического воздействия, предполагалось объявлять о предстоящей террористической акции по радио. При этом в качестве цели № 1 Геббельс считал 102-этажное здание Эмпайр Стейт Билдинг в центре Нью-Йорка.

Но чтобы разрушить его, требовалась очень точная автоматическая система управления полетом ракеты. Как этого достичь?

Первый путь предложила электротехническая фирма АЕГ «Сименс». Он заключался в установке на объекте, который подлежал уничтожению, специального радиопередатчика-маяка, на сигналы которого должна лететь ракета. Техническая сторона дела была решена качественно: в Берлине были

оперативно разработаны специальные передатчики и бортовые приемники сигналов маяка. Дело за малым – как установить радиоаппаратуру на зданиях?

За решение этой нелегкой задачи взялся любимчик Гитлера оберштурмбанфюрер СС и начальник диверсионной службы СД Отто Скорцени. Ему была поставлена задача подобрать опытных агентов, которые смогут скрытно прибыть в США и установить радиопередатчики на крупнейших зданиях, выбранных для уничтожения ракетами А9/А10. Затем, получив специальный радиосигнал из Германии, им необходимо будет включить эти передатчики и...

Второй вариант решения проблемы управления полетом заключался в том, что на борту ракеты А9 должен находиться пилот-смертник, который и наведет ракету на нужную цель без радиопередатчиков. Этот вопрос уже предварительно исследовался на предмет оценки возможности человека совершать полет в космос. Медицинские эксперименты в концлагерях над пленными летчиками из СССР, США и Англии показали, что человеческий организм тяжело переносит перегрузки на активном участке полета ракеты, хотя при определенных тренировках эти трудности могут быть преодолены. Но при этом создается серьезная проблема обеспечения жизнедеятельности человека в течение 45 минут полета в космосе..

Среди пилотов, отобранных Отто Скорцени, была одна женщина. Звали ее Ханна Райч. Она была известна и любима во всей Германии. Небольшого роста, сильная и мужественная, она с детства стремилась в небо, научилась летать на всех типах самолетов, выпускаемых в Германии, в том числе и боевых. Ханна особенно отличилась, воюя на Восточном фронте на истребителе «Мессершмитт-109». По числу сбитых самолетов она намного обогнала мужчин-асов люфтваффе и вошла в число 300 германских военных летчиков, сбивших, как утверждали в рейхе, в общей сложности 23000 русских самолетов. За это она из рук Гитлера получила погоны флюгкапитана и «железные кресты».

Ханна Райч была и единственным человеком, кто смог провести летно-конструкторские испытания крылатой ракеты Фау-1. Это было сделано по личному приказу и под личным наблюдением Адольфа Гитлера. Женщина-пилот, фанатично преданная фюреру, была готова пожертвовать своей жизнью, чтобы выполнить его любой приказ. К счастью для Ханны Райч, она сохранила свою жизнь, так как ее жертва не потребовалась. Ибо германским ракетчикам тогда так и не удалось создать средства жизнеобеспечения человека в космосе. Удалось сделать это много позже советским ученым, подготовившим первый в мире космический полет Юрия Гагарина.

«Пассажиры» с подводной лодки

- Арестуйте Колпага! – потребовал фронтовик Том Уорренс.
- Вы с ума сошли! – возмутились агенты. (Из разговора в отделении ФБР.)

Более удачно начиналась операция «Эльстер», что в переводе с немецкого означает «сорока». Эта сверхсекретная операция проводилась СД (гиммлеровской службы безопасности) с целью засылки на территорию США двух агентов с особой миссией. Им предстояло выполнить технически весьма непросто-

стую задачу по наведению ракет А9/А10 на выбранные объекты в городах Нью-Йорк, Вашингтон и Филадельфия. Первой целью, как и предполагалось, должен быть «Эмпайр Стейт Билдинг».

Операция началась в безлунную и беззвездную ночь с 29 на 30 ноября 1944 года. Небо было затянуто тучами, а берег погружен в темноту. У восточного побережья всплыла германская подводная лодка U-1230 (командир капитан-лейтенант Хильбиг). Операторы радиолокационных станций береговой охраны, наверное, дремали в это время, так как появление подлодки в районе бухты Френчмен и последующие действия членов экипажа и двух пассажиров ее остались для американцев незамеченными. С субмарины была спущена небольшая надувная резиновая лодка, куда прыгнули два человека. Они стали тихо грести и вскоре скрылись в тумане американского берега.

На дне лодки лежали упакованными в водонепроницаемый мешок 60 тысяч американских долларов, бриллианты, микрофотокамеры, чернила для тайнописи, а также специальная радиоаппаратура связи и наведения ракет. Под одеждой агенты прятали пистолеты.

У одного из них были фальшивые документы на имя капитана Эварда Грина из Бриджпорта, штат Коннектикут. Другой диверсант выдавал себя за Джека Миллера. На самом же деле его звали Эрих Гимпель. Он был агентом СД №146 Главного управления имперской безопасности. Радиоинженер по образованию, Гимпель с 1935 года шпионил против Англии и США. Перед тем как направить Гимпеля за океан, его несколько месяцев знакомили с ракетным оружием, а специалисты концернов АЭГ и «Сименс» посвятили в тайны нового метода наведения ракет на цель с помощью радиотехнических систем. Сообщник Гимпеля, тоже германский агент, был американцем немецкого происхождения. Звали его Уильям Колпаг, агентурный псевдоним «Билли». Он получил хорошее электротехническое образование в Массачусетском технологическом институте и окончил военно-морской колледж, откуда вышел мичманом.

Сначала агентам повезло. Они без препятствий благополучно проскользнули под самым носом американских сторожевых кораблей береговой охраны (-Бохр), постов береговой обороны и контрразведки США. Собрав вещи и затопив лодку, они благополучно добрались по берегу в ближайший небольшой городишко Бангор. А оттуда поездом через Бостон в Нью-Йорк.

Первым был разоблачен Колпаг. По прибытии в Нью-Йорк он первым делом навестил своего старого друга Тома С.Уорренса, который занимал высокий пост в военной промышленности. Побывавший на фронте, дважды раненный, он сразу же понял, с кем имеет дело, когда Колпаг стал предлагать ему поработать в пользу Германии. На следующий день Уорренс направился в отделение ФБР, все рассказал и потребовал арестовать Колпага. Но ему там не поверили. «Он сумасшедший!» – такова была реакция фэбээровцев. Они решили, что это следствие ранений, полученных Уорренсом на фронте.

Но американец был настойчив. «Сумасшедший» фронтовик добился-таки ареста Колпага. Тот не стал записывать и сразу все рассказал.

Сотрудники ФБР были потрясены полученной информацией. Они были первыми американцами, которые узнали правду о готовящейся ракетной атаке на безмятежный и безоружный Нью-Йорк. Их любимый город уже не мог спать спокойно. «Джи-менов» (разговорное прозвище агентов ФБР)

потряс тот факт, что по городу разгуливает германский шпион, способный разрушить по сигналу из Берлина самый большой в мире небоскреб, символ богатства и технологического могущества Америки, таланта и мастерства ее инженеров и рабочих.

Уильям Колпаг, боясь самого сурового наказания, торопил агентов ФБР поскорее найти своего сообщника, пока он не взорвал небоскреб. ФБР пришлось объявить в Нью-Йорке самую крупную тревогу за годы войны. Целая армия полицейских и агентов в форме и штатском, получив описания внешности Гимпеля, охотилась за ним. Дотошные агенты ФБР выбили из Колпага одну очень важную примету. Колпаг вспомнил, что Гимпель обычно держал монеты не в кошельке, а в верхнем левом кармане пиджака. А «стопроцентные» американцы кладут туда только чистый платок и никогда – деньги.

Тем временем Эрих Гимпель уже слал в Берлин из номера 1559 нью-йоркского отеля «Пенсильвания» свои первые зашифрованные радиогаммы. Шла четвертая неделя его спокойной жизни в городе с населением 8 миллионов человек, который он хотел разрушить. Настроение у Гимпеля было хорошим, так как он даже успел наняться гидом в экскурсионную компанию, которая занималась показом самого высокого в мире небоскреба провинциалам. Мало того, он уже нашел укромное место и установил там радиопередатчик маяка, по которому должна наводиться межатлантическая ракета А9/А10. Дело оставалось за малым: принять условный радиосигнал и в нужное время включить радиопередатчик. Далее – дело германской ракетной техники...

Взяли Гимпеля в рождественскую ночь, когда миллионы жителей огромного мегаполиса беззаботно веселились. К газетному киоску на Таймс-сквер подошел одетый по последней американской моде мужчина. Не вынимая сигары изо рта, он попросил иллюстрированный журнал и протянул продавцу долларовую банкноту. Получив сдачу мелочью, покупатель сунул ее в левый верхний карман пиджака. Заранее проинструктированный киоскер подал условный сигнал находившемуся поблизости агенту ФБР. Через несколько мгновений на запястьях агента СД защелкнулись наручники. Шпиона и диверсанта препроводили в специальную тюрьму форта Джей в штате Нью-Йорк, где посадили в проволочную клетку, под яркую лампу.

Президент США Франклин Делано Рузвельт, получив информацию о случившемся, приказал немедленно предать агентов военному суду по обвинению в шпионаже и других враждебных действиях. Суд вынес приговор обоим агентам имперской службы безопасности, который в переводе с английского звучит так: «Висеть, пока не умрешь!»

Колпага вскоре казнили, а Гимпель уцелел. Помог случай: умер Франклин Делано Рузвельт, а на его пост заступил Гарри Трумэн, который внял просьбе адвокатов агента СД и заменил ему повешение на пожизненное заключение. Потом это решение было вновь пересмотрено и заменено на 30-летнее тюремное заключение. Но Гимпель не отсидел и этого срока: в 1956 году по личной просьбе канцлера ФРГ Конрада Аденауэра он был амнистирован и отправлен в Германию, где получил почет и уважение властей.

Примечательно, что в своих мемуарах Эрих Гимпель даже не упомянул о том, какую зловещую миссию предстояло выполнить в Нью-Йорке ему и его напарнику Колпагу.

Тем временем на ракетном полигоне Пенемюнде проходили стендовые и

летные испытания ракет А9 и А10. 8 января 1945 года окончилась аварией очередная попытка запустить ракету А10. И только 24 января 1945 года Вернер фон Браун с облегчением вздохнул: наконец-то испытания закончились успехом и можно было доложить фюреру, что проблема создания трансатлантической ракеты решена. Сделано это было 26 января 1945 года. Но эта весть не была воспринята подобающим образом Адольфом Гитлером, на что были веские причины: американские войска оправились от кошмара поражения в Арденнах и возобновили наступление на Германию, не идя на сепаратный мир. А на Востоке был прорван фронт на ширину 500 километров, куда устремились танковые части Красной Армии.

Наступательные действия Красной Армии на Висле и Одере создавали реальную угрозу самому существованию ракетного центра в Пенемюнде. 2 февраля 1945 года колонна из 2000 тяжелых грузовиков с 1000 прицепами, нагруженные 12000 тоннами приборов, инструментов и прочим оборудованием, скрытно вышла по направлению зеленого центра Германии Тюрингии. Там, в районе города Нордхаузен, работал подземный завод по сборке ракет Фау-1 и Фау-2. Но наладить производство ракет А9/А10 на этом заводе уже не было ни возможностей, ни времени.

Год 1945-й и наши дни

Существовало много причин, по которым германским ракетчикам, взаимодействовавшим со спецслужбами, не удалось нанести замышлявшийся в глубочайшей тайне удар по Нью-Йорку. Но думается, что самая главная в том, что благодаря Красной Армии, мужеству и героизму всего нашего народа, союзных наций удалось добиться победы в мае 1945 года. Вот мнение экспертов: по планам германских ракетчиков первый ракетный удар по Нью-Йорку, а также удары крылатыми ракетами по Челябинску, Свердловску и другим городам Урала, могли быть совершены уже в октябре 1945 года. Так что террористы-камикадзе, которые 11 сентября 2001 года нанесли удар по двум ньюйоркским небоскрегам, по сути, реализовали бесчеловечную идею заправил гитлеровской Германии.

Не исключено, что пилотам-смертникам удалось ознакомиться с планами верхушки третьего рейха по нанесению удара по Эмпайр Стейт Билдинг. В пользу такого предположения говорит тот факт, что двоим террористам первоначально удалось осесть и легализоваться в ФРГ. И уже оттуда они перебрались в США, где прошли курс обучения по управлению «Боингами».

Разные эпохи, разные исполнители, а цель одна.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

*Журнал для тех, кто хочет знать,
как устроен мир в эпоху глобализации*

«Россия в глобальной политике» — это уникальное издание, на страницах которого лучшие российские и иностранные исследователи делятся своим видением национальных приоритетов России и ее перспектив в новом мире.

«Россия в глобальной политике» — это площадка для диалога ведущих экспертов и журналистов, политиков и предпринимателей, общественных деятелей и ученых из разных стран о животрепещущих проблемах в области безопасности, экономики и общественного развития.

«Россия в глобальной политике» — это возможность познакомиться с эксклюзивными материалами ведущих аналитических центров и лучшими публикациями из журнала Foreign Affairs — самого влиятельного американского издания.

Редационный совет «России в глобальной политике» — это настоящая сборная звезд мировой политики и политологии, среди которых Гельмут Коль, Мартти Ахтисаари, Карл Бильдт, Карл Кайзер, Тьерри де Монбриаль, Хорст Тельчик, Джеймс Хоуг, Алексей Арбатов, Игорь Иванов, Сергей Караганов, Сергей Лавров, Александр Лившиц, Владимир Лукин, Вячеслав Никонов, Евгений Примаков, Сергей Приходько, Сергей Ястржембский и другие.

- ПОДПИСКА В РОССИИ, СНГ И СТРАНАХ БАЛТИИ по каталогу «Роспечать», индексы: 46708, 46709, 46710

- ПОДПИСКА В РОССИИ И СНГ по каталогу «Пресса России», индексы: 15577, 11119*, 16497.

- * Специальный подписной индекс. Только для студентов и аспирантов журнал «РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» за 1/2 цену!

- ПОДПИСКА В УКРАИНЕ по каталогу «КСС»

www.globalaffairs.ru

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

БУДУЩЕЕ КАК СЮРПРИЗ

**Роберт Нисбет. Прогресс: история идеи.
М., 2008.**

Прогресс – это восхождение человечества. Представление о том, что жизнь становится все лучше, наука открывает небывалые законы, люди оказываются все умнее, кажется естественным. Для чего живет человечество, если оно оказывается неспособным устроить свое бытие наилучшим образом?

В философии истории идея социального прогресса возникла по аналогии с природой. В течение истории Земли (геологического развития) возникают все более высокоорганизованные, то есть живые, существа, которые становятся все более приспособленными к окружающей среде. Не так ли и в истории?

Мы сегодня не представляем себе мир без истории, развитие общества – без социальной динамики и возвышения, будущее – без устремления к прогрессу. Представление о том, что человечество ходит по кругу, переживая последовательно сменяемые циклы, сегодня социальному мыслителю показалось бы полным безумием. Убеждение, будто история выстраивается по Божьей воле, направляется божественным промыслом, в наши дни не вызовет особого энтузиазма даже у религиозных мыслителей. Между тем на протяжении многих веков люди Земли вовсе и не считали, что время длит себя по линейке, что будущее человечества созидают сами земляне, без божественного благословения.

Сегодня мы не можем помыслить историю как инволюцию, как регресс, как повторение сезонных циклов, как кружение времен. Мы убеждены в том, что идея прогресса существовала едва ли не всегда, что она составляет одну из фундаментальных предпосылок современного сознания. И вот перед нами книга, которую можно назвать энциклопедией философских и социологических знаний о прогрессе. Но парадокс заключается еще и в том, что она написана исследователем, которого, без сомнений, можно назвать ведущим консервативным социологом минувшего столетия. Если вы захотите назвать десять самых крупных социальных мыслителей Америки, то Р.Нисбет непременно окажется в этом почетном круге.

Итак, консервативному ученому надлежит крайне осторожно относиться к прогрессистским иллюзиям. Ведь европейский консерватизм начался, по общему мнению, с книги Эдмунда Бёрка «Размышления о революции во Франции», в которой отмечено, что по ходу революции насилие будет нара-

стать. Но Нисбет отталкивается не от Бёрка. Он доказывает, что от древних греков до наших дней идея прогресса является центральной темой западных интеллектуалов и западной цивилизации. Более того, он скорбит по поводу утраты веры в прогресс у многих современных интеллектуалов и убежден в том, что это может обрушить западную цивилизацию.

Нисбет защищает идею прогресса, но допускает, что она может не реализоваться в полном смысле слова. *«Грядет ли Золотой век или же Темный век как результат дегенерации? И как, по каким критериям будет оцениваться прогресс или регресс? Что такое прогресс: не есть ли он в основе своей моральное и духовное явление, лучшим индикатором которого служит отсутствие материального благосостояния, а не изобилие?»* (с. 33).

Но что может обрушить прогрессистские устремления? Пессимизм, который обретает все больше и больше реальных оснований. Смутное подозрение относительно того, что история движется циклично. Увлечение иррационалистическими и мистическими взглядами. Но в этом нет новизны, поскольку на протяжении более двадцати пяти веков философы, ученые, историки и богословы то предавались прогрессистским надеждам, то впадали в отчаяние. Но все-таки, по убеждению Нисбета, идея прогресса была доминирующей. И она оказалась концептом настолько значимым, что никакая иная идея, например, свободы, равенства, справедливости, солидарности, не может сравниться с ней. Можно согласиться с тем, что названные ценности обретали смысл лишь в перспективе прогресса.

Идея прогресса содержательно многоаспектна. Что может означать «улучшение» или переход от «низшего к высшему»? Может быть, речь идет о накоплении знаний, которое воплощено в искусстве и науке? А может быть, о моральном и духовном положении человека на Земле? Не исключено, что подразумевается совершенствование человеческой природы. Но ведь сегодня прогресс ассоциируется главным образом с улучшением материального благосостояния. Выходит, что идея прогресса с трудом подлежит логической или эмпирической проверке. На самом деле можно доказать, что, например, пенициллин является лучшим средством в сравнении со старомодным кровопусканием или гирудотерапией. А современная артиллерия более эффективна, нежели стрельба из арбалета и кипящая смола.

Все это так. Но такого рода обобщения оказываются убедительными лишь в определенном аспекте рассуждения. Но стоит перевести разговор в новое русло, например, задаться вопросом, который сформулировал в свое время А.Эйнштейн: «зачем война?», и тогда логика прогресса предстанет в иной системе оценок. Идея прогресса становится плодотворной только в том случае, если мы рассматриваем противоречия исторического развития. С этой точки зрения гораздо интереснее такие имена, как А.Токвиль, Я.Бурхардт, А.Шопенгауэр, Ф.Ницше, М.Вебер, Ж.Сорель, О.Шпенглер.

Р.Нисбет убежден в том, что за двадцать пять столетий существования идея прогресса принесла гораздо больше благ, нежели отвержение этой концепции. Здесь можно поспорить с маститым социологом. На мой взгляд, именно проверка этой идеи на прочность смогла помочь человечеству преодолеть разломы истории, раскрыть ресурсы социальной динамики. Мы привыкли к тому, что идея прогресса появилась, по всей видимости, в XVII веке. В начале этого столетия прогресс отмечался только в одной области – в области

науки и техники. К концу столетия высказывались твердые убеждения относительно неизбежности прогресса в области благосостояния, в цивилизации, в социальной организации человеческого общества, в искусстве и литературе, даже в человеческой природе и в биологическом строении человека.

Но вот Р. Нисбет настаивает на том, что идея прогресса существовала даже в классической греческой и римской мысли. Он спорит с представлениями о том, что древние не имели концепции прогресса, они не то чтобы отрицали эту идею, она их просто не занимала. Они, мол, были уверены в историческом вырождении. *Идея последовательной смены эпох на протяжении длительного промежутка времени ни в коей мере не была изобретена именно Гесиодом или греками. В более древней мировой литературе, в частности в египетских или вавилонских мифах, уже встречаются упоминания об этих эпохах в том или ином контексте (с. 49).*

Итак, то, что начали классические мыслители языческой древности, продолжили, и не только продолжили, но и развили, христиане. По мнению Нисбета, основы христианской концепции прогресса были образованы слиянием в христианстве иудейских и греческих идей. Он считает, что одно из заблуждений относительно христианства, которое кажется неискоренимым, состоит в том, что христианству приписывается интерес к духовному и утверждается, что оно движимо исключительно верой в грядущее вечное бытие.

Можно задаться вопросом: а что дают современной социальной мысли, обеспокоенной будущим человечества, все эти академические ссылки, цитаты и рассуждения? Вооружают ли они нас оптимизмом, пробуждают ли благородные чувства, мобилизуют ли общечеловеческой верой в будущее? Ведь многие философы пришли к мысли, что у человечества нет другой задачи, кроме как идти вперед по прежнему пути к все большему овладению природой. Прогресс касается всех сторон человеческого существования – благоденствия, социального устройства, нравственной жизни. Однако чувство истории как осмысленного и сцепленного потока свершений было присуще, по-видимому, весьма непродолжительному периоду европейской истории философии, примерно от начала XIX в. до первой трети XX столетия. В это время еще существовали определенные общезначимые нормы, помогающие исследовать исторический процесс в его целостности. Позже идея прогресса стала подвергаться «демонтажу».

«Шопенгауэр писал, что история, никоим образом не подтверждая наличия прогресса, на самом деле представляет собой лишь поверхностную смену форм... По Кьеркегору главной особенностью западного мира является полное исчезновение всякого авторитета и удушение подлинной индивидуальности и общности под покровом «нивелирования» и «абстрагирования» (с. 479).

Фридрих Ницше в конце XIX столетия отмечал, что, по его мнению, человек эпохи Возрождения гораздо значительнее, богаче, чем человек XIX века. Какие же основания верить в постоянное восхождение человечества? Кроме того, расцвет экономики далеко не всегда сопровождается нравственным прогрессом. Демократия может смениться тоталитаризмом. В чем тут идея прогресса? Видимо, нужны такие критерии, которые позволили бы понять, что становится лучше, а что хуже.

В XX веке идею прогресса стали критиковать со всех сторон. Говорили о том, что это типичное человеческое заблуждение – думать о том, что все идет

к лучшему. Мы нисколько не лучше наших предков. Были ли, скажем, охотники каменного века дикими? Нам представляется, что они во всех отношениях уступали нам. Ведь они располагали луком, стрелами и каменными ножами. Сравнили тоже – у нас есть такие блага технической революции, которые и не снились бедным пещерным людям. Но вот кто-то подметил: коллективная охота на мамонта без огнестрельного оружия – задача гораздо более сложная в умственном отношении, чем заботы клерка или охранника. Действительно, технологическое совершенство таких орудий труда, как ЭВМ или автомат, сплошь и рядом не предохраняет ум от отупения. Нет, как ни говори, прогресс – вещь далеко не бесспорная.

Сегодня, как подмечает Р.Нисбет, широкие круги американского общества испытывают разочарование и неприкрытую враждебность к экономическому росту. Растут опасения того, что мы и наша планета обречены, если мы резко не прекратим этот рост. Явно присутствует страх перед ограниченностью и истощением ресурсов, черпаемых из земли, морей и атмосферы, которые жизненно важны для экономического роста.

Американский социолог задается вопросом: *«Каково будущее идеи прогресса на Западе? Любой ответ на этот вопрос требует вначале ответа на вопрос: каково будущее иудео-христианской традиции на Западе? Ведь если существует какое-либо общее и притом убедительное утверждение об истории идеи прогресса, то оно состоит в том, что на протяжении всей своей истории она была тесно связана с религией, зависела от религии или от интеллектуальных конструкций, не производных от нее»* (с. 527).

Книга Р.Нисбета поражает научной эрудированностью, основательностью и глубиной социологического размышления. Но она, безусловно, проигрывает в культурологическом аспекте. Идея прогресса настолько всеохватна, что теоретически возможно доказать ее наличие в наскальных рисунках каменного века. Однако можно считать упрощением представление о том, что эта идея оказалась всеохватной. Более проникательные культурологи не случайно выделяют разные стадии в развитии человеческой истории. Эти фазы как раз и отличаются друг от друга несовпадением в выстраивании картин мира (скажем, у А.Дугина – премодерн, модерн и постмодерн). Известно, что социологическое воображение становится особенно продуктивным, когда оно фиксирует различие, а не однообразие. Вот почему в книге Р.Нисбета проступает плохо скрытый идеологический заказ: вооружить землян оптимизмом, внушить мысль о том, что европейская цивилизация самая совершенная и самая стойкая. Если бы...

Можно ли спасти современную цивилизацию? На этот счет высказываются разные мнения. Многие исследователи утверждают, что избавление человечества – в переходе к новой цивилизации, в дальнейшей разработке глобального мышления. Речь идет о глубоком и разностороннем духовном преображении людей. Другие философы скептически оценивают эти идеи, склоняясь к мысли о принципиальной непредсказуемости истории.

Эльвира Спирова

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ ФЕДЕРАЛИЗМА

Джордж Андерсон. Федерализм: введение.
Издательство Оксфордского университета,
2008.

Слова «федерация», «федерализм» довольно давно прижились в нашем сознании. Тем не менее вряд ли возможно утверждать, что среди профессионалов и на уровне обывателя укрепилось четкое и полное понимания существа и конкретных проявлений этого явления или в научной литературе закрепилось одно определение федерализма. Так, член-корреспондент РАН, вице-президент Российской академии социальных наук Вилен Иванов определяет федерализм следующим образом: «это форма государственного устройства, в основе которого лежит объединение нескольких государств в единое государство (федерацию) с общими для всех Конституцией, законодательством, гражданством, едиными принципами взаимоотношений федеральной власти и субъектов федерции»¹. А известный политолог и государственный деятель Рамазан Абдулатипов считает, что «федерализм – явление многоаспектное, многогранное, его нецелесообразно сводить к государственному устройству определенных территорий»².

Подобное разнообразие взглядов существует и за рубежом, хотя мировая практика федеративного устройства существует уже не одно столетие. Попытку описать феномен федерализма на основе мирового опыта совсем недавно предпринял в своей книге «Федерализм: введение»³ канадец Джордж Андерсон. Бывший член правительства, сегодня он занимает пост президента Форума Федераций – международной некоммерческой организации со штаб-квартирой в Оттаве, которая осуществляет программы сотрудничества между странами с федеративным устройством «в интересах развития демократического общества». Систематизация и обобщение богатого фактического материала, сделанные автором, безусловно, представляют интерес и для нашего читателя, особенно политиков и политологов.

С автором можно спорить, причем с самого начала. Например, Дж. Андерсон считает, что на сегодняшний день из 192 государств – членов ООН 28

¹ Иванов В.Н. Социология федерализма. – М., 2004, с. 11.

² Абдулатипов Р.Г. О федеративной и национальной политике Российского государства. – М., 1995, с. 63.

³ George Anderson. Federalism: An Introduction. – Oxford University press, 2008.

имеют федеративное устройство (с. 2), но список этих 28 не включает в себя Китайскую Народную Республику, где на сегодняшний день существует несколько автономных районов, или Грузию, которая позиционирует себя тоже как федерацию. Однако продуктивнее обратиться к конкретному содержанию книги, где федерализм представлен в многообразии.

Речь идет о разных странах – от таких огромных, как Россия, Канада, США, Индия, до крошечных типа Коморских островов или островов Сент Китс и Невис (на последних проживает всего 46 тысяч человек). И составляющих федерацию субъектов тоже может быть в каждом конкретном случае по-разному: от 2 до 80. Некоторые федерации весьма централизованы, там практически вся власть сосредоточена в руках центрального правительства, а некоторые, наоборот, предоставляют своим частям широкую автономию. В ряде случаев имеет место разделение властных полномочий между центром и периферией. При этом некоторые из субъектов федерации возглавляются премьер-министрами и правительствами, а другие – президентами и местными парламентами.

Тем не менее можно найти ряд общих черт, характерных для всех федеративных государств. Первое: это администрации двух уровней: один для всей страны, другой для территориальной единицы. Причем обе формируются путем прямых выборов, в которых участвуют граждане, проживающие на данной территории. Второе: принятие конституции, отдельные статьи которой могут быть поправлены только на федеральном уровне. Третье: конституция, в которой зафиксирована передача законодательных полномочий администрациям обоих уровней и обеспечена автономия каждой из них. Четвертое: обеспечение представительства субъектов федерации в ключевых институтах центральной власти, чаще всего в верхних палатах парламента, для учета мнений местных жителей при принятии решений федерального масштаба. При этом часто небольшим единицам дается больше полномочий, чем это следует из численности населения, там проживающего. Пятое: существует конституционная процедура решения спорных вопросов между центральными и местными властями.

При всей уникальности исторического опыта появления федеративных государств автор находит возможным назвать общие причины: для одних стран – это необходимость объединить прежде отдельные части в новое целое государство (Швейцария, США, Германия), для других – реструктуризация прежде единого государства в интересах соблюдения демократических ценностей (Бельгия, Испания), а иногда и то, и другое (Индия).

Федерации состоят из нескольких конституционных единиц, которые в большинстве случаев носят название штат или провинция (естественно, автор знает, что в России такими единицами являются республики, области, края, округа и города федерального значения). Иногда создаются конституционные единицы второго порядка (это делается в отношении столичных регионов или менее развитых территорий). В некоторых федерациях есть и третий уровень – муниципальные власти.

Появление этих конституционных единиц отражает местные особенности. В Аргентине, Австрии, Бразилии, Германии, Мексике в основе разделения страны – язык, в Эфиопии раздел идет по этнической линии, в Бельгии – по языковой и культурной, в Нигерии – по языковой и религиозной. А Индия

всегда стремилась к тому, чтобы в основе ее федерализма не стоял этнический или религиозный принцип.

Разделение властных полномочий в федеративных государствах определяется в конституциях или в двусторонних соглашениях, которые подписывают субъекты федерации с центральной властью. Как пишет автор, условно можно выделить две модели разделения властных полномочий в федеративных государствах (хотя в чистом виде они не встречаются нигде): дуалистическую и интеграционную (с. 21) Классическая (дуалистическая) модель, распространенная в Канаде, Бразилии, США, подразумевает, что одни и те же сферы жизни подпадают под юрисдикцию администраций разных уровней. Но каждый уровень выдвигает программы в своей зоне ответственности. В случае, если между уровнями возникают споры, верх берут федеральные законы.

Интеграционная модель представлена в Германии, Австрии, ЮАР и Испании. В этом случае выделяются области, которые подпадают под юрисдикцию только одного уровня власти. Например, в Германии вопросы обороны находятся исключительно в ведении федеральных властей. И в отличие от первой модели, где федеральные службы имеют своих представителей на местах, в интеграционной центральная власть слабо присутствует в регионах.

Конкретный фактический материал, замечает Дж.Андерсен, показывает, что в ведении федерального центра почти всегда оказываются такие вопросы, как национальная валюта, оборона, ратификация международных соглашений, внешняя торговля, инфраструктура. В сферу управления субъектов федерации обычно входят вопросы начального и среднего образования, здравоохранения, коммунальных служб, полиции.

Наиболее существенной сферой властных полномочий является финансовая и, прежде всего, решение таких вопросов, как кто определяет размер налогов и платежей, кто их собирает, кто ими распоряжается. Что касается сбора налогов, то в Канаде и Швейцарии центральная власть собирает 45% их общего объема, в США – 54%, в Австрии, Бельгии, Индии, Германии, Испании – 60–75%, в Аргентине, Малайзии, России, ЮАР – более 80%. Но больше всего забирает федеральный центр в Венесуэле (97%) и в Нигерии (98%).

Расходы тоже различаются по странам. Во многом это зависит от того, какую роль федеральный бюджет играет в финансировании различных целевых программ. Самые маленькие расходы центра (30–40%) в Швейцарии, Канаде, Бельгии и Германии, так как в этих странах выполнение многих национальных программ находится в ведении субъектов федерации. Самые большие госрасходы в Венесуэле (78%) и Малайзии (84%). Россия, как и США, попали, по оценкам автора, в самую многочисленную среднюю группу – от 45 до 60%.

Установлено, что во всех федерациях центральные правительства осуществляют трансферты в субъекты. При этом многие правительства, осуществляя программы выравнивания, направляют не всем одинаковые суммы, часто большие трансферты направляются в более бедные районы (так было в случае с Восточными землями в Германии после объединения).

К финансовой области относится и проблема получения доходов от эксплуатации природных ресурсов. Здесь также заметны различия в подходе к этой проблеме в разных странах. В Нигерии все доходы от эксплуатации месторож-

дений полезных ископаемых получает федеральное правительство, которое потом их делит по своему усмотрению между штатами. «В России важную роль играют и роялти, и экспортные пошлины. Центральное правительство сегодня играет главную роль в их сборе, предоставляя также небольшие возможности в этом плане районам, добывающим сырье» (с. 33). В Аргентине полезные ископаемые отданы в ведение провинций, и они получают теперь солидные доходы. В Судане значительная часть доходов от экспорта углеводородов идет в Южный Судан, где и добывается основное количество нефти.

Институты центральной власти также варьируются от федерации к федерации, но, что характерно, в большинстве из них интересы субъектов представляют верхние палаты парламентов. Порядок их формирования (прямые или непрямые выборы), срок полномочий и функции не одинаковы. В одних странах верхние палаты наделены той же полнотой власти, что и нижние, плюс имеют специальные полномочия: объявление войны, назначение на высокие посты. В других странах сенат – не более чем визирующий орган, имеющий лишь право отправить закон на повторное рассмотрение в нижней палате. Наиболее точно роль палаты федерального государства исполняет Бундесрат в ФРГ: чтобы законы были приняты, федеральное правительство должно иметь поддержку в землях. В США Сенат имеет все те же права, что и Палата представителей. В Аргентине, Австралии, Бразилии и Швейцарии верхние палаты имеют право абсолютного вето по отношению ко всем законам. Верхние палаты, которые избираются непрямым путем (законодательными собраниями штатов), обычно играют незначительную роль в отношениях между федеральными и местными властями.

В Канаде центральное правительство имеет право распускать местное законодательное собрание, если оно бездействует. В Индии правительство штата может быть смещено и заменено президентским правлением. В Нигерии президент может объявить чрезвычайное положение в отдельном штате и сместить местное правительство на определенный срок.

Особую актуальность в свете недавнего самопровозглашения независимости Косово (хотя книга была написана раньше, до этих драматических событий) представляет глава IX, где рассматриваются проблемы сохранения единства федеративных государств и выхода из них отдельных частей. Дж. Андерсон считает вопрос сохранения единства важнейшим для федеративного государства, хотя из истории известно, что в унитарных государствах сепаратистские выступления были столь же нередким случаем. Бороться с сепаратизмом путем репрессий и ассимиляторской политики означает ухудшать положение вещей, – пишет автор (с. 71). Укреплению единства может служить подчеркивание разнообразия как особой ценности государства. Реальное участие населения в местном самоуправлении способствует его позитивному отношению к федерализму.

В конституциях нет стандартного отношения к выходу из состава федерации. Во многих странах (США, Мексика, Бразилия, Нигерия, Индия, Испания) такая возможность исключается вообще. Эфиопская конституция формально признает право выхода, а конституции Австрии, Германии и Швейцарии об этом умалчивают. В Канаде Верховный суд вынес определение, что если в какой-либо провинции большинство населения выскажется на референдуме за отделение, то эта территория может стать самостоятельной в

результате переговорного процесса. Международное право признает возможность выхода из состава государства только в случае серьезного нарушения гражданских прав или в процессе освобождения от колониальной зависимости. Обычно мировое сообщество отрицательно относится к отделению, так как это может дестабилизировать международную обстановку.

Федерализм лучше всего работает там, где есть широкое уважение к букве закона, терпимость и взаимопонимание между различными группами населения, а также наличие элементов общей идентичности, – заключает канадский политолог. Для многих стран со сложным составом населения федерализм возможно единственная форма конституционного управления, согласующаяся со стабильной демократией (с. 81).

Книга добросовестного канадского исследователя лишней раз подтверждает многообразие окружающего нас мира, не только естественного, но и созданного людьми, которые и могут им пользоваться для своего блага и развития. При этом каждый народ волен выбирать (и выбирает) национальную форму федерализма, сообразуясь с обстоятельствами.

Петр Цветов

О книге Владимира Ахмедова «Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока (вторая половина XX – начало XXI вв.)»

В основу книги положены материалы, собранные автором в период работы и командировок на Ближний Восток в 1990–2007-х гг., записи личных бесед с представителями различных профессиональных и общественно-политических групп населения Сирии, Египта, Саудовской Аравии, Ливана, других стран региона. Немалую роль сыграла в этой работе и преподавательская деятельность автора в ведущих вузах Москвы.

Словом, перед нами – результат многолетних наблюдений и размышлений, что обеспечило широкий охват автором важнейших проблем Ближневосточного региона, происходящих в нем социально-политических процессов в тесной связке с их историей, культурой, особенностями жизни арабского общества.

Книга актуальна и злободневна, в ней немало точных суждений и интересных фактов, и даже неплохо информированный читатель найдет в ней что-то нужное и полезное для себя.

Остановлюсь на некоторых аспектах этого исследования.

Характер и перспективы социально-политических процессов в странах Арабского Востока, как подчеркивает автор, определяются сложившейся в этих государствах политической системой, особенностями ее функционирования и основными тенденциями эволюции. Притом, что на Арабском Востоке, как и на Западе, государство и его органы в конечном итоге и определяют тип политической власти, в ряде стран сходных политических институтов нет, а там, где имеются, они существенно отличаются от своих западных аналогов по содержанию, характеру выполняемых функций, уровню развитости и месту в жизни общества.

Многое здесь определяется общей отсталостью региона, последствиями войн в Ираке и Ливане, неурегулированностью арабо-израильского конфликта. Разгорающаяся гражданская война в Ираке, считает автор, способна ускорить процесс дезинтеграции страны и привести к росту центробежных тенденций в других ближневосточных государствах. Отсюда – нестабильность политической ситуации и усиление радикального, экстремистского крыла исламизма.

В большинстве стран региона зреют внутренние конфликты, не только чреватые подрывом существующей системы власти, но и угрожающие в перспективе суверенитету и территориальной целостности самих этих государств.

Правящие арабские элиты, как и общество в целом, оказались не готовы, неспособны или не желали принять как западные модели социально-экономического и политического развития, так и советские «идеологемы» типа некапиталистического развития и социалистической ориентации.

В 1990-х – начале 2000 гг., во многом под воздействием демонстрационного эффекта демократизации в других регионах, некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако выиграли от этой либерализации политические движения ислама, чья приверженность демократическим ценностям Запада представляется весьма спорной.

Сегодня большинство арабских стран, замечает автор, пытается осуществить переход от авторитарной модели управления государством к более либеральной. Однако практически во всех случаях речь идет о создании не столько демократических режимов, сколько государств, ориентированных на модернизацию экономики и социальное развитие.

Любопытно, что попытки США и ряда других западных стран форсировать демократизацию государств региона в контексте борьбы с «исламским» терроризмом привели к тому, что «вакуум авторитаризма» на Ближнем Востоке стал заполняться опять-таки движениями политического ислама и этно-конфессионального сепаратизма. В результате ничем не ограниченный национализм как основа государственного порядка, его основной легитимизирующий элемент, уже не мог служить эффективным инструментом политической организации общества, принципом его действия и сохранения стабильности, а стал порождать тенденцию к анархии.

В этих условиях в политическом процессе большинства стран региона особо возросло значение армии. Исторически вмешательство военных в политику, как правило, определялось необходимостью усиления централизованного государственного управления для решения сложных социальных проблем и обеспечения ускоренного преодоления экономической отсталости. Но, с другой стороны, оно было следствием фактического отсутствия в обществе иной реальной социальной и политической силы на этапе обострения внутриполитических и социальных противоречий.

Слабость и неуверенность гражданских властей во многом детерминировалась особым статусом военных, утвердившимся в национальном сознании и исторической памяти народа. Политический класс смотрел на многие процессы в стране глазами военных, опасаясь бросить вызов армии. Хотя, признает автор, арабские правительства сделали немало и для предотвращения открытого вмешательства военных в политическую жизнь своих стран. Применялись, в частности, своеобразные средства политического контроля над армией в виде индивидуального материального стимулирования военных и финансовой поддержки армии в целом. Крупные затраты государства на приобретение современных систем вооружения также можно рассматривать как форму удовлетворения корпоративных интересов военных. Подобные закупки, замечает автор, производились не столько в целях укрепления национальной обороны и безопасности, сколько в интересах отдельных представителей военной элиты и были призваны удовлетворить самолюбие арабских лидеров, поддерживать национальный престиж, продемонстрировать военную силу соседям по региону.

Наличие многочисленных силовых структур позволяло власти рассчитывать на то, что различные вооруженные формирования, часто соперничавшие друг с другом, могли служить определенным барьером на пути создания анти-режимной коалиции.

Особое внимание автор уделяет изучению природы и характера политических режимов таких арабских государств Ближнего Востока, как Египет, Сирия и Саудовская Аравия, перспектив их стабильности в условиях набирающего темпы процесса смены власти на Арабском Востоке и складывающейся в настоящее время в регионе военно-политической обстановки.

Веками власть в Арабском мире зиждилась на праве одной семьи или группы влиятельных лиц, объединившихся вокруг сильной личности. С середины 1990-х гг. процессы смены правящих элит и прихода к власти молодого поколения арабских лидеров в регионе заметно ускорились. Но механизм передачи власти при этом оставался тем же – либо по наследству, либо путем переворотов; часто при главенствующей роли военных. С 1952 по 1986 г. в арабских странах произошло около 30 военных переворотов.

Естественно, в условиях новой геополитической обстановки в регионе проблема устойчивости арабских политических режимов приобретает особое значение, особенно в «критических», с точки зрения автора, странах – Египте и Саудовской Аравии, в которых руководящие посты занимают престарелые руководители, а в качестве возможных преемников выступают их сыновья и родственники. Но их способности консолидировать власть, по мнению автора, представляются пока весьма неопределенными.

В работе дается оценка основным движениям политического ислама в арабских странах, рассматривается характер их взаимоотношений с арабскими политическими режимами и армией, прогнозируются возможные пути их эволюции в политическом пространстве Ближнего Востока.

С учетом возросшей в последние годы активности различного толка исламских организаций и их соперничества с национальными движениями светского характера за политическое лидерство в регионе, автор достаточно подробно останавливается на роли этно-национального и конфессионального факторов в развитии социально-политических систем стран региона и формировании некоторых базовых аспектов их политической культуры.

Новейшая история арабских стран изобилует примерами борьбы и взаимовлияния религиозных идеологических течений. В ходе этих процессов претерпевала эволюцию и арабская общественная мысль, что во многом способствовало и помогало мусульманам приспособливаться к заимствованным на Западе идеям и концепциям.

Нельзя не согласиться с автором в том, что стремление прогрессивных сил совместить на национально-патриотической основе светский аутентичный проект развития государства с элементами западной системы ценностей и мусульманский модернизм с традиционными исламскими представлениями и идеями и сегодня является важнейшим фактором предотвращения раскола Ближнего Востока и урегулирования этно-конфессиональных разногласий в регионе.

Вагиф Гусейнов

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov

1. War in South Ossetia forces to reconsider and the Russian position concerning the CIS, to the politician union and developments of relations with the Post-Soviet countries. Any more the first year experts speak about negative tendencies in the CIS. Whether Russia has made all possible for Commonwealth strengthening? I am afraid that is not present. Russia has during the last years lost old friends and has not got the new. It is now obvious that we dealt not simply with political statements and declarations from outside heads of some the Commonwealth countries, and with the thought over and developed system of measures – obviously there were statements of our military men that took part in fighting calculations of the Georgian forces of air defence experts from the CIS countries.

2. Operation of Russia on compulsion to the world became an occasion to the USA and their East Europe associates to intensify procedure of the introduction of Georgia and Ukraine in the NATO. Anyway, their chances in December to receive the desired invitation in the block have increased. All it compels Russia to correct a line of conduct in relations with an alliance as a whole, considering and special interest of the USA in expansion of the presence at our borders (high-speed and kind end of the auction with Poland about the ABM – direct to volume the certificate). First precautionary "call" from our party was the decision of the Minister of Defence of Russia to interrupt all contacts to the NATO on a military line. Probably, the further steps to this direction are thought over also.

POLITICS

Valery Buyanov. "THE RUSSIAN WORLD" AS A GLOBAL PROJECT

1. Russia would have to shoot ahead as a leader of socio-economic and intellectual progress. The ambitious declarations delivered by the two heads of the state in succession, have to be backed and provided for by organizational, financial, info-propagandistic and other measures.

2. Compatriot diasporas scattered all over the world play an important role in building up the contemporary 'Russian World'. To coordinate – and more so to unite – the efforts of the mother-country and the communities overseas means to give the Russian World some new vital impulse. Russia could get the capital in the form of investments and innovative technologies from the Russian abroad, especially from its European and American habitats, also the

compatriots could lobby the Russian interests in the foreign countries, including weakening NATO's political pressure upon the Russian Federation.

3. The Russian World is a way to unify people, to renew the Russian identity. While renewing, we have something to lose and also something to find. A greater openness and emancipation in the face of the outer world, rather than isolation, the growth of entrepreneurship, more weight of such qualities as material success and individual freedom among the national values, self-supporting and gradual displacing paternalistic expectations – these and other new dimensions of the identity and mentality help to faster involve the Russians and their country in the globalizing world.

4. The Russian World is hoped not to be lost among the civilizations, nations and peoples, and be able to take leading positions at a new convolution of the civilization development of the mankind. But that would depend, primarily, upon successes of Russia as the core of the Russian World, upon strengthening its position in adequate terms with the first line of our National Hymn.

Alexander Tsipko. BASHFUL LIBERALS' GAMES

Comments on the Democracy: Developing the Russian Model Report made up in the Political Technologies Center by the Institute's of Modern Development request

1. The Report authors, for some unclear reasons, take no heed of the experience of real developing the real democracy that has become the outcome of the President's-in-the-office Putin participation in the parliamentary elections, in role of the leader of a political party. In fact, this experience is attractive by its being but a shy step along the way to the premier-presidential model. It is clear, this experience contradicts the Report authors' initial point, their idea of the strong state power has to be just the presidential one in Russia, but still, both theoretically and practically, it cannot be excluded that to provide the nation's moral leader with the premier power might become a political practice.

2. The Report authors are right to state, 'the Russians pattern their behaviors on Europe being the civilization model' (including in the organizing their political life). But that means, the Russians – and first of all the young, active, talented Russians – value their country's merit and quality by the quality and maturity of our political life. One of most active participants in the discussions from the audience has privately told me that the number of his friends who wished to leave the country has increased after our elective cycle of 2007–2008.

3. As follows from the above formulated long-term modernization objectives, it is the presidential power – and just it – can set the vector to involve wider strata of the society (primarily, the middle class) into transformative activities, to change accents in the economic model on innovative industries, thus stimulating entrepreneurship.

FOREIGN AFFAIRS

Andrey Suzdaltsev. THE RUSSIAN-GEORGIAN CRISIS (JANUARY–AUGUST 2008)

1. The USA, as always, have got to an authoritarianism trap – to replace gone too far the leader now accused of war crimes, it has appeared it is impossible. Authoritarianism does not suffer political competitors, and the political field of Georgia has appeared "smoothed out" not only for Moscow, but also for Washington. Using analogies to authoritative modes on the post-Soviet territory and marking a certain authoritative trend in the politician M.Saakashvili, it is possible to draw a cautious conclusion that if the president of Georgia will manage to reserve support of Washington to its power while threatens nothing.

2. End of operations in South Ossetia is a certain boundary not only in the Russian-Georgian relations, but also in creation of a new geopolitical reality on the post-Soviet territory. Already from the beginning of 2000th years gradual restoration of political-economical power of Russia objectively and all influenced structure of the mutual relations which have

developed in 1990th years on open spaces CIS and in Baltic at direct participation of the USA, EU and the NATO more intensively.

3. Georgia for modern Russia has no strategic value. Russia does not wait for full-scale aggression from outside Transcaucasia. Rendering possibilities through Georgia supports to separatists in the North Caucasus are limited, but exist, so the problem of safety of our southern boundaries long time will remain actual, but not in that degree that Russia to incur certain political and economic obligations concerning Tbilisi. Occupation which will automatically make Russia responsible for well-being of the population of Georgia is senseless also.

4. The demand of the Antirussian policy in Transcaucasia where the West is consistently occupied by designing of South Caucasian power transit "corridor" alternative to Russia, to a certain stage will provide preservation for M.Saakashvili roles of "ally" of Washington after defeat in South Ossetia.

Georgy Mirsky. ISLAMISM: THE THIRD STAGE OF THE DECOLONIZATION MISSILE?

1. The 'civilization war' is principally contra to the interests of ruling elites of all the developing countries without exception. They not just cannot and have no wish to break up from the West, but on the contrarily, they are interested in better and more favorable ways of entering the world capitalist economy, where the West sets tone. The Third World ruling classes for a time have long ago forgotten the ideas 'alternative development', be that the Nasser-type "national socialism", or Kaddaffi's "the third way", or Imam Khomeini's "the blessed Islamic economy". They understand that the militant 'Islamism' would plunge their countries into a precipice of isolation and full disorder.

2. "The third stage of the missile" of anti-colonial struggle is a myth. At that, an extremely dangerous myth, threatening the stability in today's world to much greater extent than anything else. Globalization has provided the Islamic extremists with such means of destabilization and creating explosive situations that the terrorists, nihilists and anarchists of old times did not dear to dream of. The Islamic terror, provoking their victims to retaliate using the force, might boomerang in monstrous blow upon the Muslim world itself. That could bring in catastrophic consequences even in those parts of the planet that are not yet involved in the increasing confrontation between the Muslim extremism and the American superpower unilateralism.

3. The dramatic violent actions, kindling of hatred, intolerance and irreconcilability, calls to ruthless fight against the enemies of the faith – all that can just damage the natural process of the adapting the traditional values of the Orient to the realities of the modern world that had made a great leap forward from the times of stagnant and sclerotic religious dogmatism. There is no place here for any rocket stunning one's imagination, the decisive thing is the persistent day-to-day labor inspired by idea of cooperation and mutual enrichment of civilizations, the idea that rejects civilization collisions and "battle of the incompatible worlds".

Yevgeny Kanayev. THE PREVENTION OF TERROR THREAT IN THE SOUTH CHINESE SEA: PROSPECTS OF THE RUSSIAN PARTICIPATION

1. Among the experts and scholars, the viewpoint prevails that the international terror threat is actual, in main, for the Near and Middle East countries. Recently, however, the problem has become increasingly important as a state's priority in other regions, in particular, in the South-East Asia (SEA), as well as for the Associations of the South-East Asian Nations (-ASEAN).

2. After the 1997–1998 financial crisis, the Russia-ASEAN cooperation had noticeably reduced, for the both sides confined themselves to solving the internal problems. Just in the first years of the 21st century, there were signs of some activities. Thus, the leaders of the ASEAN and Russian Federation signed some documents (2003–2004) that stated their readiness to expand contacts, in main, along the line of the cooperation in fighting the interna-

tional terrorism. At that, Russia has joined the ASEAN Treaty on Friendship and Cooperation.

3. Lately, there is a certain progress in the Russia-ASEAN relations. The number of high-ranking visits increase, the infrastructure of political dialogue is building up, the contacts between the business communities become stronger, mechanisms of expanding the humanitarian contacts are developed, their commitment legal base is improved. For instance, in 2007, the Financial Foundation on Dialogue Partnership was established, the Russia-ASEAN Educational Center was set up, some priority projects of cooperation were defined.

4. Thus, despite some major-toned statements made by officials and in joint Russia-ASEAN declarations, currently, their interactivities in preventing acts of terror in the South China Sea can hardly be seen as dynamic and effective. And it is likely, optimizing the cooperation would be confronted with serious difficulties.

*Eldar Kasayev. THE IRAQI FUEL & ENERGY COMPLEX (FEC)
AS A SMALL 'INSTABILITY ISLAND' FOR THE RUSSIAN INVESTMENTS*

1. In mid-term prospect, the economic risks (despite the Iraqi Government's rather good reports on the achievements in fiscal and financial spheres) are subjected to significant influence of the political factors. For the domestic investors, it seems, the main reference point of improving economic situation in the country should be the Iraqi Government's plans to implement the massive investment program to restore the home economy. Nowadays, these plans have been postponed due to the extremely complex military-political situation and high risks in the security sphere.

2. In Iraq, the investment climate is defined as the extremely unfavorable. The general situation in the country is noted for a high level of unpredictability in short-term prospect. Decisive for the further development of the situation would be the factors related to the struggle of foreign powers for spheres of influence, and the military-political circumstances concerning the Iraqi internal affairs, which are by now tend to split and fragment the Iraqi society into isolated groupings, inspired by some narrow ethnic and religious interests.

3. Under the conditions of political and legal vacuum, the economy of Iraq has fully turned out to become the hostage of the intestine strife. Though this non-stop-in-crisis Mid-East oil Eldorado, the 'black gold' of which is being hunted for by the energy 'heavyweights' from many countries, is unlikely threatened with any upheavals. For even before the American-British occupation, the Iraqi economy suffered a great deal because of prolonged rigid sanctions.

*Elena Komleva. THE ARCTIC ENERGY:
PARTNERSHIP OF RUSSIA, GERMANY AND THE EUROPE*

1. Presently, developing the Arctic Zone has coincided with the world economic trend towards the system crisis caused, in many respects, as President Medvedev said at the XII St.-Petersburg International Economic Forum, by the "economic egotism" and "economic nationalism", primarily – the USA. Later on, Dmitry Medvedev's speech at the Forum, by the analogy with the meaningful statement by President Putin, was called the "economic Munich". One may just guess of those geopolitical moves that would accompany the changes in economy, technology and power engineering. Some countries', regions' and the industrial companies' of narrow specialization oil-and-gas foundations of well-being might disappear. The insurance is needed.

2. Now new principles and documents on EU–Russia interrelations are being worked out. Russia justifies its refusal to ratify the EU Energy Charter by the losses in oil-and-gas sector and weak representation in the European nuclear fuel market. And this is when the world is obviously facing kind of nuclear 'Renaissance' in power maintenance for various evenings-out of the consequences of the world economic crisis. It is enough to recollect the collective appeals, made by the G8 energy ministers (2006–2008), to quickly develop the "peaceful atom". Probably, the achievements of France in this sphere would be used as a guideline.

3. It is convenient time for new initiatives now. The aggravation in the EU-Russia interrelations on the eve of the Helsinki summit have corrected the balance of all-European issues under the discussion there and the "Northern Dimension" in favor of the regional ones. The EU–Russia–Iceland–Norway meeting put forward the updated program. In 2007, NATO supported the new "Northern Dimension". In Russia's relations with Europe, the pattern of bilateral contacts with member-countries would be domineering for some time. The all-European integration might be additionally weakened due to raise of ethnic separatism, hardships in the economy and proactive terrorism. Symptoms of easing – Blocking 'the EU Constitution' by some member-states are the symptom of weakening.

IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Alexander Dougin. THE ECONOMIC SECURITY IN THE POST-SOVIET SPACE

1. The economy of the post-Soviet space becomes the factor of primarily concern when the post-Soviet space integration is involved, that which determines the dynamics of integration and Russia's influence, by means of some economic sanctions, on the former USSR constituent countries. Today, Russia is a factual part of the world economic system, so it is involved in globalization and post-modernization of economy. To this effect, the network is being made with technological, information and socio-political sectors among others. All this is a challenge for Russia, which it should cease to ignore and bring about the civilized answer.

2. We have general single task while addressing the abovementioned and other similar situations – to go on with integrating the post-Soviet space economically. The next step is to introduce the single space into the global economic network, while having preserved the sovereign control over it. Our geopolitical opponents' task is to integrate it into the global space part by part, with loss of the sovereignty and control. In this case, the terrorism and other forms would become our rival's tool.

3. There are forces that equally wish either to close Russia up in isolation, or to integrate it into a world network with no means of control left. It is not that the Americans are bad guys. They just cannot let Russia control its part of the global network; that is why, to them, we are good just in the form of small nationalist chauvinistic entity, which by itself pushes away all its allies, or in the form of an obedient (to them), no-problem segment of the global world network. To them, there is no a third way, but is the third way that is right for Russia's destiny – both integrating into the world economy and preserving the full strategic control over its segment in the post-Soviet space.

GEOPOLITICS

Rasim Agayev (Azerbaijan). THE EURASIAN DISCOURSE OF THE RUSSIAN GEOPOLITICS

1. The world power configuration under the US dominance that has developed after the Third World War, nevertheless seems to be transitive. Its subsequent outlines would become clearer while the American project of reorganizing the world is being realized, with the USSR repartition, subdividing Yugoslavia, the war in Iraq and its breaking, lunge to Afghanistan being just the first stage of the US global military-political operation. Washington, despite the obvious failures of its offensive in the Eurasian front, is determined to bring it to the logical ending, for one seemed to be inexcusably stupid not to take advantage of the opportunities given by the history itself.

2. Eurasia, where the majority of the mankind lives and where the bulk of the planet's business activity is concentrated, gradually becomes the world economy centre of attraction. Russia, despite the deep crisis it suffers, still is the only and unique leader-state in all the post-Soviet space. Some analysts think, the condition of turmoil that had been cyclically repeating for all along its thousand-year history, and which Russia nowadays stays in, has not reached the ultimate stage yet.

3. Moscow is in need for a effective geopolitical policy line, some new political role with no birthmarks of the Soviet experience repeated, sprang out of internal needs and objectively developing world realities. Such a role, or rather, with no exaggeration, Russia's historical mission is shown through the recently introduced new Eurasian strategy as the long-term, many-staged geopolitical project. It is prompted by strategic realism and by the fact that the USA, with all its advantages, have one structural problem – it is geographically far away from Eurasia.

Vladimir Dergachev (Ukraine). GEOPOLITICAL TRANSFORMATION OF THE CRIMEA

1. The modern geopolitical power of a state rests upon, first of all, on strength of mind, rather than material resources. The United States effectively use the technologies of the newest geopolitics to undermine the strength of mind of a foreseeable adversary or competitor. As it is known, the supreme form of human spirit manifestation is the language and faith that has become geopolitical categories. Today, to undermine a country's strength, it is not obligatory to destroy its material objects, the mainstream of impact would be crushing the language and national culture space. And the Russian culture and Russian language are still Russia's greatest gains and resources. To protect the language, culture, and the Orthodoxy has to become a priority in the Kremlin's foreign policy.

2. Russia's foreign policy is to be aimed at maintenance of integrity and a possible neutrality and federalization of Ukraine, at protection of the last largest foreign outpost of Russian language and culture. Russia cannot call back all the Russian nationals to the greater native land, but it can become an attractive power and regional integrator if it will prove to be successful in modernizing and transforming the oligarch model of the state into socially oriented one. It would become becomes attractive for integrating other peoples.

3. Ukraine's future depends not only on possible ways to overcome the crisis of statehood, but also on creating geopolitical balance of foreign policy vectors within the EU – USA – Russia triangle. If Ukraine, instead of the neutrality, chose the pro-American or pro-Russian side, it would be torn up with no special regret on the part of major geopolitical players in the Eastern Europe. The Crimea might again be at the sources of creative development or enmity at the criss-cross of civilization frontiers. To ignore these realities is dangerous for its geopolitical fate. One has to be quick in foreseeing possible options of events to timely foresee the dangerous tendencies, keeping in mind "the forgotten booming of the perished cities" of Taurida.

THE ISSUE MAIN TOPIC: NATIONAL IDEA

Pavel Gurevich. THE PHENOMENON'S SEAMY SIDE

1. The national idea, by the definition, is taken up as a product of the nation's passionarity and spirituality. Little attention is paid to the fact that it originates from a posttraumatic syndrome. By this syndrome, social psychologists describe the state of psychological undermining, stinging and vulnerability. Nation, having found itself in a state of a catastrophe collapsing the ideals, would try to save itself by means of compensatory mechanisms. The imagination pictures not only unexpectedly gained happiness, but historical punishment as well.

2. The injured national pride is a complex phenomenon. But it is by no means the best soil for the national idea to grow. Meanwhile, lately we spare no efforts to exploit the complex mixture of mass feelings caused by the posttraumatic syndrome. We urge Russia to rise from its knees. There is nothing disturbing in that as yet. Though, when we start reasoning that we have nothing to be ashamed of in our history, that blood of millions of peoples have no value compare to the history's challenges, when we say, there were no less crimes committed in other countries, then there is nothing strange, why fascist ideas are finding supporters in the country that has crashed the Nazism.

3. The greatest anxiety is being caused by the glamour version of the national idea. It is directly tied up with Russia's soccer-musical victories. The Russian national soccer team's recent successes made all men and all women united. They have soldered together the peoples of different ages, nationalities, trades. What else is needed, when even the militiamen were kissed in the streets? But all this looks like some malicious grotesque. Have the shouts of drunken fans, who tried 'to excite' the nation, been really perceived as the desired idea? What contribution these shouting fanatics had made to the victory of the football players? Had they built new stadiums up? Were they the ones to have stopped drunkenness and senseless bullying? The national idea brings under its banners no tax-payer corps, nor admirers of a pop-idol. Are we thinking of just the football fans who would make the country's life even 'hotter'?

ECONOMICS

Maxim Bratersky. THE POLITICAL ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL COMPANIES

1. The international companies enhance their of political activities when the stakes in the competitive struggle are high enough, when there are many possibilities to correct a government policy, and also when the company can master political tools well. The forms and intensity of an international company's political activities depend on the resources it possesses, on the methods of competition it uses, and on the geography of its operations. As any company's task is to get profit, ultimately, so all the political activities of the company ought to meet the same end.

2. The political activity might be a source of efficiency, influence in the market and legitimacy of the company, at that the political activity in the international business is more effective, than in the company's own country, for the international context gives the company much more opportunities. To the international companies, the political activity is a natural and necessary matter, because business beyond the national borders makes the company to deal with another political sovereignty.

3. Today, it is widely believed that the globalization, unification of rules of international trade and the reduced role of the state in the international economic relations have resulted in the political factor going out of front stage to the background, so the companies should focus at perfecting their organizational structures, at management improvements and innovations, and so forth. There are some grains of truth in such statements. Nevertheless, as political activity gives the company competitive advantages unattainable by the economic methods, and as the national states still exist, the politics are to remain the part of company's business beyond the national borders.

Vladimir Pan'kov. RUSSIA AND WTO

1. The issue of our entering the WTO is heavily politicized. Today, I think, there is no business basis not to let us into the WTO. One has to understand, that we de-facto do all our foreign trade according to the WTO existing international rules and requirements as it is. I have no doubt, today's Russia is much more in comply with the WTO principles than, say, China entered it in 2001. Still, Georgia – obviously for political reasons – has blocked the way of multi-lateral systematic negotiations with the Russian Federation. Well, they surely are being carried out, but with braking down and certain looking over one's shoulder.

2. What benefits can bring the WTO membership to the domestic consumer? I am not sure of price reductions, though reducing the import duties, theoretically, is to help to make the goods cheaper. Still, the assortment and quality of services for the population ought to undergo changes to the better. There would be no easy life, for example, for insurance companies. The foreign investments into their fixed capital would be allowed to increase from 25 to 50 per-cent, at the end of the 9-year transition period the foreign insurance companies would be

authorized to set up their offshore branches here. All this means an uneasy life for those who got used to work too simply.

3. Entering the WTO would help us to solve the major strategic problem – to diversify the export and the economy as a whole. This is good, but here we would get just a chance for the future, rather than immediate blessings. At that, speaking of current things, we have to be prepared to get masses of problems due to liberalization of our import that would lower the level of protection of domestic producers from outside competition. So, it is better for Russia not to recklessly strive for WTO, paying any price for entering it the sooner the better. At the same time, it is necessary to be more active in preparing to enter it. Without modernizing our economy, we have no future – be that with the WTO, or without it.

DEBUT

Askar Valitov. EXPORT OF DEMOCRACY: THE HELP OR THE THREAT?

1. There is no sovereign democracy in Russia whatsoever. It is just a made-up notion to feed the commoner. To distract him. It is unknown, how much seriously our leadership regards the threat of ideological war. But underestimation of that factor has once played a malicious joke to our country. The meet such a threat it cannot be enough just to formally declare some policy course. The author thinks, it must be a truly democratic way of development.

2. For past ten to fifteen years, the "export of democracy" was repeatedly described. Analyzing this phenomenon and its outcomes, many a politologist has come to the following conclusion: there are countries where the democracy is possible (the countries of the Western civilization), and the countries where the democracy has no chance to settle down (these include Russia). This article is not to deny this thesis, but deprives it of argumentation. There was one major argument in use – the empiricism based on the experience of the countries that had already past through the process. As a rule, the experience was lamentable.

3. The question how to fight in the ideological field of struggle is still open. The proclaimed concept of the 'sovereign democracy' bears no substance in itself. Moreover, in Russia, with its formal declaration of independence and individuality of political system, the American model of democracy is, in fact, being reproduced. It is not clear, what we would meet a possible challenge of a potential rival with. While speaking of possible ideological confrontation, both the experts and common citizens practically always claim that there is no need to fight the external enemy, but rather it is necessary to concentrate on the internal problems. 'Stop searching for enemies to ourselves, do what is to be done!'

ROUND TABLE

DEFECTS AND RESOURCES OF SOCIAL MANAGEMENT

The discussion panel included professor V.A.Loukov, Dr.Sc. (Philosophy); professor O. K. Filatov, Dr.Sc. (Pedagogy); professor Ye.N.Yakovlev, Dr.Sc. (Physics & Mathematics); and was chaired by professor P.S.Gurevich, Dr.Sc. (Philosophy).

"May the decrease in professionalism be applied to Russia only, or, as John Rolston Sol, well-known Canadian scholar and author, has claimed in his book, *Voltaire's Bastards*, it is a common trend, some characteristic of the newest times? It seems to be a paradox that, on the one hand, management develops impetuously, new administrative technologies are introduced, successful companies' experience is studied, but, on the other hand, very few of administrative failures have been critically assessed, very few many-sided examinations have been carried out. What is the reason? Finally, what is needed to be done to realize defects and to reveal resources of social management?"

PUBLICATIONS

Religion in our life

A HUMAN BEING BEFORE GOD

Gennady Bocharov converses with Metropolitan Yuvenaly of Krutitsy and Kolomna

Metropolitan Yuvenaly of Krutitsy and Kolomna holds one of the highest posts in the Russian Orthodox Church. Since 1977, he administrates the Moscow diocese in the territory of the Moscow Oblast. Since 1972, he holds permanent membership in the Holy Synod. In 1989, he was appointed to head the Synodal Commission on Canonization. In 1995-98, he chaired the Commission on Art Decoration of the Temple of the Christ the Savior in Moscow. He had many church and state awards, including the Order of Merit For Country, 4th Degree, presented to Metropolitan Yuvenaly by President V. Putin of Russia, in 2006.

"The country's political, economic, social and cultural life has radically changed. The artificial, ideological barriers have tumbled down. Millions of people are again longing for the Church, for the faith. The immense changes are seen everywhere. They are seen in the Moscow diocese as well. Yet, the struggle for revival is a matter of long way. Today, we are just step on it. I am not offended hearing old peoples' sincere regrets for so-called 'sluggishness' of the Church, for such slow correcting the public vices, even when the Church participates. These peoples had been living in the atheistic atmosphere. Their consciousness had been distorting for decades. What they are guilty of? Today, their hearts need to be warmed, too".

Rasim Agayev (Azerbaijan). MISSION IN TABRIZ

Chapter from the book Mirh-Ali Kashkai is going to be published by the Molodaya Gvardia Publishers in the Life of Outstanding People series.

"Very few people in Baku, including our hero, knew or guessed that Moscow, ever since 1940, had included the Southern Azerbaijan in the Soviet Union's strategic plans. To follow such a policy the Kremlin had calculations and reasons of its own: an option to add that part of Iran to Azerbaijan SSR, to expand the base of strategic influence in the Mid-Eastern region, to take the lead over the German strategists aimed to put the economy of Iran under their control."

"The chief thing was oil, of course. In the morning on August 26th, that is just two months later of the beginning of the war, the rumor (as muffled as possible) spread across Baku: the Red Army crossed the Iranian border in the night. At first, very few people believed that. But at the Central Committee of the Communist Party of Azerbaijan headquarters, where Baghirov spent a sleepless night, it was known: on August 25th at 2 o'clock in the morning, the advanced units of the Red Army began the military operation. Between 5 and 7 o'clock in the morning, all line along from Nakhichevan up to the southern coast of the Caspian Sea, the USSR frontier troops, the 44th and 47th Armies, the Caspian Fleet, the 8th Transcaucasian Corps, the 132nd Evlakh air-force division began combat operations in the Southern Azerbaijan and in the south of the Caspian Sea. The Iranian local resistance proceeded up to one o'clock in the afternoon. The Iranian Army capitulated at once. The Soviet troops took over the Southern Azerbaijan, Gilyan, Mazandaran and Khorosan."

Secrets of history

Vladimir Roschupkin. IMPACT ACROSS NEW YORK

1. In 2001 terrorists managed to carry out Hitler's devil plan. In September America will note next anniversary of the largest act of terrorism in national, yes perhaps, and in world history. This shock at a national level is aggravated by that the USA which from the middle of

XIX century did not know wars in the territory, have appeared defenseless before attack from air.

2. There were many reasons, on which German forces cooperated with special services, it was not possible to put planned in the deepest secret "impact across New York". But it is thought, that the most important that owing to Red Army, courage and heroism of all our people, the allied nations was possible to achieve a victory over May, 1945. Here opinion of experts: under plans German forces the first rocket impact across New York, and also impacts by cruise missiles across Chelyabinsk, Sverdlovsk and other cities of Urals Mountains could be accomplished in October, 1945.

3. errorists. who on September, 11th, 2001 have struck on two skyscrapers, as a matter of fact realized brutal idea of bosses of hilarities Germany. It is not excluded, that pilots-condemned men managed to familiarize with plans of a top of "the third Reich" on drawing impact on Empire State building. In favors of such assumption speaks that fact, that two terrorists originally managed to settle and be legalized in Germany. And already there from they have got over in the USA where have passed a curriculum on management of "Boeing".

NOTES ON A BOOK'S MARGINES

Elvira Spirova. THE FUTURE AS THE SURPRISE

On the book Progress: The History of the Idea by Robert Nisbet. M., 2008.

1. The author argues, that from ancient Greeks till these days the idea of Progress is the focal subject for the Western intellectuals and Western civilization. Moreover, he grieves about many modern intellectuals having lost their beliefs in Progress, and he is sure it can ruin down the Western civilization.

2. R.Nisbet believes, the idea of Progress has brought in much more good for the twenty five centuries of its existence, than the rejection of the concept. It is a point to disagree with the venerable sociologist. In my opinion, it was precisely the soundness testing of the idea that could help the mankind to overcome history's gaps, to reveal the resources of social dynamics.

3. In his book, R.Nisbet amazes the reader with his scholarly erudition, thoroughness and depth of sociological thinking. But the book, certainly, has lost in the culturological aspect. The idea of Progress is so all-embracing that one can theoretically prove its presence in the Stone Age petroglyphs. We may consider it to be oversimplified, however, to state that the notion of the idea having actually become all-embracing. It is not by chance, the more shrewd culturologists define different stages in development of the human history.

*Peter Tsvetov. THE GENERAL AND PARTICULAR
IN THE WORLD PRACTICING FEDERALISM*

On the book Federalism: An Introduction by George Anderson.
Oxford University Press, 2008, 96 pp.

1. Quite recently, George Anderson has attempted to describe the phenomenon of federalism relying upon the world experience as the base. The former government member, today, he holds the position of President of the Forum of Federations, the international noncommercial organization registered in Ottawa, Canada. The author's systematizing and summarizing the rich factual material, certainly, is of interest to our reader, especially politicians and politologists.

2. For all uniqueness of the historical experience of federative states' formation, the author finds it possible to point at the common causes even here: for some countries it was the necessity to unite the former separated parts into a new solid state, while others had to restructure the former unified state in the interests of adherence to democratic values; and sometimes both the two were involved.

3. The book by the conscientious Canadian researcher once again confirms the diversity of the world around us, not just the natural one, but the human-made as well, the one people use

for their good and progress. At that, each nation is free to choose (and chooses) the national form of federalism that fits the actual circumstances.

Reviews

Vagif Guseynov

On the book. The Socio-Political Processes in the Mid-East Arab countries (the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries) by Vladimir Akhmedov.

1. The book is based on materials the author had collected during his business trips to the Middle East in 1990s – 2007, the memos on personal meetings with people from various professional and political groups in Syria, Egypt, Saudi Arabia, Lebanon and other countries of the region. Considerable role has played the author's working and teaching in Moscow's leading institutions of higher learning.

2. The object of research is the Mid-Eastern region, its socio-political systems. It is peculiar that today the majority of the Arab countries are just trying to make transition from the authoritative model of governance to a more liberal one.

3. The work sums up the many-year observations and reflections that helped the author to cover the wide range of major problems in the Mid-Eastern region, the socio-political processes in it closely tied up with its history, culture, specifics in the life of the Arabian society.

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович (Азербайджан) – заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог, окончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 г. в журналистике – Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Бочаров Геннадий Николаевич – член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира. В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках». В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им.Михаила Кольцова; премии им.Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С.Королева и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды. Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером – ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г.Бочарова – человек преодолевающий. Лучшие работы Бочарова составляют учебное пособие – книга «Чистые вершины» – для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык. В течение последних 15 лет Г.Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, профессор, российский востоковед и американист. После окончания Ленинградского государственного университета начинал переводчиком с восточных языков, затем работал научным сотрудником в Институте США и Канады, затем преподавал в Стэнфордском университете. В настоящее время работает в Государственном университете – Высшей школы экономики. Сфера научных интересов включает анализ американской и российской политики в отношении «проблемных» государств, вопросы распространения ОМУ, региональные конфликты в Азии.

Буянов Валерий Степанович – доктор философских наук, профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ, заместитель руководителя Центра глобалистики РАГС. Область научных интересов: геополитика и глобалистика.

Валитов Аскар Искандарович – студент 3-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии. Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской Академии наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики». Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 г. – председатель КГБ Азербайджана. С 1998 г. – член Совета по внешней и оборонной политике. Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть – экономика и геополитика». Соредактор монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор и редактор книг: «Россия–Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Мир вокруг России: 2017. Контурсы недалекого будущего» (2007), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002). Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Дергачев Владимир Александрович (Украина) – русский геополитик, живущий в Одессе. Профессор, доктор географических наук, член Союза журналистов Украины. Окончил с отличием Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым теории Больших многомерных пространств впервые в Восточной Европе создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, геоэкономике и геофилософии, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор более 500 научных и публицистических работ, за последние годы опубликовано 16 книг, в том числе: Геополитика (Киев: ВИРА-Р, 2000); Геоэкономика (Киев: ВИРА-Р, 2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (Киев: ВИРА-Р, 2004); Геополитика. Учебник (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004).; Регионоведение (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004, в соавторстве с Л.Б.Вардомским); Международные экономические отношения (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005); Глобалистика (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005). Публицистические статьи печатались в киевских и московских газетах «Известия», «Литературная газета», «Экономическая газета», «Общая газета» и интернет-изданиях.

Дугин Александр Гельевич – философ, доктор политических наук, православный (единоверец – старообрядческое согласие, приемлющее священство МП), публицист, основатель идейного течения «неевразийство», создатель современной российской школы геополитики. Родился в 1962 г. В 1988–1991 гг. – главный редактор издательского центра ЭОН. С 1990 г. – главный редактор альманаха «Милый Ангел»; с 1991 г. – главный редактор журнала «Элементы», председатель Историко-Религиозной Ассоциации «Арктогея». Владеет 9 иностранными языками. С 1998 г. – советник Председателя Государственной думы, ректор «Нового университета»; с 1999 г. – председатель секции «Центр геополитических экс-

пертиз» Экспертно-консультативного совета по проблемам национальной безопасности при председателе Государственной думы. С 2001 г. председатель политсовета (лидер) Общероссийского общественно-политического движения «Евразия»; с 2002 г. – председатель политической партии «Евразия»; с 2004 г. – лидер международного «Евразийского движения». Автор более 20 монографий, в том числе опубликованных в последние годы: «Русская вещь» (в 2 т., М., 2001), «Эволюция парадигмальных оснований науки» (М., 2002), «Философия традиционализма (лекции «Нового университета»)» (М., 2002), «Основы евразийства» (М., 2002), «Философия политики» (М., 2003), «Проект – Евразия», (М., 2004), «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева» (М., 2004), «Философия войны» (М., 2004).

Канаев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, и.о. ведущего научного сотрудника Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. Занимается изучением вопросов многостороннего сотрудничества в сфере безопасности между странами Восточной Азии с акцентом на политике АСЕАН.

Касаев Эльдар Османович – выпускник Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО (У) МИД России. Автор ряда научных работ и публикаций по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки. В настоящий момент автор готовит к защите диссертационную работу (по кафедре международного права МГИМО) на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Комлева Елена Владимировна – научный сотрудник Университета Дортмунда, Германия, аспирант Мурманского государственного технического университета, переводчик международного отдела Института проблем промышленной экологии Севера (ИППЭС) Кольского научного центра Российской академии наук (КНЦ РАН). Обладатель международных грантов нескольких исследовательских центров. Автор ряда научных трудов по проблемам экологии и ядерной безопасности.

Мирский Георгий Ильич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ. Область научных интересов: исламский фундаментализм, палестинская проблема, проблемы международного терроризма, страны Ближнего Востока.

Паньков Владимир Степанович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ. Область научных интересов: мировая экономика, международные экономические отношения, экономическая теория, история экономической мысли.

Рощупкин Владимир Тимофеевич – обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В.Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Спирова Эльвира Маратовна – кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Суздальцев Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ. Профессиональные интересы: проблемы стран постсоветского пространства, геополитика постсоветского пространства, модели экономического развития, трудовая миграция на постсоветском пространстве, влияние России на политические и экономические процессы на постсоветском пространстве.

Цветов Петр Юрьевич – кандидат исторических наук, внешнеполитический обозреватель журнала «Российская Федерация сегодня». Окончил вьетнамское отделение Институ-

та стран Азии и Африки МГУ. Работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, в МГИМО МИД, в Отделе ЦК КПСС, в 1989–1993 гг. – собственный корреспондент газеты «Правда» в странах Юго-Восточной Азии, в 1994–2002 гг. – представитель Росзарубежцентра во Вьетнаме. Автор статей по новейшей истории и современной политике стран Юго-Восточной Азии в журналах «Азия и Африка сегодня», «Восток», «Новая и новейшая история», «Проблемы Дальнего Востока» и др. Соавтор университетского учебника по истории Вьетнама. Член Центрального правления Общества дружбы с Вьетнамом, член Совета общественного движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН».

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты». Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист». С 1972 г. – старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии – ИМЭПИ РАН). В 1978–1980 гг. – доцент Института философии и социологии Польской академии наук. В 1986–1990 гг. – консультант отдела ЦК КПСС. В 1992–1993 гг. – профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993–1995 гг. – директор научных программ Горбачев-фонда, 1995–1996 – профессор Вудро Вильсон-центра (США). Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996–1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998–1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

OUR AUTHORS

Rasim G.AGAYEV (Azerbaijan) – Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the *Trud* newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Gennady N.BOCHAROV – member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages. For a number of years, was a practical journalist of note – special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* newspaper. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its hot spots. In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovsky Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-cite brought him, among the others, the Yuri Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges. Had the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle. Early in 1990s, his book *The Russian Roulette* turned out to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most books by G. Bocharov is a person overcoming. The best by G.Bocharov made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities. For the last 15 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. As such, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Maxim V.BRATERSKY – Dr.Sc. (Politology), professor, the Russian scholar in Oriental and the American studies. Upon graduation from the Leningrad State University, worked as a Oriental languages translator, then was employed as a researcher by the Institute of the US and Canadian Studies, and lectured at the Stanford University later. Currently, employed by the State University – Higher School of Economics (SU-HSE). Scientific/research interests include the analysis of the American and Russian policies towards the "problem" states, proliferation of the WMD, regional conflicts in Asia.

Valery S.BUYANOV – Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Chair of National, Federal and International Relations of the Russian Federation President Academy of Government Service (-RAGS), Deputy Head of the RAGS Center of Global Studies. Scientific researches include geopolitics and global studies.

Vladimir A.DERGACHEV (Ukraine) – Dr.Sc. (Geography), Professor, expert in geopolitics, the Russian living in Odessa, Ukraine. Holds membership in the Union of Journalists of Ukraine. Graduated with distinction, completed post-graduate courses (PhD), and doctorate studies (doctor's degree) at the Moscow M.V.Lomonosov State University. First time in the Eastern Europe, the series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, Geoeconomics and Geophilosophy aimed to form analytical thinking have been put out based upon the theory of Greater Many-Dimensional Spaces worked out by professor Dergachev. Authored over 500 scientific and popular writings. Recently, had 16 books published, including *The Geopolitics* (Kiev: VIRA-R, 2000); *The Geoeconomics* (Kiev: VIRA-R, 2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (Kiev: VIRA-R, 2004); *The Geopolitics. Textbook* (M.: UNITI-DANA, 2004); *The Regionology* (M.: UNITI-DANA, 2004, co-authored by L.B.Vardomsky); the *International Economic Relations* (M.: UNITI-DANA, 2005); *The Globalistics* (M.: UNITI-DANA, 2005). Frequently contributed to Kiev and Moscow newspapers, such as *Izvestiya*, *Literaturnaya Gazeta*, *Economicheskaya Gazeta*, *Obschaya Gazeta*, and to Internet-editions. More detailed professor Dergachev's curricula vitae and his Big Geopolitical Dictionary see at his personal web-site <http://www.dergachev.ru>

Alexander G.DUGIN – philosopher, Dr.Sc. (Politology), Orthodox believer (member of Edinoverie – the Old Belief Consent, accepting the Moscow Patriarchy Priesthood), publicist, the founder of the Neoevraziistvo ideological movement, an originator of modern Russian school in geopolitics. Born in 1962. In 1988–1991, Chief Editor, the EON publishing center, Editor-in-Chief, the Lovely Angel almanac (about 1990), Chief Editor, the Elements magazine (since 1991), Chairman, the Arktogeya historical and religious association. Speaks nine foreign languages. Since 1998, the adviser to the Chairman of the State Duma, Rector of the New University; since 1999, chairs the Center of Geopolitical Expert section at the State Duma Chairman's expert and consultative council on the national security problems. Since 2001, Chairman of the Political Council (leader), the Eurasia All-Russian socio-political movement; since 2002, Chairman, the Eurasia political party; since 2004, the leader, the Eurasian Movement international organization. Authored more than 20 monographs, including recently published *The Russian Thing* (in two volumes; M., 2001), *The Evolution of the Paradigm Principles of Science* (M., 2002), *The Philosophy of Traditionalism* (Lectures at the New University, M., 2002), *The Principles of Evraziistvo* (M., 2002), *The Philosophy of Politics* (M., 2003), *The Project – Eurasia*; *The Noursultan Nazarbayev's Eurasian Mission*; *The Philosophy of War* (all – M., 2004).

Pavel S.GUREVICH – D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic. Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including *The Philosophical Anthropology* (2001), *The Foundation of Philosophy* (2002), *The Culturology* (2003), *The Psychology* (2004).

Vagif A.Guseynov – director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical "Analytical Messenger". Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper "Molodezh Azerbajana" editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense

Policy (SFDP). Author of several books: "From Yeltsin to...?" (Volume I–III: "The chronicle of secret struggle", "Euphoria of power", "War of discreditable materials"), "The Caspian oil (economy and geopolitics)". Co-edited the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004) and *The Mediterranean – Black Sea Coast – Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006), *The Big Near East: stimulus and preliminary results of democratization* (2007). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007), *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006), *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002).

Yevgeny A.KANAYEV – Cand.Sc. (History), acting chief researcher of the Center of Asian-Pacific Studies at the Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and International Relations. Engaged in studying multilateral cooperation in the sphere of security between the East Asian countries, accentuated on the ASEAN policy.

Eldar O.KASAYEV – graduated from International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University. In 2006, he took part in the research of political, law and economic risks in the Middle East and Northern Africa countries sponsored by the Rosneft Open Joint Stock oil company. In the same year, he participated in the *What Way Does Iraq Go?* situational analysis carried out under the supervision of the RAS Academician E. M. Prymakov.

Yelena V.KOMLEVA – the researcher at the University of Dortmund, Germany, the post-graduate student at the Murmansk State Technical University, the translator employed by the International Department of the Institute of Industrial Ecology of the North Studies at the Russian Academy of Sciences Kola Scientific Center the (the RAS KSC). The holder of international grants from several research institutions. Authored some scientific works on ecology and nuclear security.

Georgy I.MIRSKY – Dr.Sc. (History), the professor at the World Politics chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University – Higher School of Economics (SU-HSE). Research interests include the Islamic fundamentalism; the Palestinian problem; international terrorism; the Middle East countries.

Vladimir S.PAN'KOV – Dr.Sc. (Economics), the professor, head of the International Economic Relations chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University – Higher School of Economics (SU-HSE). Research interests include world economics; the international economic relations; the economic theory; the history of economic thinking.

Vladimir T.ROSCHUPKIN – Cand.Sc. (Politicalology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the *Khranitel (Custodian)* media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M.V.Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Elvira M.SPIROVA – Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Andrey I.SUZDAL'TSEV – Cand.Sc. (History), the associated professor at the World Politics chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University – Higher School of Economics (SU-HSE). Research interests include the problems of the post-Soviet space countries; the geopolitics of the post-Soviet space; models of economic development; labor migration in the post-Soviet space; Russia's influence on political and economic processes in the post-Soviet space.

Alexander S.TSIPKO – principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the

"Literaturnaya gazeta", doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University. He worked in the newspaper "Komsomolskaya pravda", the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal "Molodoy kommunist". Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU. In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA). Editor of the supplement to the "Nezavisimaya Gazeta" newspaper "NG-scenarios" in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999. Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

Petr Yu. TSVETOV – Cand.Sc. (History), the foreign-policy analyst at the Russian Federation Today magazine. Graduated from the Institute of the Countries of Asia and Africa at the Moscow State University (the Vietnamese branch). Had employment at the USSR Academy of Sciences Institute of World Economy and International relations, at the Ministry for Foreign Affairs State Institute of International relations, at the CPSU Central Committee Department; in 1989–1993 was the Pravda newspaper's own correspondent in the countries of Southeast Asia; in 1994–2002, represent the Roszarubezhtsentr in Vietnam. Authored articles on the newest history and contemporary policy of the countries of Southeast Asia, published in such journals as the Asia and Africa Today, Vostok, Novaya i Noveishaya Istoriya, Problemy Dalnego Vostoka, etc. Co-authored the university textbook on the history of Vietnam. The Central Board member of the Society of Friendship with Vietnam; the Board member of the public movement 'For Strengthening the Democratic World Law Order and Supporting the United Nations'.

Askar I. VALITOV – the 3-year student of the Department of World Economy and World Politics of the State University – Higher School of Economics (SU-HSE).

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(33)

Перевод с английского Владимира Мисюченко

Корректura *А.В.Панюгиной*
Верстка *Л.В.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88

Факс: (495) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: issa@umail.ru

info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 26.08.08 г. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,75. Заказ № 175.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№

р/с 40702810900000080011

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата

Сумма платежа

Руб.

коп.

Плательщик

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№

р/с 40702810900000080011

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата

Сумма платежа

руб.

коп.

Плательщик

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир